

18+

ИНОГДА
ОДНОГО ЖЕЛАНИЯ
НЕДОСТАТОЧНО...

ОТ АВТОРА
БЕСТСЕЛЛЕРОВ
«БУМАЖНАЯ ПРИНЦЕССА»
«СЛОМЛЕННЫЙ ПРИНЦ»
«РАЗРУШЕННЫЙ ДВОРЕЦ»

ЭРИН УАТТ

ОТВЕРГНУТЫЙ НАСЛЕДНИК

Annotation

Истон Ройал умен, богат, красив и влиятелен. Что еще нужно, чтобы быть в центре внимания? Любая в Астон-Парке хочет стать его девушкой. Но Истону наскучили надменные школьные красавицы. В поисках приключений он пускается во все тяжкие, пока не встречает ее.

Хартли Райт – крепкий орешек. Ей нет дела до популярности Истона, ведь у нее совсем другие интересы. Более того, девушка убеждена, что Истону Ройалу давно пора повзрослеть. Возможно, Хартли права, но ее недоступность лишь больше разжигает его.

Похоже, для Истона настало время понять, что одной фамилии Ройал не достаточно, чтобы заполучить желаемое, и что чем выше ты взлетел, тем большее будет падать...

- [Эрин Уатт](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Оставайтесь на связи](#)
 - [Об авторе](#)
-

Эрин Уатт

Отвергнутый наследник

*Всем, кто требовал отдельной истории про
Истона Ройала. Эта книга для вас.*

Copyright © 2017 by Erin Watt

© Е.Прокопьева, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Глава 1

– И помните: какую бы функцию вы ни выбрали, суммарная разница будет зависеть от первой и последней, – звенит звонок, и мисс Манн заканчивает занятие. Последний урок на сегодня.

Все начинают складывать свои вещи. Все, кроме меня.

Откинувшись на спинку стула, я стучу карандашом по краю учебника и с едва заметной улыбкой наблюдаю, как наша новая учительница пытается удержать остатки внимания своих учеников. Она такая милая, когда волнуется.

– Части 1а и 1б к завтрашнему дню! – кричит мисс Манн, но ее уже никто не слышит: все ломанулись к дверям.

– Истон, идешь?

У моего стола останавливается Элла Харпер, сверля меня пристальным взглядом голубых глаз. А она похудела. По-моему, аппетит оставил ее в один день с моим братом.

Нет, Рид не *бросил* ее. Старший братец по-прежнему по уши влюблен в Эллу, нашу типа сводную сестру. Если бы он не любил ее, то выбрал бы какой-нибудь крутой колледж как можно дальше от Бэйвью. Но вместо этого Рид учится в университете штата, который находится поблизости, и эти двое могут навещать друг друга в выходные.

– Не, – отвечаю я. – У меня тут вопрос к учителю.

От моих слов худенькие плечи мисс Манн вздрагивают. Даже Элла это замечает.

– Ист... – начинает она, кривя свои красивые губки.

Я уже вижу, как Элла читает очередную лекцию на тему того, что мне следует взяться за ум. Занятия начались неделю назад, а я уже маюсь от скуки. А что мне еще остается, кроме как валять дурака? Учиться необязательно. Футбол меня мало волнует. К тому же отец запретил мне летать, и шансов на то, что я верну себе летную лицензию, все меньше. Так что, если Элла не отвяжется от меня ко всем чертям, я забуду, что она девушка моего брата и сделаю все, чтобы соблазнить ее.

– Увидимся дома, – решительно отвечаю я Элле.

Мисс Манн безбожно флиртowała со мной с самого первого дня, и после недели обмена похотливыми взглядами я собираюсь взять быка за рога. Да, это неправильно, зато добавит адреналина в кровь нам обоим.

В «Астор-Парк» редко принимают молоденьких горячих училок.

Администрации прекрасно известно, что здесь слишком много скучающих богатых мальчишек, которые только и ищут приключений. Директору Берингеру пришлось замять не одно дело об отношениях между учениками и преподавателями – и я не про те слухи, что все время ходят по школе, потому что сам был замешан в таких «неподобающих» отношениях. Если, конечно, можно считать *отношениями* страстный поцелуй с учительницей по биологии за спортзалом. Я вот так не считаю.

– Не возражаю, если останешься, – растягивая слова, говорю я упрямой Элле, которая словно выросла в выложенный плиткой пол. – Но, наверное, для тебя же будет лучше подождать меня в коридоре.

В ответ она испепеляет меня взглядом. От нее почти невозможно ничего скрыть. У Эллы было не самое радужное детство, и ей всегда все известно. Или известно, какой я распущенный, и этого достаточно.

– Не знаю, что ты ищешь, но сомневаюсь, что оно находится под юбкой мисс Манн, – едва слышно говорит она.

– Там видно будет, – язвительно отвечаю я.

Элла вздыхает и сдается.

– Будь осторожен, – предупреждает она меня, но достаточно громко для того, чтобы услышала мисс Манн.

Учительница вспыхивает и таращится в пол, пока Элла покидает класс.

Я подавляю прилив раздражения. В чем меня можно обвинять? Я хочу прожить свою жизнь на полную катушку и не собираюсь никому причинять вреда. Мне восемнадцать. Мисс Манн совершеннолетняя. Ну и что, что сейчас она работает учительницей?

Когда дверь за Эллой закрывается, в классе повисает тишина. Мисс Манн теребит подол своей светло-голубой юбки. Черт, она начинает сомневаться.

Я немного разочарован, но ничего страшного не случится. Я не из тех парней, которым нужно трахнуть любую девушку, которая им попадется, – вокруг много других. Если одна не хочет, переходишь к другой.

Я наклоняюсь, чтобы взять рюкзак, и замечаю прямо перед собой пару красивых туфель на шпильках.

– У вас был какой-то вопрос, мистер Ройал? – тихим голосом спрашивает мисс Манн.

Я медленно поднимаю голову, изучая ее длинные ноги, изгиб бедер, тонкую талию, где чопорная белая блузка заправлена в точно такую же чопорную юбку. Под моим взглядом ее грудь тяжело поднимается и опускается, а жилка на шее начинает бешено пульсировать.

– Да. Вы не можете мне решить одну проблему, с которой я сталкиваюсь во время урока? – Я кладу ладонь на ее бедро. Она вздыхает, и я провожу пальцем вдоль пояса ее юбки. – Мне никак не удастся сосредоточиться.

Мисс Манн делает глубокий вдох.

– Неужели?

– М-м-м, по-моему, это из-за того, что каждый раз, стоит мне посмотреть на вас, у меня складывается впечатление, что вы тоже не можете сосредоточиться. – Я едва заметно улыбаюсь. – Может, это потому, что вы фантазируете о том, как вас нагнули через стол, а весь класс наблюдает?

Мисс Манн смущена.

– Мистер Ройал. Я не имею ни малейшего понятия, о чем вы говорите. И попрошу вас убрать руку с моей талии.

– Конечно. – Я передвигаю ладонь ниже, и мои пальцы касаются подола ее юбки. – Так лучше? А то я могу убрать ее совсем.

Мы встречаемся взглядами.

Последний шанс, мисс Манн. Мы оба понимаем, что я сейчас не только помял ей юбку, но и могу испортить ее репутацию, но ноги мисс Манн словно приросли к полу.

Когда она наконец решается заговорить, ее голос звучит хрипло.

– Да, мистер Ройал, так лучше. Думаю, решение вашей проблемы с концентрацией внимания прямо у вас под рукой.

Моя ладонь проскальзывает ей под юбку, и я самоуверенно ухмыляюсь.

– Я пытаюсь исключить сложные функции.

Веки мисс Манн трепещут, она закрывает их – сдалась.

– Мы не должны этого делать.

– Я знаю. Именно поэтому будет здорово.

Я ощущаю под своими ладонями ее упругие бедра. Мы ведем себя очень плохо, к тому же оба прекрасно понимаем, что нас могут застукать в любой момент. Да, она последняя, кого мне можно вот так касаться, но именно поэтому я возбуждаюсь еще сильнее.

Мисс Манн кладет ладони мне на плечи и пытается удержать равновесие, пальцами впиваясь в ткань дизайнерского школьного пиджака от Тома Форда за две тысячи долларов. Мои же пальцы творят свою магию. Пустой класс наполняют тихие приглушенные звуки, и вот слышится лишь ее тяжелое дыхание.

С довольной улыбкой мисс Манн чуть отходит от меня, разглаживает

руками складки на юбке и опускается на колени.

– Твоя очередь, – шепчет она.

Я вытягиваю ноги и откидываюсь на спинку стула. Скажу честно, углубленная математика – лучший предмет, который мне когда-либо доводилось изучать в «Астор-Парке».

Вернув долг, мисс Манн смотрит на меня с неуверенной улыбкой. Она наклоняется ближе, и кончики ее волос задевают мои бедра.

– Можешь прийти ко мне сегодня вечером. Моя дочь ложится спать в десять.

Я застываю. Все это могло кончиться по-разному, но именно этой ситуации я очень надеялся избежать. В моей голове проносятся несколько вариантов ответа, но я не успеваю остановиться на каком-то одном, потому что дверь в класс открывается.

– О боже!

Мисс Манн и я одновременно разворачиваемся в сторону двери. Мне удается разглядеть лишь мелькнувшие в проеме иссиня-черные волосы и синий форменный пиджак «Астор-Парка».

Мисс Манн, резко вскочив, чуть не падает. Я успеваю поймать ее. Она едва держится на ногах, и мне приходится помочь ей дойти до стола.

– О господи, – в ступоре произносит она. – Кто это был? Как ты думаешь, она видела?..

Видела ли она, что мисс Манн стоит на коленях, видела ли ее помятую одежду и мои спущенные штаны? Э-э-э, да. Она видела.

– Видела, – говорю я вслух.

От этого моя учительница впадает в еще большую панику. С мучительным стоном она опускает голову и закрывает лицо руками.

– О господи. Меня уволят.

Я заканчиваю приводить себя в порядок, хватаю рюкзак и быстро засовываю туда свои вещи.

– Нет. Все обойдется.

Но в моем голосе не так уж много уверенности, и она это слышит.

– Нет, ничего не обойдется!

Я обеспокоенно смотрю на дверь.

– Ш-ш-ш. Кто-нибудь вас услышит.

– Нас *видели*, – шипит она в ответ, ее голос дрожит, а в глазах застыл панический ужас. – Ты должен отыскать эту девочку. Найди ее, сделай что-нибудь в духе Истона Ройала и убедись, что она никому ничего не расскажет.

В духе Истона Ройала?

Но мисс Манн быстро продолжает, не давая мне шанса узнать, что же, черт возьми, я должен такое сделать.

– Нельзя, чтобы меня уволили. *Нельзя*. Мне нужно растить дочь! – Ее голос снова начинает дрожать. – Реши эту проблему. Пожалуйста, иди и *сделай что-нибудь!*

– Ладно, – успокаиваю я ее. – Я все улажу.

Только вот как – понятия не имею, но мисс Манн в двух секундах от нервного срыва.

Она снова издает тихий стон.

– И это больше никогда не повторится, ты меня понял? Больше никогда.

Я только «за». Ее паническая атака испортила мне все настроение, что уж говорить о желании повторить все это. Я люблю, чтобы мои интрижки заканчивались так же приятно, как начинались. Нет ничего сексуального в том, чтобы быть с девушкой, которую мучают сожаления, поэтому лучше с самого начала убедиться в том, что она тоже хочет быть с тобой. Если есть хоть капля сомнений, то лучше даже не начинать.

– Понял, – кивнув, отвечаю я.

Мисс Манн смотрит на меня с мольбой во взгляде.

– Тогда почему ты еще здесь? Уходи!

Действительно.

Я закидываю на плечо рюкзак и выхожу из класса. Оказавшись в коридоре, быстро оглядываюсь по сторонам. Народу как-то больше, чем обычно. И почему все слоняются по школе? Занятия ведь давно закончились. Эй, идите домой.

Мой взгляд мельком останавливается на Фелисити Уортингтон, которая перебрасывает через плечо свои платиновые волосы. Клэр Донахью, моя бывшая, тут же поднимает на меня полные надежды голубые глаза: она все еще хочет, чтобы мы снова были вместе, с тех пор как начался учебный год. Мне удастся не встретиться с ней взглядом, и я переключаюсь на Кейт и Алиссу, сестер Баллингер. Ни одной девушки с черными волосами. Я оглядываю коридор – опять ничего.

И уже собираюсь отвернуться, когда Фелисити вдруг наклоняется к Клэр, чтобы прошептать ей что-то на ухо, и там, где только что была голова Фелисити, замечая *ее*. Девчонка стоит лицом к своему шкафчику, но цвет ее волос невозможно спутать с другим: они такие черные, что под светом флуоресцентных ламп кажутся синими.

Я бросаюсь вперед.

– Истон, – доносится до меня голос Клэр.

– Не унижайся, – советует ей Фелисити.

Не обращая внимания ни на одну из них, я прохожу мимо.

– Эй!

Девчонка поднимает глаза. Испуганные, серые, они смотрят прямо на меня. Розовые губы чуть приоткрываются. Я жду, когда она улыбнется: так на меня обычно реагируют девчонки девять процентов женщин, вне зависимости от возраста. Но улыбка так и не появляется на ее лице, потом она резко разворачивается и убегает прочь по коридору.

От удивления я даже не бегу за ней. К тому же мне не хочется привлекать к себе лишнее внимание. С невозмутимым видом я закрываю ее шкафчик и только потом следую по коридору вслед за удаляющейся фигурой. Повернув за угол, тоже перехожу на бег. Я бегаю гораздо лучше нее, так что мне не составляет труда перехватить девчонку у раздевалок.

– Эй, – встав перед ней, говорю я, – где-то пожар?

Она едва успевает остановиться и чуть не падает. Я хватаю ее за плечи, чтобы удержать от падения на выложенный плиткой пол.

– Я ничего не видела, – высвобождаясь из-под моей руки, на одном дыхании тараторит она.

Я оглядываюсь по сторонам, чтобы убедиться, что у нас нет зрителей, но в коридоре пусто. Хорошо.

– Конечно, ты ничего не видела. И именно поэтому убежала, как ребенок, которого поймали, когда он сунул руку в банку с печенюшками.

– Раз уж на то пошло, это ты сунул руку не туда, куда следует, – парирует она. И тут же поджимает губы, осознав, что проговорила. – Хотя я ничего не видела.

– Ну-ну.

И что мне делать с этой милашкой? Жаль, что нужно нагнать на нее страху и заставить молчать.

Ядвигаюсь на нее. Она бочком отступает в сторону.

Я продолжаю наступление до тех пор, пока девчонка не оказывается прижатой спиной к стене. Потом наклоняюсь к ней так, что наши лбы находятся всего в паре сантиметров друг от друга. Так близко, что я слышу мятный запах ее жвачки.

Мисс Манн попросила меня решить эту проблему. И она права. То, что произошло в той классной комнате, должно было стать просто веселым приключением. Лично мне только этого и нужно – поразвлечься, а не рушить жизни других людей. Было прикольно заниматься кое-чем развратным и запрещенным, сознавать, что тебя могут поймать в любой момент.

Но знать, что из-за всего этого мисс Манн потеряет работу, а ее ребенок станет бездомным, – вот это уже совсем не прикольно.

– Значит... – начинаю я низким голосом.

– Э-э-э, Ройал, верно? – перебивает меня девчонка.

– Да. – Я не удивлен, что она меня знает. Не то чтобы я горжусь этим, но Ройалы правят этой школой уже несколько лет подряд. Слава богу, мне удалось избежать роли лидера. Сейчас главный Ройал у нас – Элла. Я лишь ее телохранитель. – А ты?

– Хартли. Слушай, я ничего не видела. – Она поднимает руку вверх, словно клянется, что говорит правду.

– Если бы это было так, Хартли, ты бы не стала сбегать.

Я прокручиваю в голове ее имя. Необычное, но не могу его вспомнить. Как и ее лицо, раз уж на то пошло. В «Асторе» почти нет новых лиц. Большинство учащихся я знаю с тех пор, как себя помню.

– Нет, ну серьезно. Я как одна из тех обезьян. – Хартли продолжает беспомощно защищаться и закрывает одной рукой свои глаза, а второй – рот. – Не вижу зла, не говорю про зло. Нет, конечно, то, что ты сделал, – не такое уж и зло. Вернее, то, что ты мог делать. Хотя я же ничего не видела. Ничего плохого, ничего хорошего.

Очарованный ею, я закрываю ее рот своей рукой.

– Ты много болтаешь.

– Это нервное, из-за новой школы. – Она поправляет свой форменный пиджак и выпячивает подбородок. – А даже если я что-то и видела, это не мое дело, ведь правда? Я не собираюсь рассказывать об этом.

Я скрещиваю руки на груди, и мой пиджак натягивается на плечах. У девчонки такой вид, как будто она не прочь схлестнуться со мной. Мне это нравится, жаль только, одним флиртом поставленных целей не добиться. Я добавляю в голос угрожающих ноток, надеясь, что страх заставит ее держать язык за зубами.

– Дело в том, что я тебя не знаю. Поэтому не могу вот так взять и просто поверить тебе на слово.

Угроза в голосе срабатывает, потому что Хартли напугана.

– Я... я никому не расскажу, – повторяет она.

И вдруг мне становится стыдно. Зачем я запугиваю эту девчонку? Но перед глазами тут же всплывает полное страха лицо мисс Манн. У мисс Манн есть ребенок, а Хартли – всего лишь еще одна богатенькая одноклассница. Ничего, переживет немного угроз.

– Да? А если кто-нибудь, например, директор Берингер, спросит тебя об этом? – Я склоняю голову набок, мой голос звучит еще более зловеще. –

Что тогда, *Хартли*? Что ты скажешь?

Глава 2

Пока Хартли обдумывает ответ, я украдкой разглядываю ее, не упуская ни одной детали. Она довольно миниатюрная – где-то полтора метра ростом – особенно по сравнению с моими ста восемьдесятью сантиметрами. В зоне декольте ей почти нечем хвастаться. На ногах совершенно ужасные лоферы. Обувь – это единственное, что не регламентирует школьная форма, дозволенный нам способ выражения собственной индивидуальности. Парни носят кроссовки или «тимберленды». Девчонки в большинстве своем предпочитают обуваться во что-то дорогое и модное, типа балеток от «Гуччи» или шпильки с красной подошвой. Сдается мне, своими лоферами Хартли хочет сказать: «Плевать я на все хочу». И мне это нравится.

Что касается всего остального, то она вполне себе заурядная. Стандартная школьная форма. Прямые длинные волосы. В ее лице нет ничего, что притягивало бы взгляд. Вот Элла, к примеру, потрясающе красивая. Моя бывшая, Клэр, не так давно была названа дебютанткой года. А у Хартли большие глаза, как у героев манги, и широкий рот. Кончик носа немного вздернут, но чертами ее лица, если она вдруг попадет на страницы какого-нибудь модного глянца, вряд ли кто-то станет восторгаться.

Наморщив нос, Хартли наконец отвечает мне.

– Что ж, давай посмотрим, что же я действительно видела? Ну... фактически я видела, как учительница наклонилась, чтобы поднять что-то с пола. Ну а ученик, хм, убрал с ее лица волосы, чтобы ей было лучше видно. Это было очень мило. И очень любезно с его стороны. Так что, если директор Берингер спросит меня, я скажу ему, что ты добропорядочный гражданин и что тебя следует номинировать на звание «ученик недели».

– Серьезно? Именно это ты собираешься ему сказать?

Мне хочется рассмеяться, но если я это сделаю, то на всех моих попытках запугать Хартли можно ставить крест.

– Клянусь богом.

Она прижимает ладонь к груди. У нее короткие ногти, совсем не похожие на ногти остальных девчонок из «Астора», предпочитающих идеальный, стильный маникюр.

– Я атеист, – сообщаю я ей.

Она хмурится.

– А с тобой не так просто договориться.

– Эй, но это же не я сунул свой нос не туда, куда надо.

– Это же школа! – Впервые за все время Хартли повышает голос. – Я могу заглядывать в любой класс, в какой захочу!

– Значит, ты признаешь, что подглядывала за мной.

Мне с трудом удается не улыбаться.

– Так, теперь мне понятно, почему тебе приходится заниматься сексом с учительницей. Никакая нормальная девчонка не смогла бы тебя вытерпеть.

Она злится, и я пропускаю ее колкость мимо ушей, потому что уже больше не в силах бороться с улыбкой.

– Откуда тебе знать, если ты не пробовала?

Хартли пристально смотрит на меня.

– Ты что, сейчас флиртуешь со мной? Я не собираюсь ничего пробовать.

– Нет, значит?

Я провожу языком по своей нижней губе. Да, я флиртую, потому что, какой бы обычной эта Хартли ни была, она вызывает мой интерес. А я, Истон Ройал, подчиняюсь законам вселенной и не упускаю ничего интересного.

В ее глазах на секунду вспыхивает восхищение. Всего лишь на одно короткое мгновение, но я всегда знаю, когда девчонка считает меня сексуальным и представляет себе, каково это – быть со мной.

И сейчас Хартли думает именно об этом.

Давай, детка, только попроси меня. Бери все, чего захочешь. Мне нравится, когда девушка фигурально и буквально берет меня за яйца и говорит мне, чего она хочет. Напрямик. Без всяких игр. Но, несмотря на весь этот феминизм и прочую фигню, оказывается, что большинство девчонок хочет, чтобы парни первыми добивались их. Что ж, досадно.

– Уф. – Хартли пытается отодвинуться от меня. – Серьезно, Ройал. Отвали.

Я прижимаю ладони к холодному дереву по обеим сторонам от ее головы. Хартли в ловушке.

– Или что?

Серые глаза вспыхивают, лишь разжигая мое любопытство.

– Может, я и маленького роста, зато легкие у меня как у кита, так что, если ты не сдвинешься с места, я буду верещать как сирена, до тех пор пока вся школа не соберется в этом коридоре, чтобы спасти меня от тебя.

Я усмехаюсь.

– Как сирена? А может, наоборот, ты меня соблазнишь?

– По-моему, это ты пытаешься соблазнить всех и вся, – сухо отвечает Хартли, но в уголках ее губ играет улыбка. – Ну а если серьезно, я открыла дверь только потому, что хочу перевестись в класс мисс Манн. Но я никому не собираюсь разбалтывать вашу маленькую тайну, ясно? – Она разводит руки в разные стороны. – Ну и что будем делать? Я начну орать как сирена или ты все-таки отойдешь в сторону?

Видимо, угрозы на Хартли не действуют, тем более что я вряд ли смогу придумать еще что-то. Угрожать девчонкам – не в моем стиле. Я предпочитаю делать их счастливыми. Так что, похоже, мне придется поверить ей на слово. По крайней мере, сейчас. И, если честно, Хартли непохожа на стукачку. Но даже если вдруг она проболтается, я всегда могу рассчитывать на деньги. Чтобы вытащить меня из этой передрыги с мисс Манн, папе, наверное, придется пожертвовать кругленькую сумму на очередной школьный грант, но ведь он уже делал это из-за Рида и Эллы. По-моему, мне тоже полагается небольшое наследство.

Ухмыляясь, я отхожу от Хартли.

– Слушай, если ты так хочешь попасть в этот класс с углубленным изучением математики... – я показываю на классную комнату в конце коридора, – то я бы посоветовал тебе поговорить с ней прямо сейчас. Ну, ты понимаешь... – Я подмигиваю. – Застать ее врасплох, когда она меньше всего этого ожидает.

У Хартли отвисает челюсть.

– То есть ты советуешь мне шантажировать ее? Сказать ей, что я буду держать язык за зубами, если она одобрит мой переход в свой класс?

Я пожимаю плечами.

– А почему бы и нет? Кто еще о тебе позаботится, если не ты сама?

Она пристально смотрит на меня. Я бы многое отдал, чтобы узнать, что сейчас происходит в ее голове. На ее лице невозможно ничего прочитать.

– Да, наверное, ты прав, – бормочет она. – Еще увидимся, Ройал.

И Хартли протискивается мимо меня. Я медленно двигаюсь вслед за ней, на ходу наблюдая, как она стучится в дверь и входит в классную комнату мисс Манн. Действительно ли она выберет путь шантажа? По правде говоря, я в этом сомневаюсь, но если она это сделает, то ее перевод будет тут же одобрен: учительница сделает все что угодно, лишь бы Хартли не сдала нас.

Пусть даже я вполне успешно справился со своим заданием «все уладить» (по крайней мере, так мне кажется), но из коридора не ухожу. Хочу убедиться, что между мисс Манн и Хартли не произойдет ничего

плохого. Так что я торчу рядом с классом, где меня и находит мой друг и товарищ по команде Паш Бхара.

– Йоу! – закатывая глаза, говорит он. – Ты должен был подвезти меня до дома. Я прождал тебя внизу минут пятнадцать, не меньше.

– Черт, мужик, я забыл. – Я пожимаю плечами. – Но мы не можем уйти прямо сейчас, я жду кое-кого. Ты не против потусить здесь еще несколько минут?

– Не вопрос. – Он встает рядом со мной. – Эй, а ты слышал, что в нашу команду пытаются заполучить нового квотербека?

– Серьезно?

В пятницу мы проиграли первый матч сезона, и, судя по игре линии обороны, нам нужно привыкать к этому. Корделл Янг, наш начинающий квотербек, разбил себе коленную чашечку во второй четверти матча, оставив нас на произвол судьбы с двумя девятиклассниками, которые словно соревновались за главную роль в фильме «Тупой и еще тупее».

– Тренер думает, что со всеми этими травмами и прочей фигней нам нужен еще человек.

– И он прав, но кто согласится прийти к нам в команду, когда сезон уже начался?

– По слухам, это будет кто-то либо из школы «Норт», либо из «Беллфилда».

– Почему именно эти две школы?

Я пытаюсь вспомнить тамошних квотербеков, но тщетно.

– Может, потому что они играют по той же схеме в обороне, что и мы? Парень из «Беллфилда» крутой. Я пересекался с ним на паре вечеринок. Порядочный и трезвенник.

– Тогда какие проблемы? Нам достанется больше выпивки, – шучу я, но уже начинаю нервничать: что-то Хартли там долго. Мисс Манн хватило бы и пяти секунд, чтобы вписать ее имя в заявку на перевод.

Я заглядываю в маленькое окошечко в двери, но вижу лишь затылок Хартли. Мисс Манн вне поля зрения.

Что они там копаются? Мисс Манн ни за что не стала бы противиться просьбе Хартли.

– Согласен. – В руке Паша жужжит золотистый телефон. Он пробегает глазами сообщение и машет мне мобильником. – Ты идешь на сегодняшнюю вечеринку?

– Может быть.

Но я едва обращаю на него внимание – развернувшись, снова заглядываю в окошко классной комнаты. В этот раз Паш замечает, что я

делаю.

– Чувак, серьезно? Мисс Манн? – подняв брови, спрашивает он. – Ты уже устал от девчонок «Астора»? Мы можем взять самолет твоего папы и слетать в Нью-Йорк. Начинается Неделя моды, в городе будет полным-полно моделей. О, или мы можем дождаться, когда к нам переведут нового квотербека и он познакомит нас с девчонками из своей школы. – Он подмигивает мне и поддевает меня локтем. – Хотя вряд ли что-то сравнится с тем, когда нарушаешь правила, да?

Раздраженный тем, что он раскусил меня, я натянуто отвечаю:

– Нет. Она слишком старая.

– Тогда кто там? – Паш пытается заглянуть в окно, но я пользуюсь своими размерами, чтобы загородить ему вид.

– Никто. Там внутри какая-то девчонка, и я жду, когда она уйдет, чтобы убедиться, что правильно записал задание.

– Все задания можно найти онлайн, – подсказывает друг.

– А, точно.

Но с места я не двигаюсь.

Паш, естественно, заинтригован еще больше.

– Так кто там? – пытаюсь отодвинуть меня в сторону и заглянуть в класс, допытывается он.

Я решаю отойти и позволить ему выяснить это самому – иначе он от меня никогда не отстанет.

Паш прижимается носом к стеклу, внимательно смотрит, а потом выдает:

– О, значит, ты *все-таки* торчишь здесь из-за мисс Манн.

– Я же так и сказал.

Но теперь я полон замешательства. Почему он так быстро решил, что Хартли вне зоны моих интересов?

Паш снова начинает ковыряться в своем телефоне.

– Ладно, все это ужасно скучно. Я подожду тебя внизу, на парковке.

Он идет по коридору, и тут любопытство берет надо мной верх.

– Почему не из-за той девчонки? – кричу я ему вслед.

Паш разворачивается и, пятясь назад, отвечает:

– Потому что она не в твоём вкусе.

– А кто в моем вкусе?

– Горячие девчонки. Фигуристы, горячие, – еще раз повторяет он и исчезает за углом.

– Вау, – раздается сухой голос. – Я совершенно уничтожена: твой друг считает меня холодной и плоской.

Я чуть не подпрыгиваю от испуга.

– *Господи боже*. Ты можешь издавать хоть какие-то звуки, когда двигаешься?

Хартли идет по коридору, ухмыляясь мне и поправляя на плече лямку рюкзака.

– Так тебе и надо, не будешь подслушивать под дверями. И вообще, почему ты еще здесь?

– Ты все уладила? – поровнявшись с ней, спрашиваю я.

– Да. – Хартли морщится. – По-моему, она догадалась, что это я вас видела, потому что как-то чересчур охотно согласилась на все, о чем я попросила. Мне не по себе из-за этого.

– В этом нет ничего такого. Учительница сделала ошибку и теперь расплачивается за нее. – Я хотел сострить, но получилось как-то жестоко, и Хартли бросает на меня хмурый взгляд.

– Она забавлялась там не одна, Ройал.

– Что есть, то есть, но это тоже было бы горячо, – я снова пытаюсь пошутить, но уже слишком поздно.

– Ладно, проехали. – Хартли толкает дверь на лестницу и ныряет в проход. – В любом случае мы закончили. Было приятно поболтать с тобой.

Я спешу вслед за ней, чуть ли не бегом шагая по ступенькам.

– Ой, да ладно тебе, не будь такой. Мы же только начали узнавать друг друга. Между нами появилась *связь*.

Ее смешок эхом отскакивает от стен.

– Между нами не было и никогда не будет никакой *связи*.

Она увеличивает темп, перепрыгивая через ступеньку, чтобы побыстрее отделаться от меня.

– Никогда? Почему ты так категорична? Тебе стоит узнать меня поближе. Я же очаровательный.

Хартли останавливается, положив руку на перила, но готова броситься вниз по лестнице в любую секунду.

– Ты и правда очаровательный, Ройал. В этом-то и проблема.

И, сказав это, девчонка уносится по ступенькам.

– Если ты хотела погасить мой интерес, то это не лучший способ, – кричу я ей вслед.

В форменной плиссированной юбке «Астор-Парка» ее попка выглядит просто восхитительно.

Лишь оказавшись на расстоянии вестибюля от меня, Хартли поворачивается и бросает на меня насмешливый взгляд.

– Еще увидимся, Ройал.

Махнув мне рукой, она выплывает через огромные дубовые двери.

Мои глаза все продолжают смотреть туда, где только что стояла ее миниатюрная фигурка. Я вдруг понимаю, что улыбаюсь.

Да уж...

Думаю, я все-таки трахну эту девчонку.

Глава 3

– Элла рассказала мне, что сегодня ты подкатывал к учительнице, – спустя несколько часов говорит мне по телефону старший брат.

Прижимая мобильник к уху плечом, я стаскиваю с себя плавательные шорты, и они падают на пол. Весь прошлый час я провел в бассейне, соревнуясь с другим моим братом, Гидеоном. Гид – настоящий пловец, но, вернувшись домой, я не мог думать ни о чем, кроме Хартли, и решил, что парочка кругов, а еще лучше – тридцать, поможет мне отвлечься. Только вот это не сработало. В голове по-прежнему полно грязных мыслишек об этой девчонке, а вдобавок к этому я теперь мокрый и раздражительный.

– Истон, – рычит Рид. – Ты здесь?

– Да здесь я.

– Так ты переспал со своей учительницей или нет?

– Хм, да. И что с того? – дерзким тоном отвечаю я. – Я и раньше спал с училками.

– Да, но только сейчас ты в выпускном классе.

– И?

– Тебе пора повзрослеть. Элла с ума сходит, беспокоясь за тебя.

– Лучше бы она беспокоилась о том, как бы ты не стал ходить налево.

Повисает мертвая тишина. Рид, видимо, старается не заорать на меня. Должно быть, его разрывает от усилий.

Я усмехаюсь в трубку.

– Ладно, дедуля, спасибо, что позвонил. Так мило знать, что Элла всегда сдаст меня, как только я накосячу.

– Ист, – его голос сначала звучит резко, но потом смягчается, – она заботится о тебе, вот и все. Как и мы все.

– О, я чувствую себя таким любимым. – Закатив глаза, я вытаскиваю из комода джинсы и рывком натягиваю их на бедра. – Рид, мы закончили? А то ужин уже готов.

– Нет, мы не закончили, – говорит он, и, несмотря на то что мне ничего не стоит взять и повесить трубку, я все равно, словно повинуюсь инстинкту, жду, что он скажет, потому что Рид – мой старший брат и всегда был для меня примером. – Как там новый квотербек, идет на поправку?

– Нет. Ситуация с его разбитым коленом оказалась хуже, чем мы думали, – он вылетел на весь сезон. А на замене у него два ученика девятого класса, которые не смогут сделать нормальный пас, даже чтобы

спасти свои жизни.

– Вот дерьмо.

– Угу. Даже подумать никогда не мог, что кто-то из «Астора» может быть настолько убогим спортсменом. Почему они просто не завалили Уэйда на экзаменах?

– Он бы все равно уехал. Вэл сильно расстроена?

– Да нет, она сказала, что он был просто парнем, который помог ей прийти в себя. К тому же она не думает, что парни могут хранить верность, оказавшись на расстоянии от своей половинки.

И я не могу винить девчонку. Ее первый бойфренд начал изменять ей в ту же минуту, как ступил на территорию кампуса колледжа.

В трубке раздается вздох Рида.

– Понимаю. У нее был неудачный опыт. Надеюсь только, эта точка зрения не передастся и Элле. Позаботься об этом ради меня, ладно?

– Ну уж нет. У меня нет никакого желания шпионить за Вэл Каррингтон. И вообще следить за тем, чтобы Элла была счастлива, – это твоя обязанность. Не моя.

Я вешаю трубку, пока он не успел ничего сказать. Из нас двоих Рид всегда был главным, но сейчас дома его нет. Он уехал в колледж, играет в защите в одной из лучших университетских программ по американскому футболу в стране. У него есть девушка, которая его обожает, и возможность начать все сначала.

Что же до меня, то я прикован к Бэйвью в буквальном смысле. Папа предупредил аэродром, что мне не позволено летать. Говорит, я должен доказать, что могу быть трезвым и ответственным. Но это мой последний год в школе – какой смысл быть трезвым и ответственным? К тому же я не собираюсь летать пьяным. Не такой же я дурак, но отец мне не верит.

И хотя я могу позволить себе купить маленькую обтекаемую «сессну», у меня не хватит денег, чтобы подкупить авиадиспетчеров. Хреново, как ни крути, и из-за этого у меня вечно плохое настроение.

Мне приходится делать одно и то же, в том числе спускаться вниз, чтобы поужинать со всей семьей. Эта традиция умерла вместе с мамой, но возродилась, когда папа привез к нам Эллу. Ну а после того, как биологического отца Эллы, Стива О'Халлорана, арестовали по обвинению в убийстве, от этих семейных ужинов стало вообще никак не отделаться. Нам нельзя пропускать их, даже если кто-то явно не в духе и не жаждет проводить время в кругу семьи.

Как, например, сегодня вечером. Близнецы, Себастиан и Сойер, выглядят уставшими – наверное, из-за жесткой тренировки по лакроссу.

У Эллы вид задумчивый, у папы – изможденный.

– В твоём огромном шкафу что, не нашлось футболки? – вежливо спрашивает меня отец.

С тех пор как в нашу семью вошла Элла, Каллум Ройал в совершенстве овладел взглядом осуждающего папочки. Раньше ему было плевать на то, что мы делали, как одевались, но теперь он нам спуска не дает.

Я смотрю на свою голую грудь, потом пожимаю плечами.

– Хочешь, чтобы я поднялся наверх и поискал?

Он качает головой.

– Нет уж, ты и так заставил себя ждать. Садись, Истон.

Я сажусь. Мы едим в патио, которое выходит на огромный, в форме почки бассейн. Вечер выдался теплым, дует приятный ветерок. Но за столом, где сидим мы впятером, как-то пусто. Просто непривычно, когда нет ни Гида, ни Рида.

– Что-то ты бледный, – шутит Сойер.

Он младший из близнецов, но их вожак. Себ как-то сказал, что так Сойер компенсирует то, что родился последним. Себ тихий, но с отличным чувством юмора.

Он усмехается.

– Это все его грудные мышцы. Он пропустил день в тренажерке и поэтому такой бледный и хилый.

– Маленькие засранцы, сейчас я покажу вам, кто здесь слабый. – Ухмыляясь, я приподнимаюсь со стула и машу кулаком этим двум шутникам. – Да у меня какахи больше, чем вы.

– Ага, ну, нас тут двое и...

– Так, все, хватит, – спешит вмешаться отец, пока Сойер не просветил нас о работе кишечника близнецов. – Еда остывает.

Упоминания о еде хватает, чтобы отвлечь нас. Наша экономка, Сандра, приготовила жареный картофель, запеченную морковь с чесноком и целую тонну ребрышек в соусе «барбекю». Мы с близнецами накидываемся на них, как голодные звери, в то время как папа с Эллой едят неторопливо и разговаривают.

– ...шанс, что тебе придется давать показания во время суда над Стивом.

Я не особо обращал на них внимание, так что, когда речь заходит о Стиве О'Халлоране, это застаёт меня врасплох. В последнее время отец старается не упоминать Стива, если Элла где-то поблизости.

Элла замирает на стуле, ее спина прямая, как флагшток на лужайке

частной академии «Астор-Парк».

– По-моему, адвокаты говорили, что показаний Дины будет достаточно.

Дина – настоящая ведьма, жена Стива и, соответственно, мачеха Эллы.

– Велика вероятность, что на трибуну для дачи свидетельских показаний тебя не вызовут, – успокаивает Эллу папа. – Но утром я говорил по телефону с окружным прокурором, и он упомянул, что это все же возможно. Я сказал тебе об этом, чтобы ты не растерялась, если именно так и произойдет.

Элла по-прежнему напряжена. И я понимаю, почему она так расстроена. На лицах близнецов одинаковое выражение отвращения.

Стива обвинили в убийстве несколько месяцев тому назад, но за решеткой он не провел ни секунды. Он выплатил за себя залог в пять миллионов долларов, сдал паспорт и лицензию пилота и, к несчастью, соблюдал все условия своего освобождения из-под стражи до рассмотрения дела судом. Когда у тебя есть деньги и хорошие адвокаты, ты и дня до своего обвинения не проведешь в тюрьме, а может, даже и после него. Папин юрист говорит, что до тех пор, пока судья считает Стива неопасным для общества, он свободен как чертова птица.

Если вы спросите меня, то вся эта фигня о презумпции невиновности – полное фуфло. Мы все знаем: он виновен – и поэтому бесимся из-за того, что Стив до сих пор не в тюрьме за содеянное. Он не только убил женщину, так еще и отмалчивался, когда копы пытались повесить это убийство на Рида.

Правда, жертвой была Брук Дэвидсон, злобная гадина, которая хотела уничтожить мою семью, и все же... Хотя Брук была той еще стервой, она все равно не заслуживала смерти.

– Эй, папа, – осторожно спрашивает Сойер.

Отец переводит взгляд на своего самого младшего сына.

– Что?

– Когда начнется судебный процесс над Стивом... – Сойер на секунду умолкает, – они будут обсуждать все, что было между Стивом и... э-э...

Он закрывает рот, решив не заканчивать предложения.

Никто не договаривает за него, и у всех присутствующих за столом гримаса отвращения на лице. Себ поднимает руку и сжимает плечо брата. Папа берет Эллу за руку. Она закрывает глаза и делает несколько вдохов, чтобы успокоиться.

Я наблюдаю, как члены моей семьи пытаются справиться со своими эмоциями.

В последнее время мне совсем не хочется думать о маме. После того как Стив убил Брук, выяснилось, что мама изменяла папе с отцом Эллы. Немного запутанная фигня – что есть, то есть.

Но дело в том, что я даже не могу злиться на маму за ее измены. Отец почти не появлялся дома. Он был слишком сосредоточен на «Атлантик Эвиэйшн», нашей семейной компании, и, пока подолгу отсутствовал, Стив настраивал маму против папы, наговаривая, что тот изменяет ей.

Но я злюсь на нее за то, что она умерла, за то, что она приняла те таблетки. Рид говорит, что это точно не могли быть те же самые колеса, что я хранил в своей комнате, но откуда ему знать? Тогда я крепко сидел на аддералле и окси. Сначала аддералл мне прописывали совершенно законно, но потом этого стало мало, и я нашел дилера в школе. Он предложил мне принять немного окси, типа он поможет забыться. Чувак оказался прав. Это все действительно помогало, но кайф был недолгим.

Когда мама нашла мою заначку, то пригрозила отправить меня в реабилитационную клинику, если я не возьмусь за ум. Я пообещал ей исправиться. И не стал спрашивать, что она собиралась сделать с таблетками. Просто отдал ей бутылочки, потому что был пятнадцатилетним подростком, который отрезал бы себе руку, если бы она попросила. Настолько сильно я ее обожал.

Так что вполне вероятно, что это я убил маму. Рид утверждает, что это не так, но что ему еще говорить. Он никогда не скажет мне, что это я ее убил. Или, вернее, моя зависимость. Стоит ли удивляться тому, что я раздолбай, который уничтожает сам себя?

Сейчас я уже не сижу на колесах. Мамина смерть от передозировки не на шутку меня напугала, и я пообещал своим старшим братьям, что больше никогда не притронусь к этой дряни. Но мои зависимости никуда не делись. Мне приходится утешать их другими, более безопасными, способами: выпивкой, сексом и кровью. Сегодня вечером я, наверное, выберу кровь.

– Истон.

Элла с обеспокоенным лицом внимательно наблюдает за мной.

– Что? – протягивая руку за стаканом с водой, спрашиваю я.

Слава богу, тему суда перестали обсуждать. Папа и близнецы завели оживленный разговор о футболе. Неожиданно. Наша семья никогда не интересовалась футболом. Я иногда сомневаюсь, что в близнецах течет кровь Ройалов. Они играют в лакросс, смотрят футбол, не любят драки и не проявляют никакого интереса к летному делу. Однако у них мамины черты и голубые глаза Ройалов.

– Ты улыбаешься, – обвиняющим тоном говорит Элла.

– И что? Улыбаться – это плохо?

– Это одна из твоих кровожадных улыбочек. – Бросив быстрый взгляд через стол, чтобы убедиться, что папа не обращает на нас внимания, она шипит: – Сегодня собираешься драться, да?

Я провожу языком по нижней губе.

– О да.

– Ох, Ист! Пожалуйста, не надо. Это слишком опасно. – Элла с тревогой на лице поджимает губы, и я понимаю, что она вспоминает тот вечер, когда во время одного из боев Рида пырнули ножом.

Но то была чистая случайность, к самому бою не имевшая никакого отношения. Дэниел Делапорт, старый враг, нанял какого-то парня, чтобы прикончить Рида.

– Этого больше никогда не повторится, – уверяю я ее.

– Откуда ты знаешь? – Элла полна решимости. – Я еду с тобой.

– Нет.

– Да.

– Нет. – Я повышаю тон, и папа обращает свой суровый взгляд на нас.

– О чем это вы спорите? – с подозрением спрашивает он.

Элла с усмешкой ждет, что я придумаю, чтобы отмазаться. Черт побери! Если я и дальше буду спорить с ней, она расскажет папе, что я собираюсь в доки, а мы оба знаем, насколько сильно это ему не нравится, особенно с тех пор, как Рида пырнули там ножом.

– Мы с Эллой не можем решить, какое кино будем смотреть перед сном, – вру я. – Она хочет какую-нибудь романтическую комедию. Я, естественно, голосую за все что угодно, кроме этого.

Близнецы закатывают глаза. Они сразу распознают ложь. Но папе зашло. По патио прокатывается его низкий смешок.

– Уступи, сын. Ты же знаешь, в конце концов женщина всегда добивается того, чего хочет.

Элла награждает меня сияющей улыбкой.

– Да, Истон. Я всегда добиваюсь того, чего хочу. – Когда я поднимаюсь, чтобы наполнить свой стакан, она следует за мной. – Я буду ходить за тобой как приклеенная. А когда ты соберешься драться, устрою такую сцену, что ты больше никогда не сможешь там появиться.

– А ты можешь пойти и подоставать близнецов? – жалобно спрашиваю я.

– Не-а. Все мое пристальное внимание принадлежит исключительно тебе.

– Рид, наверное, не перестает радоваться, что больше не под твоим

каблуком. – Я слышу, как у Эллы перехватило дыхание, а когда поднимаю глаза, то вижу, что ее щеки из розовых стали белыми. Ой, вот черт. – Я не это имел в виду. Ты же знаешь, как ему невыносимо быть вдалеке от тебя.

Элла шмыгает носом.

– Серьезно. Он звонил мне до ужина и плакался о том, как скучает по тебе. – Тишина. – Прости, – говорю я, по-настоящему чувствуя себя виноватым. – Мой язык работает быстрее мозгов. Ты это знаешь.

Элла поднимает бровь.

– Ты должен остаться дома, тогда я тебя прощу.

Шах и мат.

– Слушаюсь, мэм. – И я смиренно возвращаюсь вслед за ней за стол.

– Сдался без боя? – шепчет мне Сойер, когда мы занимаем свои места.

– Она чуть не заплакала.

– Черт.

После десерта я пихаю Эллу ногой и киваю в сторону близнецов. Она кивает в ответ и поворачивается к отцу.

– Каллум, нам с Истоном нужно сделать домашнюю работу по математике. Вы не возражаете, если мы пойдем?

– Нет, конечно же. – Он машет рукой, чтобы мы уходили.

Мы с Эллой сбегает в дом, оставив близнецам уборку стола. Раньше у нас для такой работы была прислуга, но после маминой смерти папа всех уволил, за исключением Сандры, которая нам готовит, и своего шофера, Дюрана. Пару раз в неделю приходят горничные, но они не живут в доме.

За нашими спинами Сойер и Себ ворчат о том, что они опоздают на свидание с Лорен, их девушкой. Но мне их нисколько не жаль. По крайней мере, у них есть планы на вечер, и им не придется торчать дома.

Поднявшись наверх, я удобно устраиваюсь на своей огромной кровати и включаю телик. Футбольный сезон еще не начался, так что сегодня не транслируют никаких матчей. По спортивно-развлекательному каналу повторяют лучшие моменты игр межсезонья, но я едва обращаю внимание на экран: сейчас меня больше занимает мой список контактов. Я нахожу того, кого искал, и нажимаю кнопку вызова.

– Здорово, Ройал, – раздается глубокий баритон Ларри.

– Здорово, ботаник, – радостно отвечаю я.

Лоренс «Ларри» Уотсон – наш двадцатикилограммовый защитник, приятель, на которого всегда можно положиться, и настоящий компьютерный гений. – Окажи мне одну услугу.

– Выкладывай.

Ларри – самый добродушный парень в мире, всегда готов прийти на

помощь другу, особенно если при этом ему нужно применить свои навыки хакера.

– Ты еще можешь взлезть в главный компьютер «Астор-Парка»? У меня тут в коробке ждут своего часа «Токио 23».

– «Эйр Джордан файв», которые выпускали только в Японии? – Он говорит так, будто сейчас заплачет. Ларри с ума сходит по кроссовкам, и он всегда хотел заполучить эту пару, которую мой папа купил во время командировки в Японию.

– Они самые.

– Что ты хочешь? Оценки еще не выставляли.

– Информацию об одном из учеников. Полное имя, адрес, номер телефона, всякое такое.

– Чувак, это же обычные контактные данные. Ты когда-нибудь слышал про «Гугл»?

– Я даже не знаю ее фамилии, осел.

– Ее, говоришь? – В моем ухе раздается его смех. – Ни фиги себе! Истон Ройал ищет девчонку.

– Так ты мне поможешь или как?

– Как ее зовут? Может, я ее знаю.

– Хартли. Она в выпускном классе. Около метра пятьдесят. Длинные черные волосы. Серые глаза.

– Ну да! – тут же говорит Ларри. – Я ее знаю. У нас с ней общий курс по продвинутой политологии.

Я оживляюсь.

– Да? И ты знаешь ее фамилию?

– Райт.

Я закатываю глаза.

– «Райт» – в смысле «да», ты знаешь ее фамилию, или просто отвечаешь мне наобум?

– Райт.

Меня охватывает раздражение.

– Что райт?

На том конце грохочет смех.

– *Райт*, – хрипит Ларри через гоготание. – Р-А-Й-Т. Ее зовут Хартли Райт. Черт, мужик, ну ты и тупица!

Ой, ладно, я тупица.

– Прости, чувак. Я понял. Хартли Райт. А что-нибудь еще ты о ней знаешь? У тебя есть номер ее телефона?

– Зачем мне ее номер телефона, бро? Я встречаюсь с Алишей. – Ларри

опять говорит со мной таким тоном, словно спрашивает: «Ты с планеты тупых?» – Дай мне пять минут. Я тебе перезвоню.

Он вешает трубку. Чтобы убить время, я смотрю повторы матчей. Проходит уже минут десять, но точно никак не пять, когда мобильник в моей руке начинает пищать. Я смотрю на экран, широко улыбаюсь и отправляю Ларри короткое сообщение.

«Ты мастер».

«Я знаю», – отвечает он.

«Звтр притащу кроссы».

Не теряя времени, я начинаю изучать информацию, которую добыл мне Ларри. Там есть номер телефона, адрес и ссылка на статью в «Бэйвью Пост». Я перехожу по ссылке и узнаю, что отец Хартли, Джон Райт, несколько лет назад баллотировался на пост мэра, но проиграл гонку. А еще, как сказано в статье, мистер Райт является помощником прокурора округа Бэйвью.

Я пытаюсь вспомнить, когда в последний раз был в зале суда. Когда с Рида сняли обвинение в убийстве и предъявили обвинение Стиву. Разве фамилия обвинителя была Райт? Нет. Вроде... Диксон или как-то так. И еще я на все сто уверен, что он был окружным прокурором, а не его помощником.

Я пролистываю статью до тех пор, пока мне не попадается фотография семейства Райт. Перед огромным особняком в колониальном стиле стоит Джон Райт, одетый в серый костюм. Его рука обнимает даму средних лет с аппетитными формами, которая, судя по подписи, его жена Джоани. Рядом с ней стоят три дочери – все трое унаследовали от матери роскошные волосы, черные, как вороново крыло, и серые глаза. Похоже, Хартли – средняя. На фотографии ей лет четырнадцать, и я ухмыляюсь, заметив у нее на лбу выступающий прыщик.

Я начинаю рыться в своем рюкзаке, даже не до конца осознав, что именно делаю. Вытаскиваю тетрадку с записями по математике. Хартли пропустила целую неделю занятий, значит, отстает от нас. Завтра, когда она придет на урок, будет в полной растерянности... если, конечно, кто-нибудь не проявит благородство и не поможет ей нагнать упущенное. Ведь это самое меньшее, что одноклассник может сделать для нее, разве нет?

Натянув свободную футболку, я украдкой проскальзываю в кабинет на втором этаже, который делю с братьями и Эллой, при этом прекрасно понимаю, что веду себя как безнадешный лузер. Я ведь *не обязан* делать копии. Сейчас не какие-то там доисторические времена. Я вполне могу сделать фотографии своих записей и отправить их напрямую Хартли. У

меня же есть ее номер, в конце концов.

Но нет. Я делаю самые настоящие копии, которые потом сшиваю степлером и засовываю в папку, которую нашел в одном из ящиков стола.

– Что ты делаешь?

Элла преграждает мне путь как раз в тот момент, когда я уже собираюсь выходить из кабинета. Ее синие глаза смотрят на меня с подозрением.

– Хочу забросить другу домашнюю работу.

Я поднимаю папку, а потом открываю ее, чтобы моя везде сующая свой нос сводная сестра смогла убедиться, что там действительно школьные записи.

– В восемь часов вечера?

Я изображаю изумление.

– Восемь часов?! Офигеть! Уже так поздно! Бегом спать!

– Хватит дразнить меня, – бурчит Элла, но, судя по выражению ее лица, она едва справляется с собой, чтобы не засмеяться. Но все равно фыркает. – Ладно, я веду себя глупо.

– Угу.

Элла сжимает мою руку.

– Только потом не надо ехать в доки, ладно? Обещай мне, что не поедешь.

– Обещаю, – послушно отвечаю я и убегаю прочь, пока она не начала снова выносить мне мозг.

Поездка до дома Хартли не занимает много времени: Бэйвью не самый большой город. Райты живут в районе, удаленном от моря, в том самом колониальном особняке с фотографии. Красивый дом. Не такой большой, как мой, но, опять же, Райты не Ройалы.

До дома Райтов остается около километра, когда из-за поворота на огромной скорости резко выскакивает знакомый черный «ровер». Уклонившись от него, я нажимаю на клаксон. Из-за руля мне весело машет рукой Сойер, а Себастиан показывает «козу».

Вот два придурка! На заднем сиденье – Лорен, которая, наверное, живет где-то неподалеку.

Я паркую машину на обочине перед домом Хартли. Выпрыгивая из пикапа, вдруг понимаю, что у меня почему-то вспотели ладони, и вытираю их о свои рваные джинсы. И тут меня одолевают сомнения: может, мне стоило сначала переодеться, прежде чем отправляться сюда? Заношенная футболка и джинсы с дырками вряд ли помогут мне произвести хорошее впечатление, особенно на предков Хартли, если вдруг я с ними столкнусь.

Хотя с чего это я так переживаю о том, какое впечатление произведу на Хартли или членов ее семьи? Я хочу переспать с этой девчонкой, а не жениться на ней.

Я звоню в звонок, и дверь мне открывает мама Хартли. Я узнал ее по той фотографии.

– Здравствуйте, – с легким холодком в голосе приветствует она меня. – Чем могу помочь?

– Привет. Э-э... – Я перекладываю папку из одной потной руки в другую. – Я приехал, чтобы... м-м...

Проклятье! Это была дурацкая затея. Надо было просто послать ей сообщение с фоткой своих кубиков или придумать что-нибудь типа того. Только идиот может показаться на пороге у чужих людей без предупреждения...

Нет. К черту все сомнения! Я Истон, мать его, Ройал! С чего это я должен чувствовать неуверенность в себе?

Я глубоко вздыхаю и начинаю снова, в этот раз четко и уверенно.

– Я приехал к Хартли.

У Джоани Райт округляются глаза.

– О! – пищит она и нервно оглядывается через плечо.

Мне не видно, на кого она смотрит, – может, на Хартли? Возможно, она стоит вне поля моего зрения и беззвучно просит свою мать отделаться от меня?

Миссис Райт поворачивается ко мне.

– Простите, – говорит она, и тон ее голоса снова становится ледяным. – Хартли здесь нет. А вы кто?

– Истон Ройал. – Я поднимаю папку. – Привез ее конспекты по математике. Мне оставить их вам?

– Нет.

– Нет? – Я морщу лоб. – Тогда что мне делать с...

Мне не удается закончить предложение.

Мама Хартли захлопывает дверь прямо перед моим носом.

Глава 4

Я ложусь рано. Этой ночью я не ездил драться, поэтому тело не болит, и на следующее утро чувствую себя превосходно. В кои-то веки я успеваю выпить кофе и съесть бейгл на завтрак. В школе останавливаюсь у шкафчика Ларри и бью кулаком по дверце рядом с замком. Та распахивается, и я засовываю внутрь коробку с кроссовками. Потом иду в раздевалку – поразительно, но я успеваю на нашу утреннюю тренировку. Когда вхожу, товарищи по команде встречают меня аплодисментами.

– Ну ни фига себе! – восклицает Ларри. – Без десяти шесть, а Ройал уже здесь.

Кто-то усмехается.

– Наверное, ад замерз.

– А может, он проиграл спор, – иронизируют ребята.

Я закатываю глаза и иду к своему шкафчику. У двери в подсобку замечаю тренера Льюиса, который разговаривает с коротко стриженным парнем.

Хоть я пришел на десять минут раньше, но все равно позже. Тренер хлопает в ладоши, увидев меня, и говорит:

– Отлично. Все в сборе.

Я смотрю на Коннора Бэббиджа – тот стоит, прислонившись к своему шкафчику, – и незаметно киваю в сторону тренера. Коннор пожимает плечами, словно отвечая: «Понятия не имею, кто это».

Тренер выходит вперед.

– Ребята, это Брэндон Мэтис. Он только что перевелся в «Астор» из «Беллфилд Преп». И он наш новый квотербек.

Все в раздевалке, включая меня, облегченно выдыхают. Никто даже не оборачивается, чтобы посочувствовать двум девятиклассникам на скамейке запасных. Они уже доказали свою полную беспомощность, да и сами только что с облегчением восприняли озвученную тренером новость.

– Мэтис, – рявкает тренер. – Ты хочешь что-нибудь сказать своей команде?

Новенький улыбается нам. Высокий, приятной внешности, да еще и дружелюбный? Я уже прямо вижу, как на пол падают трусики девчонок «Астора».

– Только то, что буду рад со всеми вами подружиться и забрать домой кубок.

Несколько игроков одобрительно кивают. Я же пока присматриваюсь к Мэтису.

Тренер переводит взгляд на меня.

– А ты, Ройал? Тебя устраивает эта перемена?

Теперь, после того как Рид окончил школу, я стал негласным лидером защиты. Если я приму Мэтиса, остальные ребята последуют моему примеру. Тренер это знает.

– Ого, тренер! Неужели вам не все равно, что я чувствую? – Я утираю несуществующую слезинку. – Я так тронут!

– Плевать я хотел на то, что ты чувствуешь, парень. Я просто знаю, сколько проблем может быть с вами, Ройалами. – Он хмуро смотрит на меня. – Но сегодня никаких проблем не будет, да, Ройал? Ты примешь своего нового квотербека с распростертыми объятиями, верно?

Я притворяюсь, что обдумываю его слова.

– Ройал, – предостерегает он.

Я широко ухмыляюсь.

– Нет, со мной не будет никаких проблем. – Я широко развожу руки в стороны и одариваю Мэтиса сияющей улыбкой. – Иди сюда, здоровяк, дай обниму!

Кое-кто из моих товарищей по команде прыскает от смеха.

Мэтис, кажется, ошарашен.

– Э-э, вообще-то, я не очень люблю обниматься.

Я опускаю руки.

– Черт, тренер, я приветствовал его с распростертыми объятиями – в буквальном смысле, – а он отказался обниматься со мной!

Бэббидж взрывается смехом.

Тренер вздыхает.

– Это фигура речи, парень. Просто пожми ему руку.

Не переставая смеяться, я делаю шаг вперед и жму руку Мэтису.

– Рад, что ты в нашей команде, – говорю я ему.

И это сушая правда. Нам кровь из носу нужен квотербек, который способен бросать чертов мяч.

– И я рад, что теперь с вами, – отвечает Мэтис.

Тренер снова хлопает в ладоши.

– Все, парни, переодевайтесь и марш на силовые упражнения!

Я снимаю с себя форму «Астор-Парка». Рядом со мной Доминик Уоррен натягивает баскетбольные шорты.

– Йоу, Мэтис, – кричит через комнату Дом. – Как у вас в «Беллфилде» с дырками?

– С дырками? – переспрашивает новенький.

– Да, с дырками. Ну, ты понимаешь. С телками. – Дом садится на лавку и наклоняется, чтобы завязать шнурки. – Я подумываю о том, чтобы найти себе девчонку в «Беллфилде» – все эти чики из «Астора» мне уже поперек горла.

Мэтис улыбается.

– Эй, а я слышал, что в «Астор-Парке» девчонки просто отпад.

– Ага, они красивые, – соглашается Дом. – Но им всем как будто палки в задницы воткнули. Их папочки миллионеры, понимаешь? И большинство из них ведут себя так, будто делают тебе одолжение, всего лишь заговорив с тобой.

– Не у всех палки в задницах, – не соглашаюсь я, думая об Элле и Вэл, двух самых классных девчонках из всех, кого знаю.

Я бы и Хартли к этому списку добавил, но только еще не успел узнать ее получше. А вот у ее мамы точно в зад палка, а то и две. Какой черт вчера вселился в эту женщину? Я встречал не одну чопорную, высокомерную богатую стерву, но даже у самых-самых из них было понятие об элементарных манерах. Мы же южане, бога ради! Тебя сперва приглашают в дом, угощают стаканом холодного чая и куском пирога и только потом... Но захлопывать двери перед носом... Так никто не делает!

Дом закатывает глаза.

– А вот еще кое-что, что тебе нужно знать, – говорит он Мэтису. – Вот этот вот Ройал переспал с каждой девчонкой в этой школе.

– Я бабник, – обувая кроссовки, соглашаюсь я. – Держись меня, квотербек, и у тебя не будет проблем с противоположным полом.

Усмехаясь, Мэтис подходит ко мне.

– О, спасибо, Ройал. Кстати, как тебя зовут?

– Истон Ройал, – отвечаю я.

– И как тебя лучше называть?

– Да как хочешь. А ты что предпочитаешь: Мэтис или Брэндон?

– Вообще-то, Брэн.

– Брэн? Как та дрянь в кашах, от которой лучше срьшь?

Мэтис смеется, закинув голову.

– Да, точнее и не скажешь. – Он бьет меня по плечу. – А ты забавный парень, Ройал.

А то я не знаю.

Когда мы заходим в зал, Мэтис все еще смеется. Обычно я выбираю в партнеры Паша или Бэббиджа, но сейчас не против познакомиться с нашим новым квотербеком и поэтому предлагаю подстраховать его.

– Конечно, – с благодарностью отвечает Брэн.

Он ложится на лавку. Я встаю в изголовье, мои руки замирают над тяжелой штангой. Рассматривая руки Мэтиса, я отмечаю, какие они длинные и мускулистые. Надеюсь, бросок у него что надо.

– Значит... «Беллфилд Преп»? Ты жил в Хантерс-Пойнте, да? – спрашиваю я, имея в виду городок в двадцати минутах езды на запад от Бэйвью.

– Вообще-то, я до сих пор там живу. Мои родители не стали переезжать, чтобы я мог добираться до «Астора» за пятнадцать минут. Мама слишком сильно любит свой сад, чтобы оставить его.

– Чем занимается твоя семья?

– В смысле?

– На чем нажили состояние Мэтисы? – сухим тоном поясняю я. – Нефть? Экспорт? Транспортировки?

– А, это. Нет никакого состояния. Я думаю, мы относимся к среднему классу. Моя мама – учительница, папа – бухгалтер. Я здесь на стипендии, иначе наша семья не смогла бы оплатить учебу: она здесь в десять раз дороже, чем в «Беллфилде». – Он ставит штангу на место и делает пару глубоких вдохов. От усилий его лицо покраснелось.

– Ясно, понял.

Я чувствую себя глупо из-за того, что сделал преждевременные выводы. Мэтис – классный парень. И он даже бровью не повел, когда я начал задавать вопросы, не обиделся на них и не устыдился своего социального статуса. Не то чтобы я хвастался миллиардным состоянием своего отца – какое отношение имеют ко мне его деньги?

Мы, продолжая разговаривать, меняемся местами, и теперь я поднимаю штангу, а Мэтис страхует меня. Он рассказывает, как в прошлом году начал регулярный сезон в команде «Беллфилда», но сломал запястье и не смог попасть в плей-офф. Заменявший его игрок в первой же игре три раза потерял мяч, и именно поэтому «Астор-Парк» ни разу не сыграл с «Беллфилдом». Они никогда не попадали в плей-офф, а теперь все, наверное, злятся, что Брэн ушел играть в «Астор».

– Но «Астор» открывает лучшие возможности, понимаешь? – говорит он. – Хорошее образование, плюс полезные связи.

Я даже и не думал об этом, потому что никогда не возвращался за пределами социального круга «Астора». Если ты был частью этого мира, то сначала учился в школе Святой Марии для мальчиков и девочек, пусть даже твоя семья не была особо религиозной. После школы Святой Марии ты шел в Академию Лейк-Ли, ну а потом – в «Астор».

Мы растем на благодатной почве привилегированного класса, со всеми нашими трастовыми фондами, роскошными тачками и дизайнерской одеждой. И частными самолетами, если ты Ройал.

– Какая у вас в «Беллфилде» тусовка? – спрашиваю я.

Судя по тем парням, с которыми я дерусь, единственное различие между мажором из частной академии «Астор» и парнем из дока – цена за выпивку, которую мы пьем. У всех нас красная кровь, и всем бывает больно.

– Я не особо часто хожу на вечеринки. Не пью.

– В смысле во время сезона?

– Вообще. У меня очень строгие родители, – признается Брэн, когда я соскакиваю с лавки, выполнив упражнения. – Мой отец – фанат футбола. В нем вся его жизнь, буквально. Он следит за тем, что я ем и пью. Мы даже наняли диетолога, который раз в неделю приезжает к нам домой с новым планом питания. С семи лет у меня личный тренер.

Похоже на оживший кошмар. Представить себе не могу, чтобы мой отец отслеживал, сколько токсинов попадает в мое тело. Их так много, что он бы просто не успевал считать. Единственное, где он по-настоящему проявляет твердость, – это полеты. Но как бы меня ни напрягало то, что мне закрыт доступ к кабине пилота, я понимаю, что это, скорее всего, в большей степени связано с одним судебным процессом, с которым папе пришлось разбираться некоторое время назад. Один из летчиков-испытателей «Атлантик Эвиэйшн» погиб, и расследование выявило злоупотребление спиртным. С тех пор отец очень строг в отношении алкоголя и летной работы.

– Это жесть, – участливо говорю я.

Брэн пожимает плечами.

– Футбол – мой билет в лучшую жизнь. Эта жертва того стоит. К тому же твое тело – твой храм, верно?

Я беру полотенце и вытираю вспотевшую шею.

– Нет, мужик, – с ухмылкой отвечаю я. – Мое тело – это игровая площадка. Хотя нет, подожди. Это парк развлечений. Истонленд. Девчонки сбегаются отовсюду, чтобы на собственном опыте испытать сумасшедшие поездки на аттракционах Истонленда.

Мэтис ржет.

– Ройал, ты всегда такой самоуверенный засранец?

– Всегда! – подтверждает Паш с другого конца тренажерного зала.

– Серьезно, это чертовски бесит, – вмешивается другой товарищ по команде, Престон.

– Они просто завидуют, – объясняю я Мэтису. – Особенно Престон. Затем театральным шепотом добавляю:
– Бедняга все еще девственник. Только ш-ш-ш, никому не говори. Престон показывает мне средний палец.
– Да пошел ты, Ройал! Это же неправда.
– Тебе нечего стыдиться, – снисходительным тоном говорю я, наслаждаясь тем, как краснеет его лицо. Престона легко подколооть. – Кто-то же должен обмениваться кольцами невинности с дебютантками.

Мы перебрасываемся шутками и пошлостями до конца тренировки, и пусть это весело, я все равно расстроен тем, что сегодня мы только поднимали тяжести. Я бы с удовольствием выплеснул немного агрессии на грунте, но тренер уделяет нашей физической подготовке внимания не меньше, чем полевым упражнениям.

Быстро приняв душ, я переодеваюсь в школьную форму и марширую по школе в единственно возможном направлении – к шкафчику Хартли Райт.

Первое, что я вижу возле него, – это задница Хартли. Ну, почти. Она стоит на цыпочках, пытаясь что-то достать с верхней полки. Ее юбка приподнялась, обнажая голое бедро.

А она не укорачивает свою юбку. Все остальные девчонки в «Асторе» подворачивают юбки настолько, насколько это может стерпеть Берингер. Хартли же демонстрирует ее подлинную длину – до колен.

– Давай достану, – предлагаю я.

Она испуганно вздрагивает и ударяется головой о нижнюю полку.

– Ой! – вскрикивает Хартли. – Черт бы тебя побрал, Ройал!

Я усмехаюсь, а она потирает голову.

– Прости, просто хотел помочь. – Я подаюсь вперед и достаю учебник, за которым она тянулась. – Кстати, может, не стоит складывать вещи на самую верхнюю полку, если ты такая коротышка?

Хартли сердито смотрит на меня.

– Я не коротышка.

– Да неужели? – Я выгибаю бровь, глядя на нее сверху вниз.

– Да, неужели, – настаивает она на своем. – У меня просто нестандартные вертикальные пропорции.

– Ну ладно, давай будем называть это так. – Я передаю ей учебник, а потом роюсь в своем рюкзаке. – Кстати, раз уж я такой потрясающий и любезный...

– Никто не говорил, что ты потрясающий *или* любезный, – перебивает меня Хартли.

Я не обращаю на нее внимания.

– Я сделал для тебя копии своих конспектов по математике. Ты ведь начинаешь сегодня, верно?

Хартли медленно кивает и, глядя на меня с подозрением, берет конспекты.

– Это очень... мило с твоей стороны.

У меня такое чувство, что она скорее ударит себя, чем сделает мне комплимент, и от этой мысли на моем лице появляется широченная улыбка.

– Всегда пожалуйста.

– Я не сказала «спасибо».

– Ты сказала, что я потрясающий...

– Этого я тоже не говорила.

– ...что почти то же самое, что «спасибо». – Я придвигаюсь ближе и глажу ее по голове. Она отталкивает мою руку. – Так что всегда пожалуйста. Кстати, вчера вечером я заезжал к тебе домой и...

– Ты что? – взвизгивает Хартли.

– Я заезжал к тебе домой. – Я пристально смотрю на нее. – Это что, запрещено?

– Кто открыл дверь? – требовательным тоном спрашивает она. – Моя сестра? Как она выглядела?

Как она выглядела? Хартли ведет себя так, будто там не живет.

– Не знаю. Дверь открыла твоя мама, а когда я спросил, дома ли ты, она сказала «нет» и захлопнула дверь прямо у меня перед носом. Как это понимать?

– Моя мама не самый приятный в мире человек, – со смирением в голосе отвечает Хартли.

– Да ну?

В коридоре начинает собираться народ. Я замечаю, что в пяти шагах от нас притаились Фелисити и парочка ее подружек. Судя по их виду, им очень интересно, о чем я разговариваю с Хартли. Я слегка разворачиваюсь на месте, чтобы загородить им обзор.

– Ну и где ты была? – спрашиваю я. – На горячем свидании?

– Нет. Я не хожу на свидания. – Ее голос звучит рассеянно, и она грызет ноготь на большом пальце.

– Вообще не ходишь?

– Сейчас не хожу. У меня нет времени на это.

Я хмурюсь.

– Почему?

Она смотрит на меня.

– Ты очень клевый...

Приободрившись, я распрямляю плечи, но Хартли еще не закончила.

– ...и в другой жизни я бы с радостью ухватила за шанс сходить с тобой на свидание, но у меня нет ни времени, ни энергии встречаться с парнем вроде тебя.

– И что, черт побери, это значит?

– Это значит, что мне пора на урок. – Она с силой захлопывает дверь своего шкафчика.

– Тогда увидимся за ланчем.

Ответа не следует. Но я же Истон Ройал. Мне не нужен ее ответ. Я знаю, что она изменит свое мнение. Они все так делают.

Глава 5

Я впустую трачу десять минут обеденного перерыва на ожидание Хартли, но, когда живот начинает урчать, устало тащусь в столовую. Да что с ней такое? Она призналась, что я «суперклевым» и что хочет быть со мной. Этим все сказано. Почему же она продолжает избегать меня? У нее нет на меня времени? Я что, похож на какого-то прихотливого парня, который требует к себе постоянного внимания? Ха.

– Истон! Сюда! – раздается пронзительный голос.

Я морщусь. Клэр никак не хочет отпустить меня, хотя мы не встречаемся уже целый год. В отличие от Хартли, я знаю, что игнорировать людей невежливо, но в то же время понимаю, что стоит мне обратить на Клэр хоть капельку внимания, как она тут же истолкует это по-своему. Обычное приветствие в коридоре превращается в ее голове в предложение сходить на бал. Ну а если я сяду с ней за один стол во время обеда, она начнет рассылать приглашения на вечеринку по случаю скорой помолвки.

Я неспешно беру поднос и наполняю его едой, а затем иду через зал столовой. Хотя со всеми этими дубовыми панелями, которыми обшиты стены, круглыми столами и огромными окнами от пола до потолка эта гигантская комната больше напоминает ресторан в частном клубе, чем столовую. Но это же «Астор-Парк». Мы купаемся в роскоши и достатке.

По-моему, я запал на Хартли потому, что мне стало скучно. Я знаю каждого в «Асторе» вот уже на протяжении трех лет. А кого-то, типа Фелисити Уортингтон, – с тех пор, как еще носил подгузники. И в пять лет она раздражала меня не меньше, чем сейчас.

Школа – это скука. Например, я уже знаю всю эту белиберду, которой нас учит мисс Манн. Я далеко не отличник, но это лишь потому, что материал для изучения очень легкий. Да и вряд ли мне пригодятся хорошие оценки для испытания самолетов: там достаточно просто быть уверенным в том, что делаешь. И я уверен. Просто сейчас мне еще не хочется это показывать.

Хартли – это приятное развлечение. Пазл, который только предстоит собрать. И если уж быть честным по отношению к ней, со мной приятно проводить время. Ей повезет, если у нее буду я. Так что мне лучше не сдаваться. В первую очередь – ради нее.

Подойдя к столу, за которым обычно обедаю, я вижу Эллу и ее лучшую подругу Вэл. А еще близнецов и их девушку Лорен.

Да-да, у Сойера и Себа одна девушка на двоих, но кто я такой, чтобы судить их? Вчера у меня был секс с учительницей по математике.

– Что случилось? – спрашивает Сойер, когда я опускаюсь на стул рядом с Эллой.

– Ничего, – вру я.

И тут же замечаю ехидное выражение лица Вэл, сидящей напротив меня.

– Ты врешь, – говорит она.

– Нет, – настаиваю я.

– Точно врешь. Я всегда знаю, когда ты врешь. – Она убирает за ухо прядь темных волос и наклоняется ко мне. – У тебя появляется маленькая морщинка, прямо вот тут... – Указательный палец Вэл проводит линию вдоль моего лба. – Типа «мне неприятно вас обманывать, но надо». Понимаешь, что я имею в виду?

Я ловлю руку Вэл раньше, чем она успевает ее убрать.

– Ты всего лишь ищешь причину, чтобы дотронуться до меня, да, Каррингтон?

Она усмехается.

– Думай что хочешь, Ройал.

– Именно так я и хочу думать, – мрачным тоном говорю я. – И думаю. Каждый раз, когда лежу в своей кровати совсем один.

– Бедняжка, – Вэл щиплет мою ладонь до тех пор, пока я не отпускаю ее руку. – Хотеть не вредно, Истон. Но все это богатство... – она театральным жестом указывает на себя, – неприкосновенно.

Я закатываю глаза.

– Почему? Хранишь свою невинность для несуществующего парня?

– Ауч! – Но Вэл ухмыляется. – Нет, я ни для кого не храню свою невинность. Просто *ты* меня в этом смысле не интересуешь.

– Ауч! – повторяю я, но мы оба знаем, что я тоже совсем не расстроился из-за ее слов.

– Честное слово, поверить не могу, что между вами до сих пор ничего не было, – со смехом говорит Элла. Она взяла себе пенне с курицей, но лишь ковыряет вилкой в тарелке. – Вы так похожи!

– И именно поэтому между нами никогда ничего не будет, – отвечает Вэл.

– Неправда, – возражаю я. – Один раз мы целовались.

У Эллы отвисает челюсть.

– Целовались?

Вэл уже собирается все отрицать, но вдруг взрывается смехом.

– Боже мой, точно! На вечеринке Мары Полсон, когда она праздновала свое шестнадцатилетие! Я и забыла об этом.

Я вздыхаю.

– Ой, а вот сейчас ты ранила меня в самое сердце. Как ты могла забыть, что мы целовались?

Элла ухмыляется, глядя на нас.

– Но вы не встречались?

Вэл качает головой.

– Мы решили, что для нас лучше всего будет остаться друзьями.

– Как жаль, – с печальным видом замечает Элла. – А так могли бы ходить на двойные свидания.

Я наблюдаю, как моя сводная сестра снова водит вилок по тарелке. Рид попросил меня присматривать за ней, пока его нет в городе. Это я и делаю. Вот прямо сейчас смотрю, как она снова ничего не ест.

А еще я вижу, как задрался подол ее юбки, когда она наклоняется вперед и ставит оба локтя на стол. В отличие от Хартли, Элла подворачивает юбку. Риду всегда это очень нравилось. Не могу не согласиться с ним.

– Ист... – Это тихое предупреждение от Сойера. Мой младший брат заметил, куда направлен мой взгляд.

Элла тоже замечает это и шлепает меня по руке.

– Истон! Хватит пялиться на мою юбку!

Я притворяюсь невинным.

– Я ничего такого не делал.

– Врешь, – обвиняет она.

– Врешь, – поддакивает предатель Сойер.

Себ, сидящий рядом со мной, молча кивает. Маленькие засранцы всегда готовы объединиться против меня.

Перестав притворяться, я смотрю на Эллу со своей самой задорной улыбкой.

– Прости, сестренка. Привычка.

Вэл смеется.

– Привычка?

– Да, привычка. – Я пожимаю плечами. – Я вижу девчонку в короткой юбке и хочу знать, что под ней. Ну расстреляйте меня. К тому же... – поигрывая бровями, я беру золотистую прядь Эллиных волос и наматываю на палец: – Рид может прикидываться сколько влезет, но я первый из Ройалов попробовал твои губы на вкус. Мы все это знаем.

– Истон! – Щеки Эллы становятся пунцовыми.

– Но это же правда, – дразнюсь я.

– Это не значит, что мы должны вспоминать об этом. Вообще, – она сердито смотрит на меня, – ты прекрасно знаешь, что я просто использовала тебя, чтобы забыть Рида.

Я хлопаю себя ладонью по груди, где сердце.

– Ого! А я думал, это Вэл злыдня.

– Эй! – со смехом вскрикивает Вэл.

– Ой, да ладно, – взмахнув рукой, говорит Элла. – Ты тоже говорил, что влюблен в другую.

Я хмурю брови.

– Разве?

– Ага.

Засунув в рот несколько кусочков картошки фри, я медленно жую.

– Я был пьян, когда говорил это?

Элла на мгновение задумывается и потом кивает.

– В слюни.

– Так и думал. Когда я в стельку пьян, то болтаю всякие глупости.

А еще я абсолютно уверен, что когда целовался с Эллой, то не притворялся, что она – это какая-то другая девушка. Элла чертовски сексуальная. Еще до того, как она стала встречаться с моим братом, я хотел трахнуть ее, очень хотел.

Теперь от таких мыслей пахнет кровосмесительством, но мне все равно нравится дразнить ее по этому поводу.

– На тебя пялится какая-то девчонка, – сообщает Сойер, который с веселым любопытством смотрит куда-то за мою спину.

Я оглядываюсь, и мое настроение мигом становится еще лучше. За столиком рядом с окном сидит Хартли. На одну короткую секунду ее непроницаемые серые глаза встречаются с моими, но она быстро отводит взгляд.

– Кто это? – с интересом спрашивает Лорен, отпивая глоток воды «эвиан» из бутылки.

– Мой новый лучший друг.

Подмигнув окружающим меня изумленным лицам, я вскакиваю со стула и направляюсь к Хартли.

Не дожидаясь приглашения, сажусь на стул напротив нее и хватаю ролл из ее тарелки.

Хартли громко вздыхает.

– Ты еще не устал ходить за мной по пятам?

– А ты не устала играть в недотрогу?

– Я бы поняла твои переживания, если бы действительно играла в недотрогу, но в реальности, как бы тебе ни сложно было это принять, ты просто меня не интересуешь.

Я барабаню пальцами по столу. Это возможно. Существуют девушки, которых я не интересую. Наверное. Теоретически это может быть правдой.

– Ты выглядишь озадаченным.

– Если честно, меня еще никто никогда не отшивал. Я говорю так, не чтобы похвастаться, а потому что это правда. Я довольно хорошо в этом разбираюсь. А еще ты призналась, что я горячий парень.

– Я использовала слово «клевый» и еще сказала, что даже если бы хотела встречаться с кем-то, то не выбрала бы тебя. Вчера твоя рука была под юбкой учительницы.

Я не обращаю внимания на упоминание об учительнице и сосредотачиваюсь на положительных моментах.

– Клевым. Горячим. Одно и то же. Мы можем хотя бы переспать. Сегодня вечером я свободен.

Хартли снова вздыхает. Еще громче.

– Истон, – начинает она.

Я опускаю руки на столешницу и подаюсь вперед.

– Да, детка?

В ее взгляде заметно раздражение.

– Знаешь что? Забудь об этом. – Она тянется к портфелю, который лежит на соседнем стуле. – Мне нужно кое-что прочитать для урока по литературе.

Я так и сижу с отвисшей челюстью, а Хартли достает книгу и начинает читать, продолжая есть одной рукой. Она словно не замечает меня. Полностью игнорирует.

Хартли очаровала меня. Ее тянет ко мне, но она ничего не собирается с этим делать?

– Я ни с кем не встречаюсь.

Она не отвечает.

– А у тебя есть парень?

Молчание.

Я барабаню пальцами по столу. Другой парень – это сложности, которых я обычно избегаю. Но если бы у нее был бойфренд, она сказала бы мне об этом в первые пять минут нашего разговора. По крайней мере, если бы у них все было серьезно. И тут меня осеняет.

– Тяжелое расставание, да? Ох, хорошо, что у тебя есть я: ты можешь поплакать у меня на плече. – И я хлопаю себя по плечу.

В ответ слышу очередной долгий тяжелый вздох.

– Не было у меня никакого тяжелого расставания. Парня у меня тоже нет, хотя это и не твое дело. И я по-прежнему хочу, чтобы ты оставил меня в покое.

Хартли произносит все это на одном дыхании. Она даже не потрудилась поднять на меня глаза. Хотя, по-моему, она даже не читает – устала в одну точку.

Я решаю уличить ее.

– Я бы поверил тебе, если бы ты действительно читала.

Она слегка краснеет и переворачивает страницу. Ту самую, которую «читает» вот уже минут десять. Я доедаю ролл и беру из ее тарелки морковную палочку. Хартли поджимает губы, но ничего не говорит. Я продолжаю уничтожать остатки ее ланча. Ну, если она не собирается его доедать, мне не хочется, чтобы он пропадал зря.

Когда ничего, кроме воды, не остается, я решаю, что пора уходить.

– Почему все смотрят на нас?

Раздраженный вопрос Хартли заставляет меня остановиться. Я оглядываю столовую. Не заметил, что мы стали центром всеобщего внимания. Гиены пускают слюни, учуяв запах свежего мяса. Фелисити Уортингтон за столом с парой подружек, тоже из выпускного класса, и они склонили головы, как будто перешептываются о том, что только что увидели. Истон Ройал сидит за ланчем с какой-то девчонкой? Ничего себе!

Клэр тоже наблюдает за нами, и она явно недовольна. Глазами мечет молнии в Хартли, но, когда встречается со мной взглядом, выражение ее лица тут же смягчается. Сидит с видом раненого олененка, как у одной из бывших Рида: она смотрела на него точно так же, когда он бросил ее. Похоже, действительно пора придумать что-то, чтобы отделаться от Клэр.

Покраснев, как свекла, Хартли берет бутылку воды и отпивает глоток.

– Seriously, это же глупо. Почему они пялятся?

Я пожимаю плечами.

– Я Ройал.

– Везет же!

– Это что, сарказм?

– Еще какой, – весело отвечает она.

Закатив глаза, я забираю у нее бутылку с водой и делаю большой глоток. До меня доносится ошарашенный возглас Клэр. Ну и ладно! Моей бывшей не помешает остыть. Seriously.

– Уж если у кого и было тяжелое расставание, так это у тебя, – бормочет Хартли, по-прежнему притворяясь, что читает книгу.

– Тогда так не казалось. Мы оба были согласны с тем, что уже надоели друг другу.

– А почему она оскорбилась, увидев, что ты пьешь из моей бутылки?

– Наверное, забыла, что устала от моего дерьма.

В ответ Хартли сдавленно усмехается.

– И что ты делал? Изменял ей?

– Нет. Думаю, что не уделял достаточно внимания. Она что-то говорила о том, что я плохой бойфренд.

– Все, что слетает с твоего языка, убеждает меня, что хорошим ты быть не сможешь.

– Ауч! – Я передаю бутылку Хартли. – Наверное, мне нужно больше практики.

– Я пас.

– А у тебя когда-нибудь был парень? – Мне по-настоящему любопытно. Хартли так тщательно избегает разговоров о прошлом.

– Что случилось? Он обманул тебя? Ты устала от него? Перестало хватать времени на отношения? Что?

Хартли, прищурившись, наклоняется вперед.

– Зачем ты спрашиваешь?

– Просто любопытно.

Позади меня кто-то кашляет. Я не обращаю внимания.

– Ты интересная, мне бы хотелось узнать о тебе побольше.

Кашель за спиной становится громче. Глаза Хартли распахиваются шире, а уголки губ приподнимаются.

– По-моему, кто-то хочет привлечь твоё внимание.

– Я разговариваю с тобой.

– *Истон*, – шаги останавливаются рядом со мной, и пальцы Клэр обхватывают мою руку. – Ты что, не слышал меня?

Я проглатываю вздох и напоминаю себе о хороших манерах.

– Да, но я разговариваю...

– Я закончила. Можешь занять мое место, – Хартли встает и указывает рукой на свой стул.

На лице Клэр появляется сияющая улыбка.

– Спасибо.

– Погоди секундочку, – я хочу схватить Хартли за запястье, но она шагает в сторону. Разозлившись, я поворачиваюсь к Клэр. – Нам с Хартли нужно переговорить с глазу на глаз.

– Нет-нет, – отвечает Хартли.

И через мгновение убегает прочь.

– Мы еще не закончили, – я подскакиваю со стула и несусь вслед за ней.

Клэр снова зовет меня, но я продолжаю погоню за Хартли, не обращая внимания на изумленные взгляды Эллы и остальных. Моя цель – исключительно Хартли, и я успеваю догнать ее у входа в столовую.

– Жестко с твоей стороны – вот так взять и оставить меня одного с Клэр, – шучу я. – У тебя есть сердце?

Хартли потирает пальцем лоб, и я замечаю на ее левом запястье белую полосу. Похоже на рубец после хирургической операции. Наверное, расставание действительно было болезненным, раз после него ей потребовалось вмешательство хирурга.

– Истон, послушай, я не люблю быть в центре внимания, в отличие от тебя. – Она указывает на множество повернутых в нашу сторону лиц. – Стараюсь держаться в тени. И не хочу – и не могу себе позволить, – чтобы все это внимание было обращено на меня.

Услышав это загадочное заявление, я хмурюсь.

– Почему?

– Потому что, – больше она не произносит ни слова.

Но не двигается.

Я подхожу ближе.

Хартли по-прежнему стоит на месте. Как будто ее ноги приклеились к полу.

Я опускаю голову, и вот уже мой нос в паре сантиметров от ее милого ушка.

Я так близко, что ощущаю тепло ее кожи, исходящее из-под крахмаленной ткани юбки. Мои пальцы находят ее запястье. Пульс у Хартли бешеный. Или это мой?

От нее исходит потрясающий аромат, что-то фруктовое и свежее. Мне хочется провести носом вдоль ее шеи и вдохнуть ее. А потом, может, провести языком по подбородку, вычерчивая дорожку к ее пухлым губам. Их бы я тоже облизал, а затем засунул бы язык в ее рот.

И вот уже я стою посреди столовки со стояком.

Взгляд Хартли опускается туда, где соприкасаются наши руки.

– Ройал, – предупреждает она.

– М-м-м?

Я слишком отвлекся на ее темные волосы, на мелкие завитки рядом с ухом. В голове вспыхивает картинка, как эти волосы свисают словно штора вокруг моего лица, и у меня чуть не вырывается громкий стон.

– Ни за что не поверю, что ты этого не чувствуешь, – говорю я, и

собственный голос кажется мне низким и хриплым.

– Чувствую что?

Жар. Внезапный прилив желания, которое пульсирует сейчас в моей крови.

– Это, – шепчу я и, не думая, что делаю, придвигаюсь к ней еще ближе.

Мой рот опускается к ее губам.

В этот раз за спиной раздаются несколько изумленных вскриков, оживленный шепот. Но я не обращаю на них никакого внимания. Все оно приковано лишь к Хартли. Еще пара дюймов – и наши губы соединятся. Еще один дюйм – и мой язык окажется у нее во рту. Еще полдюйма – и...

По моему лицу стекает что-то холодное.

Я удивленно отстраняюсь от Хартли, поднося руку к щеке. Вода?

Господи боже мой, она только что вылила мне на голову все содержимое своей бутылки!

– Какого черта?! – злобно вскрикиваю я.

Хартли выглядит такой же разъяренной, каким я себя чувствую.

– Какой же ты козел, – шипит она.

У меня так и отвисает челюсть.

– Я? Это же ты вылила на меня воду!

– Я *только что* сказала тебе, что не хочу привлекать к себе внимание, а ты попытался *поцеловать* меня на глазах у всей школы! Тебя ведь не волнует, чего хотят другие, да, Истон? Важно лишь то, чего хочешь *ты*, потому что ты Ройал, верно?

Хартли выдергивает свою руку, и мне остается лишь наблюдать, как она марширует прочь.

– Истон! – раздается жалобный голос.

Я прислоняюсь головой к дверному косяку. Зашибись, блин! Я не могу отделаться от своей бывшей и продолжаю портить отношения с девчонкой, которую хочу. Мой последний год в школе обещает быть совсем не таким, каким я его себе представлял.

Совсем.

Глава 6

– Как думаешь, я козел? – угрюмо спрашиваю я позже вечером у Эллы, которая режет мне яблоко.

– Что это за вопрос такой? – Она бросает ломтики в пиалу и подталкивает ее в мою сторону.

– Значит, ответ «да»?

– Конечно, нет.

Она встает на цыпочки и гладит меня по голове, как маленького щенка. Мне не нравится возникшее при этом чувство.

– Почему ты обращаешься со мной как с ребенком, хотя я на три месяца старше тебя?

– Потому что ты ведешь себя как маленький ребенок.

– Нет.

– Да, и еще как.

Я оцетиниваюсь.

– Ты поэтому не видела во мне того, что видела в Риде? Потому что я веду себя как *маленький ребенок*?

Пусть я был первым Ройалом, который поцеловал Эллу, но Рид всегда будет первым в ее сердце. И это не дает мне покоя.

Все всегда любили меня больше остальных. Мама, девчонки в школе. Черт, да даже у старушек загораются глаза, стоит мне оказаться рядом. Рид всегда ходит с хмурым выражением, а Гидеону есть дело только до Саванны Монтгомери. Я золотое дитя, но в последнее время начинаю сдавать свои позиции.

Я смотрю на свое отражение в стеклянной дверце кухонного шкафчика. С внешностью у меня все в порядке, как и раньше. Я обаятельный и веселый. Мое тело могло бы украсить обложку какого-нибудь журнала, за что спасибо не только генам, но и усиленным занятиям спортом: тяжелой атлетикой и футболом. Клэр все продолжает преследовать меня, хотя мы расстались тысячу лет назад.

Нет, со мной все в порядке. Элла запала на Рида по каким-то другим, необъяснимым, причинам, а Хартли Райт – просто чистоплюйка и нелюдимка.

– Я не ребенок, – бормочу я.

Элла вздыхает.

– Так, ладно, что происходит? У тебя все нормально?

Я избегаю ее обеспокоенного взгляда.

– С чего ты взяла, что что-то происходит?

– Потому что ты ходишь сам не свой с тех пор, как за ланчем та девчонка вылила тебе на голову бутылку воды. Я забыла, как ее зовут?

Мне удастся равнодушно улыбнуться.

– Хартли, и то, что случилось, меня ничуть не трогает. Я Истон Ройал, для меня открыт весь мир. Уверен, она еще изменит свое мнение. – Я легонько щипаю Эллу за щеку. – Мне пора, сестренка. Сегодня меня не жди.

Она сразу застывает.

– Никаких боев.

– Никаких боев, – закатив глаза, отзываюсь я.

– Истон...

– Я серьезно. – Я невинно поднимаю руки вверх. – Да и в любом случае сегодня вторник. По вторникам бои не проводятся.

Но Эллу, похоже, мои слова не сильно убедили.

– И куда тогда ты собрался?

– Туда, куда хорошим девочкам лучше не ходить. – Взяв нарезанные яблоки, я ухожу.

– Истон! – кричит она мне вслед.

Я, не оборачиваясь, машу ей рукой. Мне совсем не хочется, чтобы Элла сегодня отправилась за мной. Ей все это очень не понравится, и мои сияющие доспехи поблекнут.

Поднявшись наверх, я надеваю свои любимые джинсы. Дырки на коленях становятся все шире, все меньше отдавая дань моде, – больше похоже на то, что я стащил их у бомжа. Просто мне не нравится выбрасывать вещи. К тому же там, куда я собираюсь, не обращают внимания на внешность, главное – чтобы у тебя при себе были деньги. Отыскав на полу толстовку с капюшоном, я набрасываю ее поверх своей любимой черной майки.

Зажав в кулаке ключи и несколько сотен долларов, спускаюсь по черной лестнице, чтобы не встретиться с Эллой, папой или еще кем-то, таким же любопытным. Оказавшись в гараже, снимаю брезент с покупки, которой, надеюсь, отец не заметил. Мотоцикл уже был с пробегом, но я бы не смог позволить себе новый, не вызвав переполоха в бухгалтерии. Любая покупка стоимостью больше десяти штук баксов тут же выдавала бы меня с головой. И это даже хорошо, потому что в тех местах, где я бываю, что-то дорогое тут же привлекло бы к себе внимание, и, скорее всего, его бы попросту украли.

Я качу серебристо-черную «ямаху» от дома примерно до середины подъездной дорожки, а потом взбираюсь на байк и выжимаю полный газ. Дорога до пункта назначения занимает тридцать минут.

Рядом с ветхим домом стоят человек шесть и курят. Разумеется, сигареты: что-либо другое здесь запрещено и, наверное, так будет до тех пор, пока Земля не сойдет с орбиты. Внутри – другое дело. Здесь можно найти удовольствия на любой вкус. Но я приехал не за этим. Стараюсь держаться подальше от неприятностей, хоть это и непросто.

За свою недолгую жизнь я страдал от разного рода зависимостей. И сейчас мне стоит невероятных усилий пройти мимо окружающих соблазнов, но после того, что случилось с мамой, я обещал братьям попытаться держать себя в узде. Мне еще не надоело жить. Я как никто другой знаю, что слишком много веселья может привести к катастрофе.

Внизу лестницы мне салютует мужик с огромным пузом, которое, наверное, видно даже с побережья.

– Ройал.

Размеры Тони вводят в заблуждение. Он только выглядит рохлей, но на самом деле здесь этот парень – единственный, кого вам не захочется разозлить. Один удар его лапы – и вы будете валяться без сознания.

Я жму руку вышибалы, а потом мы по-мужски обнимаемся. Тони хлопает меня по спине (так, что кости хрустят) и отодвигается в сторону. В тускло освещенной цементной коробке уже стоят четыре стола. Здесь, внизу, курить запрещено, особенно если учесть, что помещение не оборудовано системой противопожарной безопасности. Да и выход отсюда только один, и то сначала нужно подняться вверх по лестнице.

Зато алкоголь здесь течет рекой. За тремя столами уже сидят люди, но у четвертого еще есть три пустых стула. Дилера я вижу впервые, но все равно бросаю пятерку в центр стола.

– Давно не виделись, Ройал, – говорит парень рядом со мной.

– Привет, Нейт Дог.

Мы шлепаем друг друга по ладоням. На его руках чувствуются мозоли от работы в доках. Я познакомился с ним после одного из боев, и он пригласил меня на игру. Думаю, он знал, что у меня водятся деньги, и захотел помочь мне избавиться от них. Да и какими бы ни были его намерения, это место прекрасно подходит для того, чтобы выпустить пар. Я не расстраиваюсь, если проигрываю, но чаще всего остаюсь при своих.

Я на несколько сантиметров выше Нейта-Ди, но рядом с ним всегда чувствую себя маленьким. И дело не в том, что он старше, а в том, как он держится. Нейт знает себе цену. И меня это восхищает.

Третий игрок поднимает подбородок в мою сторону, желая показать свою крутость. Он распрямляет плечи, и благодаря объемной толстовке создается видимость, что его фигура массивнее, чем есть на самом деле.

– У тебя какие-то проблемы? – спрашивает парень, выдвигая вперед нижнюю челюсть.

– Нет. А что?

– Ты паялся, – сообщает мне Нейт-Ди.

– Да лучше смотри в свои карты.

Этот задира начинает действовать мне на нервы.

– Просто ты такой милый, что я не могу удержаться, – отвечаю я.

Нейт-Ди прикрывает рот рукой, чтобы спрятать смешок, и даже на непроницаемом лице дилера появляется подобие улыбки.

Но парень не оценил моей шутки. Жаль, что у придурка нет чувства юмора. Кто-то протягивает мне бутылку пива, и крупье начинает первый розыгрыш. Я залпом опустошаю сразу полбутылки и только потом делаю вдох.

Я отказался от одной дурной зависимости, но не могу избавиться от всех разом. Как-то раз даже сказал Элле, что это у меня в генах. Во мне полно всякого дерьма. Но так уж я устроен и не стыжусь этого. Я никому не причиняю вреда или, по крайней мере, стараюсь избегать этого.

Взяв карты, я включаюсь в игру. У придурка в толстовке не только нет чувства юмора, он еще и плохо играет в карты: не запоминает те, что уже были разыграны, и делает необдуманные ставки.

После пяти быстрых раздач кучка денег перед ним исчезла, в то время как моя продолжает расти.

– Тебе сегодня везет, сынок, – с досадой кидая на стол три шестерки, вздыхает Нейт-Ди.

– Это твой второй стрит за пять раундов. – Парень хмуро смотрит на меня. – Да ты мошенник!

Я прекращаю сгребать банк.

– Я даже не знаю имя дилера, как я мог бы смошенничать?

– Я все время выигрывал, пока ты не появился. Это очень подозрительно, – отвечает он.

Я закатываю глаза.

– Смотри в свои карты, – рявкает Нейт.

Придурок стискивает зубы, но уступает.

Я опускаю глаза на свои карты и вытягиваю пару.

– Две, пожалуйста, – говорю я дилеру.

– Пожалуйста? Мы что, в каком-то загородном клубе? – презрительно

усмехается «крутой», сбрасывая свои карты. – Я пас. Победа моя.

Но в итоге он проигрывает Нейту. Мы разыгрываем еще одну колоду, и «крутой» снова проигрывает две штуки баксов. Мастерски сблефовав, потому что на деле у меня ни хрена не было, я забираю его последнюю сотку. Нейт сбрасывает карты, и «крутой» следует его примеру.

– Дай посмотреть на твои карты, – рычит он.

– Нет.

Может, если бы я играл с Нейтом и кем-то еще, то согласился бы, но этот парень весь вечер вел себя как кусок дерьма. А я с самого ланча пребываю не в самом приятном расположении духа. Элла была права: от ворот поворот от Хартли *сильно* задел меня.

– Я хочу посмотреть, какие у тебя карты!

Парень переваливается через стол, чтобы схватить их, но я быстро отбрасываю их дилеру, который одним ловким движением отправляет карты в кучку с другими сброшенными.

– Сядь, – приказываю я парню.

– Это все обман! – «Крутой» бьет кулаком по столу. – Снимай свою одежду!

Он бросается вперед, как будто хочет стянуть с меня толстовку.

Я отшатываюсь в сторону, а Нейт руками толкает «крутого» на стул.

– Успокойся, – предупреждает его Нейт, показывая пальцем в мою сторону.

«Крутой» с мрачным видом скрещивает руки на груди.

– Я не стану разыгрывать и пенни, пока он не снимет свою толстовку. Не настолько у меня плохо с картами.

Я фыркаю.

– Да! – настаивает он.

Нейт тянет за край моей толстовки.

– Сними уже ее, чтобы мы могли поиграть.

Другими словами, он просит меня заткнуться, чтобы получить еще больше этих легких денег.

Я стряхиваю руку докера со своего плеча.

– Нет. Я не мошенник и не собираюсь раздеваться только потому, что мне так сказал какой-то говнюк, который не умеет блефовать.

Нейт поднимается из-за стола.

– Его деньги зеленые. Сними с себя толстовку, Ройал.

Что за чушь! Нейту так нужны бабки, что он скинет меня под стол? Да ну их.

– Раздевайся, мошенник, – с издевкой поддакивает «крутой». Теперь,

когда Нейт вроде как на его стороне, показная самоуверенность так и прет из него.

Я весело усмехаюсь.

– Нет.

Нейт тянет меня за рукав, и я резким движением вырываюсь из его хватки. Не знаю, когда что-то пошло не так, но дальше все происходит как в тумане. Стол опрокидывается. Деньги падают на пол. Откуда ни возьмись появляется кулак, костяшки врезаются в мою челюсть, заставляя меня развернуться.

Я вскакиваю, нанося удары. Не знаю, с кем дерусь, да и зачем, но ощущения приятные. Я получаю удар ногой в живот и два удара в грудь, но сам бью еще больше, хоть пот и кровь застилают глаза и заполняют рот. Я дерусь до тех пор, пока мне в лицо не попадает струя холодной воды. Ха, снова вода. Второй раз за день.

– Достаточно!

Я очухиваюсь и понимаю, что лежу на спине, а надо мной злое лицо Тони. В его руке зажат шланг. В ушах звенит – то ли от его крика, то ли оттого, что меня ударили в голову. Я трясую ею, но звон не проходит.

– Тебе пора, Ройал.

Я встаю с пола и оглядываюсь. Перед глазами расплываются перевернутые столы, усеянный банкнотами пол и лежащие тела.

– Не я затеял эту драку. – Язык у меня заплетается.

– Мне плевать. Вечер испорчен, и все благодаря тебе. Выметайся!

Я растягиваю губы в улыбке, хоть мне чертовски больно.

– Почему бы тебе не обвинить другую сторону? Вообще, откуда взялся этот парень? Я играл здесь уже...

– Ты глухой, сынок? Я же сказал тебе, красавчик, выметайся вон из моего подвала. И никогда больше не возвращайся. – Тони грубо толкает меня в сторону лестницы.

Звон в ушах не утихает. С трудом поднявшись по ступенькам, я тащусь к выходу. Черт, голова просто *раскалывается на части!*

В доме почти никого нет. Снаружи на крыльце стоит несколько человек. Быстро махнув им рукой, я, спотыкаясь, спускаюсь по лестнице.

Дорожка ускользает из-под ног. Я вытягиваю перед собой руку, чтобы удержать равновесие, но хватаю лишь воздух и, оступившись, по инерции падаю на колени.

За спиной раздается смех. Подонки.

Я встаю с колен и выпрямляюсь. Байк стоит в квартале отсюда. Мне бы только добраться туда, и все будет хорошо.

Я бреду по тротуару, спотыкаясь и покачиваясь в разные стороны, но дохожу до мотоцикла. Перекинув ногу через сиденье, пытаюсь завести его. Мотор, заурчав, через несколько секунд с фырканием умолкает. Хлопнув рукой по бензобаку, я снова запускаю двигатель. В этот раз он оживает. Хороший мальчик.

– Истон!

Я разворачиваюсь на звук знакомого голоса. Что за черт?

Передо мной лицо Хартли Райт, даже три лица. Три Хартли, которые будут кричать на меня, будут грубить мне и обольют меня водой за то, что осмелился поцеловать ее. Круто, что скажешь.

– Ты что, следишь за мной? – бормочу я.

– Мечтать не вредно. – Три Хартли собрались уходить.

Я отпускаю сцепление, и мотоцикл катится вперед.

– погоди. – Она возвращается вместе с обоими своими клонами. – Пойдем, я отведу тебя домой.

– Ты живешь здесь рядом?

Несмотря на временные проблемы со зрением, я прекрасно понимаю, что ученик «Астор-Парка» никак не может жить в таком районе. В такой дыре не смог бы жить даже стипендиат.

– Пойдем. – Хартли тянет меня за рукав. – Поедешь в таком состоянии – собьешь какого-нибудь ребенка и разрушишь жизнь целой семьи.

– Спасибо, что так беспокоишься за меня, – саркастично говорю я, но на меня вдруг обрушивается смертельная усталость.

Она права. В голове звенит, в глазах двоится, а то и троится, и все тело ноет от боли.

Я медленно возвращаю мотоцикл на обочину и ставлю его на подножку.

Или пытаюсь. После четырех неудачных попыток Хартли наклоняется и отталкивает мою ногу в сторону.

– Зачем ты помогаешь мне? – невнятно спрашиваю я.

– Сама не знаю.

– За ланчем ты вела себя как последняя стерва.

– Ты заслужил.

Может, она еще что-то сказала, но вокруг меня вдруг стало темно.

Глава 7

В ушах пульсируют глубокие басы *Humble* Кедрика Ламара, и я вытягиваю руку в поисках кнопки сброса. Ненавижу утренние тренировки ни свет ни заря. Все еще с закрытыми глазами я пытаюсь отыскать свою тумбочку, на которой обычно лежит телефон, но вместо твердого дерева моя рука находит лишь воздух.

Потянувшись еще чуть-чуть, падаю на пол. И от падения сразу же просыпаюсь.

Соскребая себя с ковра, понимаю, что не дома. Вышеупомянутый ковер какой-то потрепанный, диван за моей спиной – ему под стать. Справа от меня, у маленького деревянного стола, – два раскладных стула. А в крошечное пространство ровно за ними втиснуты холодильник, плита и раковина.

Нужда сходить по-маленькому становится нестерпимой. Два шага – и я уже открываю единственную дверь в этой конуре. Ванная, как и все остальное здесь, совершенно малюсенькая: небольшая раковина, душевая кабина и унитаз занимают все свободное пространство.

Я делаю свое дело, мою руки и вытираю их об удивительно мягкое полотенце. Сложив пополам, вешаю его обратно на кольцо.

Вернувшись в гостиную, начинаю вспоминать события минувшей ночи. Я приехал в эти трущобы на своей «ямахе», сыграл несколько раундов в покер, а потом ввязался в драку.

Наверное, меня вырубил от удара в голову. Нет, стоп! Перед этим произошло что-то еще.

Хартли.

Хартли привела меня сюда, перед тем как я отключился. Смутные воспоминания о том, как она приказывала мне шевелить задницей и взбираться по бесконечной череде ступенек.

Но если на диване спал я, то где спала она? Здесь нет спальни, а диван такой маленький, что двое на нем просто не поместятся. Ей бы пришлось спать на мне в буквальном смысле, но Хартли скорее отпилит себе руку, чем станет спать со мной.

Вот черт!

Откуда ни возьмись меня накрывает чувство вины. Хотя с какой стати мне чувствовать себя виноватым? Я не просил ее о помощи и уж тем более не стал бы спать на ее диване, даже если вчера мне нужно было где-то

переночевать.

Моя обувь и толстовка лежат на столе. В кармане около трех тысяч долларов, а значит, Хартли видела, сколько у меня денег, но не взяла ни цента. Хотя могла бы взять себе вознаграждение.

Я отсчитываю несколько банкнот и кладу их на стол. Под обувью нахожу записку, к которой приклеен ключ.

«Закрой дверь, положи ключ в этот конверт и засунь его в почтовый ящик внизу».

Я в раздумье разглядываю записку. Эта девчонка – сплошная загадка. Ее родители живут в дорогом особняке. Отец – влиятельный человек, прокурор. И все-таки Хартли живет в самом худшем районе Бэйвью, в квартирке, где стены такие тонкие, что мне слышно музыку, которая играет у ее соседей снизу. Тем не менее она учится в одной из самых престижных школ штата. Что же, черт возьми, все это значит?

Я думал, что мой последний год в школе будет скучным. Элла большую часть времени проводит с Ридом: болтает с ним по телефону, переписывается или ездит к нему в университет на выходные. Близнецы заняты своей жизнью. Гидеон тоже в колледже, а когда бывает дома, хочет тусоваться только с Саванной.

Я третий лишний, и так было всю жизнь. Пока Гид не уехал, они с Ридом вечно были вдвоем, близнецы – сами по себе, ну а я болтался где-то между ними.

Мама говорила, что в этом моя индивидуальность и независимость. Я всегда мог найти себе занятие. Мне не нужны были братья. К тому же я заводил знакомства легче, чем они. У меня куча друзей. Мой список контактов бесконечен.

И все же... вчера я никому не позвонил. Вместо этого пытался взобраться на мотоцикл и поехать домой, как какой-то идиот, у которого мозг меньше, чем мошонка.

Я выхожу из квартиры, запираю дверь, но ключ кладу в карман, а не в конверт. Тренировка начнется через полчаса. Значит, опоздаю. И это после моего вчерашнего появления в несусветную рань.

Мобильник разрывается сообщениями от Эллы.

«Где ты?»

«Тебя ищет Каллум».

Черт. Если так пойдет и дальше, я никогда больше не смогу снова подняться в воздух. Мне и правда нужно поработать над способностью принимать решения.

«Я прикрыла тебя. Сказала ему, что ты уже уехал».

Я подхожу к ступенькам. В аллее рядом с домом Хартли воняет кошачьей и собачьей мочой... Черт, да там стоит такая вонь от животных, которую даже сложно вообразить. Жесть.

Я печатаю ответ:

«Спасибо, что прикрыла меня. Уже еду».

Когда я появляюсь в школе, все еще в раздевалке. Сегодняшняя тренировка состоит из отработки техники игры и бега, поэтому к концу я еле стою на ногах.

С тех пор как защиту возглавляет Брэн Мэтис, тренер не дает нам расслабиться. Наверное, когда ситуация с квотербеком была совсем плохой, он просто не хотел рисковать, чтобы кто-то из оставшихся игроков тоже получил травму, потому что этот сезон и так обещал быть неудачным. Но сейчас все резко изменилось.

Паш бросает мне бутылку воды и тут же до последней капли опустошает свою.

– Черт, я совсем не в форме, – задыхаясь, жалуется он. – Слишком много пил и курил этим летом.

– И я.

С жадностью выпив воду, я отбрасываю бутылку и ложусь спиной на траву.

Паш падает рядом со мной. Мы лежим и смотрим в безоблачное небо.

Брэн, свежий как огурчик, с усмешкой проходит мимо нас, словно и не было этой изматывающей тренировки.

– Вам, парни, нужно почаще ходить в зал. Я вот чувствую себя отлично.

Мне едва удастся поднять руку, чтобы показать ему средний палец.

– Ты чувствуешь себя отлично только потому, что ведешь здоровый образ жизни.

Он начинает смеяться.

– Это что, оскорбление? Потому что, по-моему, вести здоровый образ жизни – значит не валяться без сил на поле.

В этот раз средний палец ему показывает Паш.

В конце концов мы собираемся с силами, чтобы оторвать свои задницы с поля, и возвращаемся в раздевалку, где я по-быстрому принимаю душ. Потом, переложив ключ от квартиры Хартли из джинсов в школьные брюки, направляюсь к секретарю.

Миссис Голдштейн на месте. Жесткие, с голубым оттенком волосы образуют нимб вокруг ее маленького круглого лица. На кончике носа очки в розовой оправе.

Я облокачиваюсь на стойку.

– Миссис Джи, вы сегодня выглядите потрясающе.

Она вздыхает.

– Что вам нужно, мистер Ройал?

Не обращая внимания на ее явное раздражение, я постукиваю пальцем по верхушке секретарского монитора.

– Я зашел к вам, потому что обнаружил ошибку в своем расписании. Пошел на первый урок, и оказалось, что я больше не числюсь в классе. Кто-то по фамилии Райт перевелся и занял мое место.

Нарисованные брови сводятся вместе поверх очков.

– Это крайне необычно.

То есть я несу полную ахинею. Но так и есть.

И продолжаю нагло врать.

– Знаю! Но мистер Уолш такой: «Вы больше не в моем классе, Ройал». А я ему: «Как? Что за чушь?! Почему этот Райт вот так взял и занял мое место»? И он: «Ну, раз так, идите к секретарю и спросите». И...

– Ладно! – миссис Голдштейн уже начинает терять терпение. – Помолчите и позвольте мне проверить.

Я прячу улыбку.

– Спасибо, миссис Джи. Я правда считаю, что этот умник попал не в тот класс.

Пошутив, я подмигиваю ей. Мисс Джи, похоже, шутку оценила. Она сжимает свои тонкие губы, чтобы не рассмеяться.

– Посмотрим, что можно сделать. – Секретарь что-то печатает.

Я поворачиваюсь к монитору, чтобы посмотреть, что она делает: открывается досье, озаглавленное «Райт Х.». Поправив очки на носу, миссис Голдштейн изучает расписание.

Я ловко перевешиваюсь через стойку и быстро нажимаю на кнопку «печать с экрана».

– Мистер Ройал! – восклицает секретарь, вскакивая со стула.

Но я быстрее нее. Перемахнув через стойку, я оказываюсь прямо перед принтером.

– Спасибо, что распечатали это для меня. – Ослепительно улыбаясь ей, я хватаю лист бумаги и оббегаю стол.

Она пытается схватить меня.

– Я ничего для вас не печатала. Истон Ройал, вернитесь!

– Миссис Джи, у вас восхитительные духи, – кричу я ей через плечо.

Выбежав из кабинета, я смотрю на распечатанный лист. У нас ни одного совпадения по занятиям, за исключением последнего урока. Больше

того, почти все учебное время *Райт Х.* проводит в противоположном крыле здания.

Но с сегодняшнего дня это изменится.

Я поднимаюсь по лестнице, перескакивая через ступеньку. Когда врываюсь в кабинет, где проходит первый урок Хартли, лекция уже началась. Все места рядом с ней заняты. Ее окружают горшочные растения – полные самомнения детишки, которые поглощают весь кислород. Я подхожу к одной девчонке, которую знаю и которая мне не нравится.

Наклоняюсь над ее столом.

– Твоя машина горит.

– О боже мой! – взвизгивает Синтия Паттерсон и пулей вылетает из класса.

Самодовольно ухмыляясь, я отодвигаю освободившийся стул и усаживаюсь.

– Мистер Ройал, что вы делаете на моем уроке? – спрашивает учительница.

Понятия не имею, кто это. Но, судя по морщинам у нее на лбу, от которых она пытается избавиться при помощи ботокса, ей за сорок. Слишком стара для меня.

– Хочу учиться. Разве все остальные здесь не за этим?

– Это курс по истории феминизма.

Я вскидываю голову.

– Тогда я не понимаю, почему вы против меня. Если мы хотим добиться равенства полов, то этот курс должен быть обязательным и для молодых людей или нет?

Учительница предпринимает последнюю попытку выгнать меня с урока.

– У вас с собой нет необходимых книг.

– Какие проблемы? Хартли поделится со мной. Мы старинные друзья. – Я поднимаю свой стол и ставлю его рядом со столом Хартли.

– Что ты делаешь? – едва слышно, но требовательно спрашивает она.

– У тебя есть потрясающая способность – кричать шепотом, ты знала об этом? – Я перекладываю одну из ее книг себе на стол.

– А у тебя есть потрясающая способность выводить меня из себя.

– Я совершенствовал эту способность с рождения. Мама говорила, что я появился на свет, размахивая кулачками. Спасибо, что помогла мне вчера.

Запустив руку в карман, я быстро оглядываю кабинет и незаметно под столом тыкаю Хартли ее же ключом.

Она испуганно вздрагивает, а потом смотрит вниз и тут же

напрягается.

– Я же попросила тебя оставить ключ в почтовом ящике, – шепчет она.

– Решил, так будет проще.

Хартли изучает мое лицо.

– Ты, наверное, заключил сделку с дьяволом. Это единственное объяснение тому, как отлично ты выглядишь после ночи попойки и того, как тебя вчера отделали.

– Никто меня не отделал.

– Да? Это поэтому ты вырубился? И тебя не били по голове так сильно, что ты даже не мог смотреть прямо перед собой?

– Все именно так.

Хартли лишь качает головой. Ее челюсти по-прежнему крепко сжаты. Училка бубнит перед классом что-то о третьей волне феминизма. Она явно не в курсе, что ее почти никто не слушает.

– Зачем ты здесь? – наконец спрашивает Хартли.

– О, а я разве не сказал тебе? Теперь у нас все уроки общие.

Она резко разворачивается ко мне.

– О господи.

– Ну, кроме музыки. У меня нет слуха.

– Боже мой, – снова повторяет она.

– Я знал, что ты обрадуешься.

Хартли стонет так громко, что все головы поворачиваются в нашу сторону.

– Что случилось, мисс Райт? – вежливо спрашивает учительница.

Хартли стискивает зубы.

– Я просто поверить не могу, что даже сейчас, в нашем современном, прогрессивном обществе клинические испытания лекарственных препаратов до сих пор включают только мужчин, каждый день ставя под угрозу жизни женщин. Это ужасно.

– Ужасно! – соглашается учительница. – Однако такова действительность.

Как только она продолжает свою лекцию, Хартли поворачивается ко мне с хмурым видом.

– Переделай свое расписание на прежнее, Ройал.

– Не-а.

Она сжимает столешницу обеими руками, как будто борется с желанием ударить меня, и шепчет:

– Отлично. Тогда перестань разговаривать со мной. Я здесь, чтобы получить знания.

– Какие знания? Женщины заслуживают тех же прав, что и мужчины.
Точка.

– Ты действительно в это веришь?

Я поднимаю брови.

– А кто-то в этом сомневается?

– Очевидно, не все считают как ты.

Я подмигиваю.

– Значит, теперь, когда ты узнала, что у меня нет предрассудков, я стал тебе нравиться?

Но она словно не замечает моих попыток очаровать ее и глядит с подозрением.

– Я не знаю, почему ты преследуешь меня, но тебе пора перестать это делать. Ты меня не интересуешь и не заинтересуешь никогда. К тому же, как я слышала, к тебе выстроилась целая очередь из девчонок, которые с радостью выполнят все, чего ты захочешь. Так что просто... – она машет на меня рукой, – просто отвали.

Я игнорирую почти все, что она сказала, за исключением очевидного.

– Ты навела обо мне справки, да?

Хартли закрывает глаза и разворачивается к учительнице.

– А что еще ты слышала? Я бы не прочь узнать, что обо мне говорят. – Я легонько подталкиваю ее локтем.

Она отодвигается от меня и продолжает молчать.

– Мой самый любимый слух – о том, что у меня волшебный язык, но это правда. Я буду только счастлив доказать тебе это. В любое время.

Хартли скрещивает руки на груди и опять не говорит ни слова.

Я опускаю глаза на расписание.

– Жду не дождусь, когда мы вместе пойдем на урок английской литературы, – с ликованием шепчу я ей.

Она до скрипа сжимает челюсти.

А это весело. Очень весело!

Глава 8

Хартли не обращает на меня внимания ни на английской литературе, ни на государственном управлении, еще одном предмете, на который я не записан, но на который пошел потому, что он стоит в ее расписании. Учителей мое присутствие совершенно не смущает – видимо, они предполагают, что раз я здесь, то школьная администрация в курсе и волноваться не о чем. Но если хотите знать мое мнение, это как-то безответственно.

Думаю, то, что происходит, можно назвать преследованием, но я же не причиняю Хартли никакого вреда и не веду себя непристойно, чтобы залезть к ней в трусики. Просто эту девчонку очень легко вывести из равновесия, и это прикольно.

Хотя я ничего не имею против ее трусиков или юбки, что скрывает задницу, на которую я сейчас смотрю с восхищением. Во время обеденного перерыва я незаметно встаю позади Хартли в очереди в столовой. Когда она тянется за яблоком, ее милая попка выпячивается в мою сторону.

Я бы ее полапал.

– Нет, ты издеваешься?! – Хартли возмущенно поворачивается ко мне, и я понимаю, что сказал это вслух.

Но извиняться не буду. Я же Истон Ройал – все время несу всякий бред. Это часть моего обаяния.

– А что? Ты должна быть польщена, – успокаиваю я ее. – В этой школе я пользуюсь успехом.

Хартли сжимает губы. Я прямо-таки вижу, как в ее голове рождаются сотни злобных реплик, но она умная девочка – уже уяснила, что ругаться со мной совершенно бесполезно. Мне это лишь в кайф.

Поэтому она разворачивается и продолжает наполнять свой поднос едой.

Я иду вслед за ней и делаю то же самое. В столовой «Астор-Парка» выбор блюд просто огромный, хотя в этом нет никакой необходимости. Каждый семестр школа нанимает какого-нибудь знаменитого шеф-повара, и он создает полное всякой припущенной рыбы или курицы с эстрагоном меню для тинейджеров, которые с большим удовольствием съели бы бургеры и картошку фри. В «Астор-Парке» любят впадать в крайности, и наша столовая не исключение.

– Хочешь, на уроке по фотографии сядем вместе? – спрашиваю

я Хартли. – Слышал, что сегодня нас объединят в пары и мы будем фотографировать своих соседей по парте.

Наклонившись ближе, я перехожу на шепот:

– Я покажу тебе мой снимок, если ты покажешь свой.

Положив ладонь мне на руку, Хартли легонько отталкивает меня.

– Никто ничего никому показывать не будет. Тем более что у тебя нет этого предмета! И вообще, хватит ходить на мои уроки!

Я широко улыбаюсь ей.

– И лишить тебя моего великолепия? Да ни за что на свете!

Она моргает. Потом смотрит мне прямо в глаза.

– Истон, у тебя... проблемы? Ну, в смысле... тут? – И Хартли стучит пальцем по своей голове.

Я взрываюсь смехом.

– Конечно, нет.

– Хорошо. Значит, ты просто занят только самим собой и никого не хочешь слушать. Понятно.

– Я слушаю, – возражаю я.

– Ну-ну, я заметила.

– Слушаю! – Но мое хмурое выражение лица тут же сменяется широкой улыбкой. – Вот, например, когда девчонка говорит: «Истон, еще, еще!» или «О боже, Истон, ты лучший!», я на все сто процентов слушаю.

– Вау.

– Вот-вот, вау.

– По-моему, мы говорим о разных вещах.

Хартли тяжело вздыхает, потом передвигается вперед и берется за сервировочную ложку.

Пока она накладывает на тарелку целую кучу жареного картофеля, я смотрю на ее поднос и вижу просто невероятное количество еды. Нет, конечно, у нее просто может быть хороший аппетит, но она такая миниатюрная, что непонятно, куда вся эта еда девается. Либо она занимается спортом как сумасшедшая, либо... переедает, а потом прочищает желудок.

Если так, то это чертовски обидно. Терпеть не могу, когда девчонки стесняются своей фигуры. Чем больше округлостей, тем лучше. Даже наша планета круглая. Округлости – это круто! Округлости...

Моргнув, я гоню прочь эти мысли. Иногда я начинаю отклоняться от темы не только в разговоре, но даже в своей голове. И в такие моменты мне хочется выпить чего-нибудь крепкого, чтобы успокоить эту лихорадочную свистопляску мыслей.

Энергия во мне всегда была через край, особенно в детстве. Я был гиперактивным и целыми днями скакал по дому, пока не падал без сил, к облегчению родителей.

– Хочешь, давай вечером займемся чем-нибудь? – спрашиваю я у Хартли.

Она останавливается как вкопанная.

Я чуть не врезаюсь в нее, но успеваю вовремя дать задний ход.

– Это «да»?

Ее голос звучит сухо.

– Слушай, Ройал. Уже не знаю, что мне еще сделать, чтобы до тебя дошло: ты мне неинтересен.

– Я не верю тебе.

– Конечно! Ты просто *не в силах* понять, как кто-то может не хотеть быть с тобой.

Я притворяюсь обиженным.

– Но почему ты не хочешь быть со мной? Я веселый.

– Да, – соглашается она. – Ты веселый, Истон. Такой веселый, что тебя избивают какие-то отморозки на Салем-стрит. Такой веселый, что уже почти без сознания ты все равно считаешь, что сесть на мотоцикл и отправиться домой – это отличная идея...

Где-то в глубине души зарождается чувство стыда.

– Такой веселый, что остаешься ночевать в квартире у малознакомой девчонки, когда в твоём кармане целая пачка наличных. Я бы обокрала тебя в два счета, если бы захотела. – Хартли пожимает плечами. – У меня нет времени на все такое. Слишком тяжелое бремя.

Бремя?

– Я не просился к тебе ночевать, – холодно напоминаю я. – И оставил тебе деньги за причиненные неудобства. – Поднимаю бровь. – За что ты даже не сказала мне спасибо.

– Я ушла из дома еще до того, как ты проснулся, – откуда мне знать про деньги? И если бы даже я узнала про них, за что говорить спасибо? Мне пришлось спать на полу, потому что принц Ройал занял мою кровать. Я заслужила компенсацию. А знаешь, отчего я проснулась? Оттого, что по моей руке бежал таракан.

Меня передергивает от отвращения. Ненавижу жуков. Особенно тараканов. Хуже них нет ничего. А еще меня снова разрывают на части два чувства: раздражения и вины. Я же не просил ее помогать – она сама *так решила*. И сама уступила мне свою кровать – вернее, диван, – чтобы моей жалкой, побитой заднице было где спать.

– Спасибо, что приютила меня, – смущенно говорю я.

Кто-то толкает нас, и мы снова двигаемся вперед, к стойке с десертами. Меня уже не удивляет, что Хартли берет два куска чизкейка.

Я чувствую беспокойство. Надеюсь, у нее нет расстройства пищевого поведения. Достаточно того, что Элла потеряла аппетит с тех пор, как уехал Рид. Потому что мне совсем не хочется на протяжении всего этого учебного года следить за режимом питания женщин в моей жизни.

– Пожалуйста, – говорит мне Хартли. – Но чтобы ты знал: это было и будет единственным одолжением, которое я тебе сделала.

Прежде чем я успеваю сказать, что с нетерпением жду, когда смогу вернуть долг, в наш разговор вклинивается Фелисити Уортингтон.

– Привет, Истон.

В нескольких шагах стоят ее подружки: одна – с лентой для волос, которую, кажется, никогда не снимает, а вторая – блондинка на десятисантиметровых каблуках. Они о чем-то перешептываются, прикрыв рты руками, а Фелисити взирает на меня словно хищник на свою жертву.

– Как дела, Фелисити? – безразлично спрашиваю я.

– На следующей неделе у меня будет вечеринка у костра, – сладким голосом сообщает она. – Вот, хочу лично передать тебе приглашение.

Я едва сдерживаю смех. Уортингтоны живут через несколько домов от нас, если идти по пляжу. Я бывал почти на всех их вечеринках, которые устраивал старший брат Фелисити Брент. Но в прошлом году одна из них закончилась тем, что Дэниел Делапорт был раздет догола и связан, как поросенок на вертеле, – дело рук Эллы, Вэл и Саванны Монтгомери. Так они наказали подонка за то, что на другой вечеринке он накачал наркотиками Эллу. Ну, потом Дэниел освободился, побежал на пляж и там врезался в кулак Рида.

Естественно, Ройалов перестали приглашать. Но в прошлом году Брент окончил школу, и, наверное, теперь Фелисити за главную.

– Может быть, заскочу, – уклончиво отвечаю я. – Все зависит от того, захочет ли пойти моя девушка.

Я подмигиваю и поворачиваюсь к Хартли, только ее рядом больше нет.

Проклятье! Она идет по начищенному полу к дверям, которые ведут к столикам на улице. Я наблюдаю, как Хартли направляется прямым ходом к самому дальнему из них в патио и садится спиной к дверям столовой. Ну еще бы. Обедает в одиночестве, как и подобает принцессе-буке.

– Какая девушка? – Фелисити глядит на меня с подозрением. – Ты имеешь в виду Клэр? Потому что как-то на днях она сказала Мелиссе, что вы снова вместе...

– Мы не вместе, – перебиваю я ее.

Чертova Клэр.

– О, ну ладно. Хорошо. – Фелисити, кажется, даже обрадовалась моим словам. – Короче, по поводу вечеринки, ты можешь даже не писать, чтобы тебя ждали. Просто приходи, и все. В моем доме ты всегда желанный гость.

– Да, может, заскочу, – снова отвечаю я.

Она сжимает мое плечо, слегка поглаживая бицепс под рубашкой.

– Никаких «может». Приходи, прошу тебя. Я очень хочу пообщаться с тобой поближе.

Она бросается прочь к своим хихикающим подружкам, а мне остается только гадать, действительно ли будет эта вечеринка. Вполне возможно, это всего лишь предлог, чтобы заманить меня к себе домой и заняться сексом.

Но именно о вечеринке Фелисити говорят Элла и Вэл, когда я подхожу к нашему столу. Стукнувшись кулаками с несколькими товарищами по команде, я опускаюсь на стул рядом с Эллой.

– Я уже говорила тебе, что не хочу идти, – говорит она Вэл. – От фальшивой слащавости Фелисити у меня сводит зубы.

Вэл сплетает пальцы.

– У меня тоже, но у тебя нет выбора. Ты должна там появиться, пусть даже ненадолго, особенно когда мы узнали, что они задумали.

– И кто что задумал? – нахмурившись, спрашиваю я.

Вэл переводит взгляд на меня.

– Знать планирует восстать против короны.

Я хмурюсь еще больше.

– В смысле?

Элла замечает мое беспокойство и сжимает мою руку.

– Не обращай на нее внимания. Она слишком драматизирует.

– Ничего я не драматизирую, – возражает Вэл. – Истон, поддержи меня.

– Я бы с радостью, детка, только у меня по-прежнему нет никакого представления, о чем идет речь.

Я втыкаю вилку в эмпанадас с говядиной и откусываю огромный кусок.

Тут в разговор вмешивается Коннор Бэббидж, корнербек «Райдерс», что сидит по другую сторону от меня:

– Та девчонка, с которой ты только что разговаривал... Фелисити. Она хочет голову Эллы.

– Да ну? – Я поворачиваюсь к своей сводной сестре с широкой улыбкой. – После школы ты отделаешь ее как следует, да, сестренка?

– Вряд ли, – сухим тоном отвечает Элла. – Но, по словам Вэл, Фелисити хочет сделать это со мной.

Я беззаботно пожимаю плечами.

– Не переживай. Ты с ней справишься.

– Кошачьи разборки после школы? – с надеждой в голосе спрашивает Бэббидж.

– Держи себя в руках, Кон. – Вэл машет ему рукой, а затем переключает внимание на нас с Эллой. – Это не шутки, Истон. На истории искусств я сижу за Фелисити и ее шабашем, и они только и делают, что перешептываются о том, как Фелисити отправит Эллу туда, где ей самое место.

– И как она собирается это сделать? – спрашиваю я.

– Она ничего мне не сделает, – продолжает настаивать Элла.

Вэл качает головой.

– Детка, этим девочкам не нравится, что теперь ты главный Ройал. Будь это Истон, они бы не стали возражать.

Я складываю руки на груди.

– Я слишком ленивый для этого.

Вэл продолжает, как будто бы я ничего не говорил.

– Но ты чужачка. Та, которая заполучила Рида, усмирила Джордан, воссоединила Гидеона и Саванну.

– Я не имею никакого отношения к Гиду и Сэв, – возражает Элла.

– Это ты так думаешь, а на самом деле с какой стороны посмотреть. Им не нравится, что ты затмила их, – подхватывает Бэббидж и сразу же уходит отнести опустевший поднос к стойке.

Я разваливаюсь на стуле. Чертов Рид! Хотя нет. Это все вина Гидеона. Если бы в свой последний год в школе он не стал раздавать приказы налево-направо, Ройалы ничего не стали бы делать для «Астора». Мы могли бы притворяться, что ничего не видим и не понимаем, как большинство здешних учеников. Но вместо этого, спасибо дурацкому вмешательству Гидеона, вся школа думает, что мы, как и он, готовы вести всех за собой.

Я хочу летать, пить, драться, спать с горячими красотками. Наверное, даже именно в таком порядке.

– Зачем мы теряем время на разговоры о всяких идиотах? Разве нельзя просто наслаждаться нашим последним годом в школе?

Вэл пинает меня ногой под столом.

– Нет, вы не можете. Вам с Эллой нужно что-то сделать, чтобы остальные вас боялись. Лучше уж пусть боятся, чем уважают. И все такое.

– Хочешь, чтобы мы кого-нибудь приклеили к школьной стене? – спрашиваю я, вспоминая то, что сделала в прошлом году Джордан Каррингтон, королева всех стерв.

– Нет. Просто покажите вашу силу. Именно поэтому я считаю, что Элла должна пойти на вечеринку к Фелисити. И ты, Истон, – тоже. Вам, ребята, пора уже собирать вокруг себя союзников.

– Мы не НАТО, Вэл. У нас необязательно должны быть союзники и враги.

Она вздыхает.

– Боже, я догадывалась, что Элла совершенно наивна в таких вещах, но о тебе, Истон, была лучшего мнения.

Да и ладно. У меня нет ни малейшего желания впутываться в интриги этой дурацкой школы. Я поддержу Эллу, если это будет нужно, но, судя по всему, она тоже не хочет связываться с этим дерьмом. И я ее не виню.

Откусывая очередной кусок эмпанадас, я поднимаю глаза на огромные двери, ведущие в патио. Хартли все еще сидит на улице. Мне не видно ее подноса, но что-то я сомневаюсь, что она справилась со своими горами еды.

– Что ты там высматриваешь? – Элла с любопытством следит за моим взглядом. – Она уже согласилась пойти на свидание?

– Конечно, – вру я, но обе девчонки видят меня насквозь. Они усмеваются, и мне приходится сознаться. – Ладно, не соглашалась она. Да и пусть. Согласится рано или поздно. Это лишь вопрос времени. – Я смотрю на затылок Хартли и вдруг замечаю, что в солнечном свете ее волосы кажутся почти синими. – Да и вообще, я не в настроении бегать за ней. Я пытаюсь разгадать ее.

Элла хмурится.

– Что там разгадывать?

– Не знаю. – От досады я начинаю кусать губу. – Она учится в «Асторе», правильно?

Вэл притворно восклицает:

– Да ну?!

– Тише, женщина. – Я хватаю Эллину бутылку с водой и делаю большой глоток. – Значит, она учится в «Асторе», и я точно знаю, что у ее семьи водятся деньги. Я видел их дом.

– Что-то я ничего не понимаю, – говорит Элла.

– Так вот, если у нее есть деньги, то почему она живет в коробке от обуви на Салем-стрит?

Я с неохотой вспоминаю душную жалкую квартирку Хартли. Господи,

да у нее кровати нормальной даже нет!

Элла и Вэл выглядят растерянными.

– Ты был у нее в квартире? – в унисон спрашивают они.

– Когда? – строго спрашивает Элла.

Я отмахиваюсь.

– Неважно. Я лишь хочу сказать, что она ютится в крысиной норе, в то время как вся ее семья живет в поместье. Это странно. А когда мы стояли в очереди, она набрала себе еды ланча на три. Можно подумать, что ей приходится голодать.

Элла тоже начинает кусать нижнюю губу.

– Думаешь, она в беде?

Я возвращаю ей бутылку.

– Все может быть. Но вы тоже думаете, что все это странно, да?

Вэл медленно кивает.

– Да, есть такое.

На лице Эллы появляется тревожное выражение.

– Это определенно очень странно.

Мы втроем снова поворачиваемся в сторону Хартли, но, видимо, пока мы разговаривали, она ушла. Стол, за которым она сидела, пуст, подноса нет.

Глава 9

Больше сегодня мы с Хартли не видимся.

На урок по художественной фотографии она не приходит, и я торчу там один, а ведь я даже не записывался на этот чертов предмет!

Она не приходит и на теорию музыки, где я вынужден сидеть рядом с Ларри, который без умолку болтает о том, что я *втюрился*. Что, возможно, не так уж и плохо, потому что если он не говорит про любовь, то трещит про эти дурацкие «джорданс». Проклятый Ларри. И вообще, кто, черт побери, записывается на теорию музыки? Что это за курс такой? Физическое объяснение звуков? Когда на классной доске начинают появляться математические формулы, объясняющие соотношение длины волны, частоты и скорости, мои мысли уже где-то далеко.

На математике ее тоже нет, а это именно тот предмет, куда она так отчаянно хотела записаться, что даже лично просила преподавателя о переводе.

Врать не буду: я начинаю беспокоиться.

После упражнений по силовой и физической подготовке с тренером «Астор-Парка» я решаю написать ей сообщение в надежде, что она не станет спрашивать, откуда у меня ее номер.

«Пропускать занятия – моя фишка. Где ты? – И.»

Нет ответа.

Приехав домой, я быстро обедаю, делаю домашку и выхожу к машине. Слава богу, я никому не попадаюсь на глаза и мне не приходится отвечать на всякие тупые вопросы. Потому что у меня нет ответов.

Я не знаю, почему еду к Хартли с буррито на пассажирском сиденье. Не знаю, почему меня так беспокоит, что она до сих пор не ответила мне. Не знаю, почему мне так интересно все, что с ней связано.

Припарковавшись в квартале от дома Хартли, чтобы она не увидела мой пикап, я осторожно поднимаюсь по наружной лестнице в ее квартиру. Ступеньки такие ветхие, что мне страшно, как бы они не обвалились вместе со стеной двухэтажного дома.

– Служба доставки, – резко постучав, говорю я.

Тишина.

Я набираю номер ее мобильного и прикладываю ухо к двери. Звонка внутри не слышно. Стучусь еще несколько раз.

Тут мое внимание привлекают шаги. Посмотрев вниз, я замечаю

коренастого лысого мужика, который машет в воздухе кухонной лопаткой.

– Ее нет дома, ты, придурок!

Я быстрым шагом спускаюсь по лестнице.

– А где она?

– Работает, наверное. – Мужик глядит на меня с подозрением. – А ты, вообще, кто?

– Друг из школы. Она забыла свое задание.

– Хм, – ворчит он. – Ее нет дома, так что и ты топай к себе.

– Но я не хочу, чтобы она получила плохую отметку. Вы не возражаете, если я подожду?

Мужик снова ворчит.

– Да мне плевать, но только води себя тихо.

– Слушаюсь, сэр.

Пробормотав себе под нос что-то про дурацких детишек и их дурацкие задания, он исчезает в боковой двери одной из квартир на первом этаже. Этот маленький дом, обшитый деревянными панелями, с облупившейся краской, едва ли выстоит в следующий сезон ураганов. И меня вновь поражает это несоответствие: ученица «Астор-Парка» живет в этом районе, в таком доме.

Я сажусь на первую ступеньку, положив рядом пакет с едой, и жду, жду.

Проходят часы. Батарея телефона села до опасного минимума. Солнце опускается за горизонт, застрекотал сверчок. Я начинаю дремать, но, когда теплый осенний воздух становится холодным, просыпаюсь и смотрю на часы: уже перевалило за полночь.

Я снова набираю сообщение.

«Твоя еда стынет».

– Какая еда?

От удивления я чуть не роняю телефон.

– Откуда ты, черт побери, взялась? – спрашиваю я Хартли.

– Могу спросить у тебя то же самое.

Она подходит ближе, и до меня доносится запах... жира? На ней что-то типа униформы: черные брюки, потрепанная белая рубашка с короткими рукавами и громоздкие черные ботинки.

– Работала? – спрашиваю я.

– Что? Значит, ты не считаешь, что это крутой наряд для клуба? – Она показывает рукой на себя.

– Круче не придумаешь. – Я беру ее ужин и жестом прошу подниматься по лестнице. – Но выглядишь смертельно уставшей. Какими

бы классными вещами ты ни была занята сегодня, они совершенно тебя измотали.

– Угу.

Вздохнув, Хартли ставит ногу на первую ступеньку, а потом поднимает глаза на лестницу и смотрит так, будто подняться по ней – невыполнимая задача.

Но хорошо, что я здесь.

Я беру ее на руки.

– Я могу и сама дойти, – говорит Хартли, но возражение получается слабым, да и к тому она уже обняла меня руками за шею.

– Ну-ну.

Девчонка легкая как перышко. Но я поднимаюсь по лестнице медленно. Она впервые позволила прикоснуться к себе, и мне это нравится. Даже очень.

Обстановка в ее квартире все такая же мрачная, как и накануне. Но в комнате чисто и свежо. На узком подоконнике стоит стеклянная ваза с маргаритками, но она не особо-то способна сделать интерьер веселее.

Хартли наблюдает за мной.

– Мне казалось, что это пятно цвета поможет немного оживить обстановку, – сухо говорит она.

– Не уверен, что это в принципе возможно.

Подойдя к маленькому напольному шкафчику, я открываю дверцу микроволновки. Ух ты, даже не знал, что такие старые модели печей еще существуют. У меня уходит одна секунда на то, чтобы понять, как работает эта дурацкая штукавина.

Пока буррито подогревается, Хартли скрывается в ванной. Желая хоть чем-то себя занять в ожидании нее, я открываю шкафчики, чтобы найти что-нибудь перекусить. Мне попадаете лишь коробка с крекерами. Все остальное – консервы.

– Закончил разнюхивать? – недовольно спрашивает она из дверного проема.

– Нет.

Я заглядываю в мини-холодильник – в этом жалком подобии кухни не хватит места на нормальный – и изучаю его скромное содержимое. Сливочное масло, молоко, маленький пакет апельсинового сока, кое-какие овощи и пластиковые контейнеры с уже приготовленной едой.

– В воскресенье я готовлю себе на всю неделю, – смущенно объясняет Хартли. – Так мне не нужно волноваться о том, что поесть.

Я беру один из контейнеров, осматриваю его и ставлю на место.

– Здесь только ужины, – замечаю я.

Хартли пожимает плечами.

– Ну да. На завтрак я обычно съедаю злаковый батончик или какой-нибудь фрукт, а обедаю в школе. По выходным работаю и на обед обычно времени нет.

И тут до меня доходит, почему она накладывает себе столько еды в столовой. Совершенно очевидно, что у этой девчонки туго с деньгами и полно проблем. Мне тут же становится очень стыдно, когда я вспоминаю, как несколько дней назад съел весь ее обед.

Я проверяю таймер на микроволновке. Остается чуть больше двадцати секунд. Куча времени на то, чтобы набраться смелости и спросить:

– Почему ты не живешь со своей семьей?

Хартли напрягается.

– Мы... не сходимся во мнениях, – отвечает она, и я удивлен, что смог получить такой ответ.

Мне хочется, чтобы она объяснила, но Хартли упрямо молчит, а я не настолько глуп, чтобы давить на нее и требовать подробностей. Раздается сигнал микроволновки. Когда я открываю маленькую дверцу, от буррито исходит пар, и мне приходится воспользоваться бумажным полотенцем, чтобы вытащить тарелку и не обжечься.

– Пусть немного остынет, – предлагаю я.

Хартли раздражена, словно эта задержка невыносима, потому что ей придется провести со мной больше времени. Я еще никогда не встречал девушку, которая не хотела бы побыть в моей компании.

Хартли подходит к дивану, садится и расшнуровывает свои туфли, а потом откидывает их в сторону, как будто они повинны в каком-то чудовищном преступлении. Она молчит некоторое время, а когда заговаривает, в ее голосе слышится разочарование.

– Зачем ты принес мне еду, Истон?

– Волновался за тебя. – Я достаю из кухонного ящика нож и вилку. Хотя зачем ей целый *ящик*? У нее всего-то две вилки, два ножа и две ложки. – Почему ты ушла из школы посреди учебного дня?

– Мне пришло сообщение от босса, – признается она. – Освободилась смена, и я не могла отказаться.

– Как долго длятся эти смены? – спрашиваю я, потому что она ушла из «Астора» около полудня и появилась дома после полуночи. Ее не было двенадцать часов. Для работы официанткой с неполной занятостью это как-то слишком долго.

– Эта была двойная, – отвечает Хартли. – Двойные смены – это

полный отстой, но иначе мне не получить рабочие часы. У нас есть еще две официантки, у них маленькие дети, и им эти часы нужнее, чем мне.

Я вспоминаю про ее пустые кухонные шкафчики и начинаю сомневаться в этом заявлении. Ей рабочие часы тоже нужны, еще как.

А может, и нет. Ну, у меня же есть деньги. Не знаю, сколько может стоить эта дыра, но вряд ли больше, чем десятая часть того, что я получаю в месяц на расходы. Я точно не потеряю покой и сон, если поделюсь с кем-то своими наличными.

Я сервирую ужин на кофейном столике вместе с салфеткой и стаканом воды, одновременно пытаюсь придумать способ, как предложить ей деньги и не обидеть. Хартли даже не шевелится, чтобы взять вилку, и тогда я сажусь на другом конце дивана и скрещиваю руки на груди.

– Ешь, – приказываю я.

Она медлит.

– Боже мой, я не сыпал туда яда, глупая. Ты же голодная. Ешь!

К счастью, долго уговаривать мне не приходится. Хартли впивается в буррито с восторгом ребенка в рождественское утро и одним махом съедает сразу половину, лишь потом немного сбавив темп, что лишь доказывает, насколько она проголодалась.

Мне с трудом удалось уговорить ее принять от меня буррито за десять долларов. И как же мне убедить эту девчонку взять пару тысяч долларов?

– Почему ты никому не говоришь, что работаешь?

– Потому что это никого не касается. Ну да, я обслуживаю столики в кафе, и что? Об этом должна знать вся школа? Это не такая уж важная новость.

От ощущения безысходности я наклоняюсь вперед, упираюсь локтями в колени и пристально изучаю ее лицо.

– Кто ты такая, Хартли?

Вилка застывает на полпути к ее рту.

– Что ты имеешь в виду?

– Я искал информацию о тебе...

И в эту же секунду на ее лице появляется яростное выражение.

– О, да не переживай, я не нашел никаких страшных секретов. Мне известно лишь, что твой папа участвовал в выборах мэра и проиграл.

При упоминании об отце по ее лицу пробегает тень, и я ловлю себя на том, что рассматриваю ее руки: нет ли там синяков. Может быть, он бил ее, и она сбежала?

Мне нужно выудить еще что-нибудь.

– А еще я нашел статью, в которой говорится, что у тебя две сестры.

Хартли ничего не подтверждает и не отрицает, просто устало смотрит на меня.

– Истон, – она умолкает на секунду, – зачем ты искал информацию обо мне? – Снова пауза. – Зачем ты купил мне еду? – И еще одна. – Почему ты здесь? Почему уехал из своего огромного, роскошного дома и провел весь вечер, ожидая меня? Удивительно, что за это время тебя не ограбили.

Тут я должен засмеяться.

– Детка, я в состоянии постоять за себя. Ну и, отвечая на твой вопрос, я здесь потому, что ты мне нравишься.

– Ты ведь даже не знаешь меня! – говорит она со смесью раздражения и отчаяния.

– Но я пытаюсь тебя узнать! – Я в нетерпении хлопаю себя ладонью по ноге.

От громкого звука Хартли вздрагивает. В ее глазах мелькает страх.

Я тут же поднимаю вверх обе руки.

– Прости, не хотел тебя напугать.

Черт, может, ее все-таки *били* дома? А вдруг она и сейчас подвергается физическому насилию? Может, мне позвонить папе?

– Тебя никто не... обижает? – осторожно спрашиваю я.

– Нет, – отвечает она. – Меня никто не обижает. Я живу здесь одна, и мне не нужна ничья помощь. Я прекрасно справляюсь сама.

– Лично мне все это прекрасным не кажется. – Я обвожу рукой квартиру.

– И ты еще спрашиваешь, почему я не рассказываю никому из «Астора» о том, где работаю или где живу? Запомни: мне здесь нравится. – Хартли раздраженно качает головой. – Квартира, конечно, не шикарная, зато моя. Я сама себя обеспечиваю и очень этим горжусь.

– Согласен.

Мое признание застает ее врасплох.

– Что?

– Эй, я умею признавать свои ошибки. И вообще, я правда восхищаюсь тобой. Если бы это было не так, я не стал бы ходить за тобой хвостом или привозить тебе еду.

Хартли заметно смягчается, но на ее лице все еще сохраняется настороженное выражение.

– Истон, ты не из тех людей, с которыми я хотела бы проводить время.

Мне как будто клинок вонзили в самое сердце.

– Знаю, звучит резко. – Она совершенно не подозревает о том, как подействовали на меня ее слова. – Но еще раз повторяю: от тебя слишком

много проблем. У меня нет на это времени.

Несмотря на бурлящее во мне негодование, я понимаю, что Хартли права. Я ходячие *проблемы*, тот самый Ройал, который всегда лагает, ввязывается в драки, слишком много пьет и вечно всех раздражает.

И пусть мне неприятно узнать, что она считает меня совершенно несерьезным, я ценю ее честность. Она не такая, как Клэр или другие девчонки, которые у меня были: они только и делали, что подлизывались ко мне и прощали мне все косяки, потому что в их глазах Истон Ройал всегда прав.

Хартли же не боится сказать о тех вещах, которые ей во мне не нравятся. И я даже не могу разозлиться на нее, потому что все плохое, что она видит, – как раз то, что я в себе ненавижу.

– Я забочусь лишь об одном: чтобы у меня всегда была крыша над головой, а значит, мне нужно зарабатывать деньги, – говорит она откровенно.

– Я могу дать тебе денег.

Черт, вот этого говорить не стоило.

Вилка со звоном опускается на тарелку.

– Ты сейчас *действительно* это сказал? Что, думаешь, если подкинешь мне денег, я не стану так много работать, а значит, смогу свое свободное время проводить с тобой? – Она говорит так, будто ушам своим не верит.

– Прости. Я сморозил глупость. – У меня возникает неприятное ощущение из-за чувства вины, потому что именно так мы, Ройалы, и решаем проблемы: откупаемся от них деньгами.

Но в то же время меня раздражает осуждение в ее прекрасных глазах цвета грозового неба. Она не росла в нищете, в отличие от Эллы или Вэл, которая родом из не самых обеспеченных Каррингтонов и вынуждена принимать подачки от своих тети и дяди, чтобы учиться в престижной школе.

У Хартли богатая семья. Пусть сейчас она с ними не живет, но раньше-то жила.

– Если помнишь, я был у тебя дома. – Я слышу злость в собственном голосе. – Да, сейчас у тебя нет стабильного дохода, но у твоей семьи полно денег. Так что не смотри на меня так, как будто я избалованный богатенький наследник, а ты вырезаешь купоны, потому что всю жизнь едва сводишь концы с концами. Блин, да ты пару месяцев назад училась в каком-то понтовом пансионе!

Она снова устало смотрит на меня своими печальными серыми глазами.

– Да, прежде у меня были деньги. Но теперь их нет. И я живу в этой квартире с мая, с окончания прошлого учебного года. Всего каких-то четыре месяца, но их хватило, чтобы понять, насколько я привыкла не ценить то, что имела. Жизнь – она не в пансионах, дорогуших шмотках и особняках. Когда я вернулась в Бэйвью, то выучила этот суровый урок. – Она окидывает меня взглядом. – А вот ты, похоже, еще нет.

– Какой урок? – усмехаюсь я. – Как быть бедным? Так вот что нужно сделать, чтобы ты стала относиться ко мне дружелюбнее? Поменять свою машину на автобусный билет и хотя бы некоторое время понаблюдать, как живут в другом мире?

– Я не прошу тебя об этом. Мне вообще плевать на то, что ты делаешь, Истон. Я здесь не для того, чтобы помогать тебе или держать тебя за руку, когда ты будешь справляться с уроками жизни. Я лишь пытаюсь позаботиться о самой себе. – Хартли быстро делает глоток воды. – Девяносто девять процентов времени я даже не вспоминаю о тебе.

Оу!

А вот это уже задевает меня не на шутку.

Но чувство обиды быстро проходит, когда я кое-что подмечаю: в ее голосе звучит фальшь. И она старательно избегает встречаться со мной взглядом.

– Я тебе не верю, – объявляю я. – Ты *вспоминаешь* обо мне.

Хартли ставит стакан на стол и, чуть пошатываясь, поднимается с дивана.

– Тебе пора, Истон.

– Почему? Потому что я поймал тебя на лжи? – С вызовом во взгляде я тоже встаю на ноги.

– Нет, потому что ты начинаешь действовать мне на нервы.

– Нет. Я волную тебя.

Я подхожу ближе, Хартли не двигается с места, хотя я вижу, как она напряжена. Ее дыхание участилось, и мне даже видно, как пульсирует венка у нее на шее. И еще отчаянное желание в ее глазах. Она хочет меня, ну, или, по крайней мере, хочет то, что я могу ей дать, но эта девчонка слишком гордая, чтобы попросить об этом. Она считает, что ей не нужны чувства, близость или отношения.

Я начинаю разгадывать Хартли. Не проблемы с семьей, а ее прошлое движет ею.

Когда она напугана или чувствует опасность, готова биться до последнего. Будь на моем месте кто-то не такой упорный, он давно бы сдался. Но именно поэтому она одна: в ее жизни никогда не было того, кто

сошелся бы с ней.

Я знаю, что значит быть одиноким, хотеть и не иметь. И не желаю, чтобы Хартли тоже испытывала все эти чувства. Особенно если рядом есть я.

– Я сейчас это сделаю, – тихо говорю я.

Она поднимает глаза, и наши взгляды встречаются.

– Что сделаешь?

– Поцелую тебя.

У нее перехватывает дыхание. Воздуха становится мало, словно летишь высоко в облаках и между тобой и безграничным голубым небом нет ничего, кроме нескольких сантиметров металла. По венам растекается радостное возбуждение: я вижу в ее глазах такое же предвкушение, какое испытываю сам.

– Истон... – произносит Хартли, но я не пойму, предупреждение это или просьба.

Да и слишком поздно разбираться. Мои губы уже накрыли ее.

Хартли удивленно вздыхает, но я ощущаю, как она целует меня в ответ.

У меня кружится голова, в животе порхают бабочки, и все из-за этой девчонки. Ее губы нереально мягкие. Я притягиваю Хартли ближе к себе, желая ощутить ее всем телом. Мой язык проскальзывает между ее раскрывшихся губ, касается ее языка, и в этот момент она вырывается из моих объятий.

Все заканчивается так быстро, что я даже глазом моргнуть не успеваю. Меня настигает разочарование, заставляя тихо и хрипло выругаться.

– Почему ты остановилась? – со стоном спрашиваю я.

– Потому что я этого не хочу, – отступая назад, хрипло отвечает Хартли. – Я же говорила тебе: у меня нет времени на отношения. Мне это неинтересно.

– Но ты поцеловала меня в ответ, – я не отступаю.

Мой пульс все еще бешено колотится от этого возбуждающего поцелуя.

– Минутная слабость. – Она дышит с большим трудом. – Не знаю, как мне еще сказать тебе, Истон. Я не хочу встречаться с тобой.

Я проглатываю разочарование. Не понимаю эту девчонку. Зачем тогда целовать меня в ответ? Минутная слабость? Ага, десять раз! Я ей нравлюсь. Ее тянет ко мне. Так почему нам не сделать это?

«Сделать что?» – спрашивает внутренний голос с издевкой.

Этот вопрос заставляет меня задуматься... зачем я здесь. Чтобы переспать с Хартли или чтобы по-настоящему встречаться с ней? Вообще в

выпускном классе я хотел лишь играть в футбол и не заморачиваться на отношениях с девушками. Есть куча девчонок, с которыми я могу переспать, но почему-то меня тянет к Хартли, так, как не тянуло ни к кому и никогда. Что-то в ней делает меня счастливым, если она рядом.

И тут мне в голову приходит совершенно сумасшедшая мысль.

– А если мы будем друзьями? – медленно выговаривая слова, спрашиваю я.

Хартли, кажется, ошарашена этим вопросом.

– Что?

– Если мы будем друзьями? Слово такое, из шести букв, обозначает людей, которые приятны друг другу.

– Я знаю, кто такие друзья. Я просто не понимаю, что ты говоришь.

– Я говорю, что мы должны стать друзьями. Раз ты не хочешь встречаться со мной и все такое. – Я подмигиваю. – Либо так, либо я буду приставать к тебе и пытаться поцеловать.

Хартли раздраженно вздыхает.

– Почему мне нужно обязательно выбирать из этих двух вариантов? Третьего не дано?

– Нет. – Я криво усмехаюсь. – Давай же, Хартли Дэвидсон...

– Хартли Дэвидсон?

– Я придумываю тебе прозвища. У лучших друзей всегда есть прозвища друг для друга. – Я засовываю руки в задние карманы джинсов. – Если честно, мне эта идея нравится. Если уж нам не суждено встречаться, то хотя бы будем друзьями. У меня никогда не было по-настоящему близкого друга женского пола, так что это еще будет и отличный жизненный опыт.

Хартли снова опускается на диван.

– По-моему, у тебя уйма друзей.

– Нет, – выпаливаю я.

И тут же жалею, потому что кто тогда Элла и Вэл? Братья не в счет: они *всегда были* в моей жизни. Я считаю их друзьями, но кровные узы не оставляют никакого выбора. Зато дружба с Эллой и Вэл – только мой выбор.

Я поясняю:

– У меня есть друзья, но их *немного*. И я хочу еще одного друга. Коего по имени Хартли Райт.

Она закатывает глаза.

– Теперь я должна сказать, что хочу дружить кое с кем по имени Истон Ройал?

– Ага. – Мой энтузиазм растет. – Мы будем вместе тусоваться после тренировок, делать домашку по математике. Не буду хвастаться, но у меня вся эта школьная фигня получается отлично, если я не ленюсь.

– Школьная фигня, – сухим тоном повторяет Хартли.

– Ну да. Вообще-то... – Немного помолчав, все-таки решаю признаться: – Вообще-то, я очень умный.

– Знаю. – Хартли вытягивает ноги и сгибает пальцы.

– Знаешь?

– Ага. Те заметки, которые ты мне принес, – они просто супер. Объяснить все таким образом мог только тот, кто действительно разбирается в предмете.

– Ха-ха.

– Но тебе нравится притворяться глупым, так что я никому ничего не скажу.

– Я не притворяюсь глупым, мне просто... неинтересно. Школа – это такая скукотница!

– Если я соглашусь...

Я широко улыбаюсь.

– Если я соглашусь, – повторяет Хартли, в этот раз строже, – ты будешь соблюдать кое-какие правила.

– Ну уж нет. Я никогда не следую правилам.

Она ехидно улыбается.

– Тогда я говорю «нет» нашей дружбе.

– Ладно, как скажешь. Выкладывай свои правила, – бурчу я.

– Тебе нельзя приставать ко мне.

– Хорошо, – я киваю, хотя уже и так пообещал, что не буду этого делать.

– Тебе нельзя флиртовать со мной.

– Не согласен. Это у меня получается само по себе, и я ничего не могу поделать. – Я поднимаю руку, предлагая компромисс: – Но если меня будет заносить, ты всегда можешь попросить меня перестать.

– Отлично.

– Что еще?

Хартли задумывается.

– Никаких намеков на секс.

– Невозможно. Это тоже получается само по себе... ну, ты понимаешь. – Я вздыхаю. – Ой, ты хочешь от меня слишком многого. Давай так: ты игнорируешь абсолютно все мои намеки. Мой папа говорит, что, если не заострять на чем-то внимание, его вроде как и не существует.

Я вижу, как Хартли едва сдерживает смех.

– Твой папа так говорит. Ну да. – Она растягивает слова, а ее голос полон сомнений.

– Ладно. Может, это Ганди. Но в любом случае кто-то умный. И мы должны придумать себе рукопожатие, – отвечаю я.

Она выгибает бровь.

– Рукопожатие.

– Ну да. У Леброна Джеймса особое рукопожатие для каждого из своих товарищей по команде. Таким образом ты узнаешь, что людей что-то связывает. Давай что-нибудь попробуем.

– Я никогда в жизни не запомню какое-нибудь сложное рукопожатие. Выбираю песню. Давай лучше ты будешь петь мне песню каждый раз, когда мы будем встречаться. – Хартли закрывает глаза.

Бедняжка, она так устала. Я беру покрывало, лежащее на спинке дивана.

– Я уже говорил тебе, что у меня напрочь отсутствует слух, – напоминаю я ей, укрывая ее ноги. – Но какую песню ты предлагаешь?

Хартли натягивает покрывало до подбородка.

– Я пошутила.

– Но я готов принять любой вызов.

– Начинаю понимать это.

– Если песни и рукопожатия не подходят, остановимся на секретном стуке.

Она не отвечает. Я смотрю, как медленно и спокойно поднимается и опускается ее грудь. Потом осторожно встаю с дивана и перекладываю ее ноги на освободившееся место. Хартли не просыпается, даже когда я подсовываю ей под голову подушку и накрываю симпатичным лоскутным одеялом, которое нашел аккуратнo свернутым на полу у дивана.

Мне очень хочется остаться, но я знаю, что Хартли предпочла бы проснуться в одиночестве. И поэтому ухожу.

Почему я так зацепился за эту идею: быть друзьями? Но она почему-то кажется мне правильной. Я хочу, чтобы Хартли стала частью моей жизни, и если это возможно только при условии, что нас будет связывать лишь дружба, – так тому и быть.

Это немного не то, чего я хочу, но тоже неплохо.

Глава 10

Я: *«Где мой лучший друг?»*

Она: *«Мы не лучшие друзья».*

Я: *«Ты согласилась!»*

Она: *«Просто на ДРУГА. Не на ЛУЧШЕГО ДРУГА».*

Я ухмыляюсь, глядя на экран телефона, вышагивая по коридору корпуса искусств, спрятанного в восточной части кампуса. Вообще-то, я никогда здесь не был: у меня с творчеством не очень.

«Я иду на СВ. Где ты?» – набираю я.

«Не твое дело», – отвечает Хартли, добавив в конце сообщения ухмыляющийся смайлик.

– Как хорошо, что я знаю твое расписание, – говорю я вслух. – Доброе утро, солнышко!

Хартли подскакивает от неожиданности, когда я подхожу к ней со спины. Она уже собиралась войти в музыкальный класс, но разворачивается на каблуках.

– Какого черта?! – Она так мило рычит от злости. – Ну уж нет, Истон! У меня в неделю только три часа на занятия соло, и я не позволю тебе сорвать их! Уходи.

Я притворяюсь обиженным.

– Но я так хотел послушать, как ты играешь на... – Я хлопаю себя по голове. – Напомни, на чем ты играешь?

– На скрипке, – неохотно отвечает Хартли.

– Прикольно. – Я открываю перед ней дверь. – Пойдем.

– Ты правда будешь слушать, пока я занимаюсь?

– Конечно. – Я чуть подталкиваю ее вперед. – Больше мне ничего не остается.

Помедлив, Хартли все-таки входит в класс. Я осматриваюсь, пока она вытаскивает свой инструмент из маленького черного футляра. Помещение чуть больше пианино, которое стоит возле самой стены. Кроме него в комнате есть еще небольшая скамеечка, которую Хартли вытаскивает из-под пианино, и черный металлический пюпитр.

– Ты убьешь меня, если я сяду на пианино?
– Да, – отвечает она, не отрывая взгляда от скрипки.
– Так и думал. – Я опускаюсь на пол. – В любом случае пусть лучше я буду обтирать задницей грязный пол. Зато иммунная система укрепитя, ну и все такое.

– Отлично придумано.
– Что-то из твоего угла совсем не веет сочувствием.
– Разве лучший друг не стал бы заботиться о твоём здоровье? – отвечает Хартли, расставляя на пюпитре несколько листов с нотами.

– Ага! Ты все-таки признала, что мы лучшие друзья!
Я закрываю глаза, прислоняюсь к стене и скрещиваю руки на груди в ожидании очередного язвительного ответа, но вместо этого слышу печальные стенания скрипки.

Сначала это текущие ноты, лишь наброски основного произведения, которые повисают в воздухе, но Хартли наслаивает звуки, и вот уже струны словно обыгрывают друг друга, музыка получается настолько объемной, что трудно поверить, будто играет всего лишь один инструмент.

Я открываю глаза и вижу, что Хартли закрыла свои. Она даже не смотрит в ноты, самозабвенно играя не только пальцами, но и всем телом. Наверное, поэтому ощущение такое, что в комнате целый оркестр.

Музыка заполняет меня, заглушает все посторонние шумы в голове, заставляет сердце биться чаще, и вот уже я не замечаю ничего вокруг, кроме этой прекрасной музыки.

И это пугает меня до чертиков.

Я вскакиваю на ноги и бормочу:

– Подожду тебя снаружи.

Хартли, по-моему, даже не замечает моего ухода.

Поежившись, я выхожу в коридор. У меня самые настоящие мурашки. Но теперь, когда больше не слышу ее музыки, снова могу дышать.

Я соскальзываю на пол по стенке. Звуки скрипки Хартли проникли в самые потаенные уголки души, куда я никогда никого не впускал.

Такое ощущение, что с каждым взмахом смычка она пыталась содрать с меня кожу и обнажить душу. Но меня почти ничем нельзя пронять. Музыка не действует на меня. Я Истон Ройал, легкомысленный парень, которому интересно лишь то, как повеселее провести время.

Я не хочу заглядывать в свое сердце и видеть там бездонный черный омут пустоты. Я хочу жить в счастливом неведении.

Мне лучше уйти. Прямо сейчас. Подняться и найти кого-нибудь, с кем можно подраться или... А вообще, если я захочу заняться этим, у меня есть

Хартли.

Мне не нужно никуда идти. Я лишь должен убедить ее, что наша дружба станет лишь лучше, если мы проведем немного времени наедине и голышом.

И я знаю прекрасный способ, как это устроить.

Я проскальзываю обратно в тесную каморку, готовый дать отпор Хартли и ее волшебной скрипке. К счастью, мне удастся досидеть до конца репетиции без очередного эмоционального срыва.

Меня больше не трогает, как летают по струнам ее пальцы. Я не замечаю испарины, выступившей у нее на лбу. Не придаю значения тому, что черты ее лица, которые я как-то назвал заурядными, сейчас, когда она находится в музыкальном трансе, делают ее похожей на богиню.

Ничего из этого больше меня не волнует.

– Уже закончила? – спрашиваю я, когда Хартли опускает скрипку на колени.

Она показывает смычком на лампу над дверью.

– Время вышло. – Лампочка горит красным. – Нам отводится лишь час.

Уже пролетел целый час? А такое ощущение, что всего-то минут десять.

– Поверить не могу, что прошел час, – хмурясь, замечаю я.

– Тебе необязательно было заходить сюда и оставаться.

Я хмюрюсь еще больше, наблюдая за тем, как она с невозмутимым видом убирает свой инструмент. Ей действительно все равно, был я здесь или нет.

Я ощущаю зуд между лопатками, но это лишь потому, что будет сложно уломать Хартли на секс. А не потому, что я разочарован тем, насколько ей безразлично, похвалю я ее игру или нет.

Взяв у Хартли футляр, я закидываю на плечо ее школьную сумку.

– Так почему все-таки скрипка?

Мы выходим из класса и идем по коридору, по дороге я киваю парочке своих одноклассников, которые, заметив нас, удивленно хлопают глазами.

Хартли, конечно же, не удостаивает их вниманием.

– В нашем доме все должны были учиться музыке. Моя старшая сестра занималась фортепиано, младшая играет на флейте, ну а я выбрала скрипку. В пять лет это казалось классной идеей. – На секунду она умолкает, и кто-то другой, не такой внимательный, как я, этого даже не заметил бы. – Мой папа тоже играл на скрипке. Я считала, что это круто.

На ее губах играет печальная улыбка, лишь подстегивающая мое

любопытство: мне хочется узнать, что же она значит.

– Я тебя понимаю. Я хотел летать на самолетах, как и мой... – Теперь я умолкаю на секунду. – Один чувак, который брал меня с собой в полеты, когда я был маленьким.

Но Хартли тоже замечает мою неуверенность.

– Один чувак?

Я почесываю затылок.

– А ты вообще много знаешь о моей семье?

О драме, разгоревшейся вокруг Ройалов этой весной, писали в каждой газете, но Хартли тогда еще не приехала в город. Спустя какое-то время сплетни улеглись.

– В смысле про суд?

Я киваю.

– Читала кое-что в Интернете, но решила, что половина из того, что там пишут, – неправда.

– Если там писали, что бизнес-партнер моего отца убил его подружку и пытался повесить это убийство на моего брата, то это точно правда.

– Значит, тот чувак и есть этот бизнес-партнер?

– Угу.

– И теперь ты хочешь отказаться от мечты летать на самолетах, потому что боишься стать как он?

Ее предположение бьет в самую точку.

– Я не такой, как этот подонок, – натянуто отвечаю я.

Но вот только... я точно такой же, как он.

Я гораздо больше похож на Стива, чем на собственного отца. Остальные братья Ройал унаследовали внешность и характер Каллума, ну а я, беспечный и легкомысленный, – фирменные черты Стива О'Халлорана.

– Тебе могут нравиться те же самые вещи, что и тому человеку, которого ты недолюбливаешь, – мягким голосом говорит Хартли. – К примеру, то, что мне нравится играть на скрипке, еще не означает, что я буду напиваться до полусмерти, как многие известные музыканты. Любовь к самолетам не означает, что ты уведешь девушку у своего лучшего друга.

– Он не уводил девушку у своего лучшего друга. Он совершил убийство, – сквозь зубы замечаю я. Получается громче, чем я хотел, и мои слова привлекают внимание проходящих мимо учеников.

Хартли пожимает плечами при упоминании о том, что сделал Стив.

– Истон, я думаю, ты способен на многое, но не на убийство, это точно. Даже если ты будешь летать на самолетах.

– О Стиве я тоже так думал, – едва слышно отвечаю я.

Весь оставшийся путь до шкафчиков Хартли больше не произносит ни слова.

– Спасибо, что пошел со мной на репетицию, хотя тебе и не понравилось. – Она стягивает с моего плеча свою сумку.

Я прислоняюсь к соседнему шкафчику и наблюдаю, как Хартли убирает свой инструмент и достает учебники для следующего урока.

– Кто сказал, что мне не понравилось?

– Ты ушел после первого пассажа.

– Ты заметила?

Она не шевелилась, когда я выходил из класса и когда вернулся.

– Конечно.

– Нет, мне понравилось. – Даже слишком. – Настолько, что я подумываю взять несколько уроков.

Я протягиваю руку мимо нее, достаю футляр со скрипкой из ее шкафчика, кладу на плечо и зажимаю подбородком.

– Как считаешь: неплохо я смотрюсь?

Я замираю, подражая скрипачу. Хартли молчит, и мне приходится убрать футляр на место.

– Ну и ладно, – беззаботно отвечаю я. – Скрипка – это скучно. Пожалуй, лучше научиться играть на гитаре. Будет еще легче цеплять девчонок.

– Сейчас ты ведешь себя как последний козел.

И вот снова этот зуд между лопаток. Из-за того, что мне нужно ее одобрение, и меня бесит, когда я его не получаю. И тут я срываюсь и спрашиваю у нее с издевкой:

– Это значит, что мы больше не друзья?

Она склоняет голову набок.

– Мне даже больше нравится, когда ты такой. По крайней мере, я знаю, что за твоими насмешками скрываются истинные эмоции. Это лучше, чем твоя показная веселость.

Зуд перерастает в жар.

– Показная веселость? Черт, да о чем это ты?

– Я о том, что большую часть времени твои шутки показные и что ты куда интереснее, когда злишься, как сейчас, потому что ты искренний. Как тогда, когда рассказывал мне, что боишься мечтать о полетах, потому что это делает тебя похожим на парня, которого ты боготворил и который оказался ужасным человеком. Поверь, я знаю, каково это.

Я собираюсь разразиться потоком брани, начав с того, что она понятия не имеет о моих чувствах, потому что она – никто, а я – Истон Ройал, но от

собственной глупости меня спасает Паш, который хлопает меня по спине, пробегая мимо на свой следующий урок.

– Какой сегодня день, сынок? – орет он.

– День игры! – орет ему в ответ Доминик.

Хартли оборачивается на проносящихся мимо нас футболистов.

– У тебя сегодня игра?

Я показываю на свой свитер:

– Как думаешь, зачем тогда я надел это?

– Откуда мне знать? Три последних года я училась в школе для девочек.

– Хм.

– Что? – настороженно спрашивает она. – Ой, у тебя опять появились какие-то грязные мыслишки?

– Нет, я просто подумал, что ты еще никогда не рассказывала о себе так много.

– Я разрешила тебе послушать, как играю, – возражает она.

Настало время воплотить мой план в жизнь. Я и правда хочу, чтобы она пришла на матч и увидела, что я не хуже нее и тоже кое-что умею делать хорошо, что я не пустышка. И хоть я пообещал не подкатывать к ней, надеюсь, как только она увидит меня в спортивной экипировке, то превратится в любую другую ученицу «Астор-Парка», обожающую футболистов.

Я почти уверен: не бывает просто дружбы между парнем и девчонкой. Рано или поздно оба останутся без одежды. Так что мне просто нужно набраться терпения.

– Раз я был на твоей репетиции, значит, ты обязана прийти на сегодняшний матч. Ты моя должница.

Я уже готовлюсь выслушать кучу отговорок, но Хартли удивляет меня.

– Раз уж ты настаиваешь на принципе *quid pro quo*, тогда я должна пойти на твою тренировку, а не на игру.

– Посмотрите-ка, кто у нас тут такой крутой и знает латынь! Конечно, приходи и посмотри, как я буду тягать штангу. О, я понял! Ты просто хочешь увидеть меня без рубашки. А знаешь что? Можешь быстро взглянуть прямо сейчас. Кстати, у меня отличное тело. Тебе наверняка захочется закрыть глаза, чтобы не ослепнуть от такой красоты.

С широкой улыбкой я поднимаю свитер и обнажаю кубики пресса.

– Ройал! Опустите свой свитер! – рявкает директор Берингер, который как раз проходит мимо нас.

Я безропотно натягиваю свитер обратно.

Хартли покраснела, но говорит именно то, что я хочу услышать:
– Ладно. Одна игра.

Я устраиваю так, чтобы Хартли сидела с Вэл и Эллой: так мне будет легче заметить ее на выходе из тоннеля. Не хочу хвастаться, но играю я отлично, как и остальная команда. Ну а Брэн – вообще король. Он настоящее сокровище, о чем я не боюсь сказать ему в раздевалке после матча.

– Ты отлично сыграл, мужик. – Хлопаю я его по спине, когда мы идем в душевую.

– Спасибо. Но все благодаря защите. – Он ухмыляется. – Сегодня мне не пришлось бежать больше шестидесяти ярдов, чтобы заработать тачдаун.

Вся остальная команда тоже в приподнятом настроении. В душевой все шлепают друг друга полотенцами по заднице и готовятся к гулянке после матча.

– Сегодня вечеринка у Дома, – вопит Паш.

Раздевалку наполняют ликующие вопли.

– Вы идете? – спрашивает нас Коннор Бэббидж, когда мы выходим из душевой.

– Наверное, но я сначала спрошу у своих.

Усевшись в одном только обернутом вокруг талии полотенце на скамью, я беру свой телефон и пишу Хартли.

«Ты еще тут?»

«Да».

«Отлично. Встречаемся на парковке».

«ОК».

На парковке полным-полно народа. Из-за включенных фар здесь светло, как днем.

Я иду к девчонкам, и Брэн не отстает от меня ни на шаг.

– Едем к Дому?

– Наверное.

Если честно, меньше всего на свете мне хочется ехать на очередную вечеринку старшеклассников, где одни и те же люди делают все то же самое, что делали на протяжении многих лет. Там будет музыка, много алкоголя и поцелуи с девчонками, которые мне не особо-то и нравятся, ничего больше.

– Ты прямо горишь желанием поехать туда. – Брэн закатывает глаза. –

А я вот точно поеду. По-моему, это отличный шанс узнать моих одноклассников получше.

– Зачем? Они все придурки, – с кислой миной отвечаю я.

Брэн склоняет голову набок.

– И ты тоже?

– Я хуже всех них вместе взятых. – Не знаю, почему у меня такое дурацкое настроение. Мы же выиграли, черт побери! Я глубоко вздыхаю. – Прости. Похоже, я недополучил схваток с соперником. Ты провел на поле слишком много времени.

– Привыкай, – весело отвечает Брэн, не обращая внимания на мое плохое настроение. – Я планирую продолжать в том же духе.

– Отличная игра! – Элла поздравляет нас, когда мы подходим к ним, и мне не приходится отвечать Мэтису.

Я вижу Хартли, которая поднимает вверх большой палец. Она умрет, если выкажет чуть больше одобрения? Может, поднимет хотя бы два пальца? Господи...

– Привет, – говорит Элла Брэну. – Я Элла.

– Брэн. – Он протягивает руку в ответ. – По-моему, мы вместе ходим на испанский.

Элла быстро кивает.

– Точно. Ты сидишь в первом ряду.

– В первом ряду? Ботаник, – поигрывая бровями, дразнит его Вэл.

– Это Вэл, – представляю я лучшую подругу Эллы. – А это Хартли. – Я киваю головой на девчонку, которая считает, что одного поднятого вверх большого пальца достаточно, чтобы оценить, как круто я сегодня играл.

– Я хочу кое в чем признаться. – Брэн манит девчонок рукой, и они дружно наклоняются к нему, даже Хартли. – Я совершенно не имею ничего против школы.

Хартли притворно ахает.

– Ну, раз мы откровенничаем... я – тоже.

Эти двое обмениваются улыбками, от которых мне хочется блевануть.

– Школа существует для того, чтобы сильные мира сего взращивали молодые неокрепшие умы для соблюдения устоявшегося положения вещей, – заявляю я.

Все таращатся на меня с разной степенью удивления. Брэн морщит лоб. Вэл и Элла хмурятся. Хартли так совершенно ошеломлена.

– Хм, ну ладно, – отвечает она.

Элла хлопывает меня по спине.

– Не обращайтесь на него внимания. Он злится потому, что ему удалось

только раз перехватить пас квотербека.

Брэн кивает.

– Да, мне он говорил то же самое. Прости, бро. В следующий раз я постараюсь побыстрее набрать очки, чтобы у тебя было больше возможностей в защите.

– Брэн! – кричит кто-то. – Ты едешь?

Наш прославленный квотербек поднимает руку вверх.

– Уже иду. Увидимся на вечеринке, народ.

Девчонки машут ему вслед, а он бежит к тюнингованному «ниссану джи-ти-эр». Это тачка Доминика. Видимо, Брэн уже начал обзаводиться друзьями. Я должен бы порадоваться за него, но нежелание ехать на вечеринку, да еще их с Хартли – которая, кстати, почти не смотрит в мою сторону, – флирт пробуждают во мне желание ударить обо что-нибудь.

– Что случилось? – осторожно спрашивает Хартли.

Я засовываю руки в карманы, краем глаза замечая, что Элла тоже наблюдает за мной. Она достаточно меня знает, чтобы понять, что происходит.

– Истон, – с нажимом продолжает Хартли.

Я вздрагиваю.

– Не знаю, у меня иногда так бывает. Кровь кипит от нахлынувшей энергии. – Я вздрагиваю еще раз пять. – Все нормально. Я успокоюсь.

– Как?

– Мне просто нужно выплеснуть эту энергию.

Элла хмурится.

– Что? – спрашиваю я у нее. – Она же спросила.

Хартли прислоняется к пассажирской двери моего пикапа.

– Ясно. И как ты это делаешь?

Я похотливо смотрю на нее и поигрываю бровями.

– Ни за что, Ройал. Ты помнишь правила.

Вэл фыркает.

– Какие правила?

– Да вот Хар-Хар...

– Хар-Хар? – возмущенно переспрашивает Хартли.

– Новое прозвище, – махнув рукой, я опять обращаюсь к Вэл: – Короче, Хар-Хар выдала мне целый список правил, по которым существует наша дружба. Только так она согласилась удостоить меня своего общества.

– И, по одному из этих правил, ему нельзя приставать ко мне, – добавляет Хартли.

– А я могу тоже под ними подписаться? – с надеждой спрашивает Вэл.

– Эй! Я ни к кому не пристава́л, – возража́ю я. – Ты спросила, как я люблю расслабля́ться, и вот мой отве́т!

Есть еще и второй, но я не собираюсь озвучивать его, потому что Элла следит за мной словно ястреб. Она точно знает, чем я сегодня хотел бы заняться, и ей это не нравится.

– Давайте поедем к Дому все вместе на твоей машине? – Голос Эллы звучит слишком уж жизнерадостно. – А свою я заберу потом.

М-да, она собралась присматривать за мной весь вечер.

– Прости, сестренка, но это дурацкая идея, – отвечаю я таким же жизнерадостным тоном. – Ты не оставишь свой кабриолет на стоянке «Астора», когда тут полным-полно придурков из «Гэтвика». Сегодня мы их разгромили, и они жаждут мести.

– Он прав, – поддерживает меня Вэл. – Когда мы выиграли у них в прошлом году, они разрисовали южную лужайку ярко-желтой краской из баллончика. Так что давай-ка поставим твою машинку в безопасном месте.

Элла знает, когда проигрывает бой.

– Ладно. Тогда мы с Вэл встретимся с вами у Дома. – Она смотрит мне прямо в глаза. – Да?

– Конечно, – уверяю я ее.

Вру и не краснею.

Когда наша четверка расходится по двум машинам и мы с Хартли остаемся в пикапе вдвоем, я поворачиваюсь к ней и спрашиваю:

– Не возражаешь, если мы чуток отклонимся от маршрута?

Глава 11

Хартли немного нервничает, но стоит отдать ей должное: вида старается не подавать. Она без единого слова перепрыгивает через забор у границ верфи и так же молча следует за мной по темному лабиринту из грузовых контейнеров. И только когда мы добираемся до места, оборачивается и беспокойно смотрит на меня.

– Что это?

– Ночные драки, – радостно сообщаю я.

В крови бурлит адреналин, а ведь я еще не вышел на бой.

Оглянувшись по сторонам, испытываю легкое разочарование. Народу не так много, что странно, потому что сегодня пятница, а в уик-энды количество желающих подраться возрастает. Наверное, люди опасаются показываться здесь после той истории, что недавно тут произошла.

Ну да ладно. Придется ограничиться тем, что есть. К тому же мне необязательно выбивать дерьмо из всех тридцати парней. Одного будет достаточно.

– Ты собираешься драться? – нервно спрашивает Хартли.

Я беру ее за руку и веду к груде деревянных ящиков, подальше от импровизированного ринга, в котором два больших парня обмениваются ударами и оскорблениями. Мне не хочется, чтобы кто-то из собравшихся вокруг болельщиков случайно толкнул Хартли.

– Ты присядь, – предлагаю я ей, – а мне нужно кое-что уладить.

Хартли садится с видимой неохотой.

Я стаскиваю с себя футболку и бросаю ее на ящик рядом с ней. Она удивленно таращится на мою грудь. Наверное, вида моих кубиков пресса оказалось недостаточно. Подняв руки над головой, я нарочито небрежно поигрываю мышцами. Хартли отворачивает голову, чтобы не смотреть на меня. Я ухмыляюсь. Девчонка сражена моей фигурой.

– Эй, Ройал! С тебя вступительный взнос!

Я залезаю в задний карман.

– Вот, – я кладу увесистую пачку банкнот на мясистую ладонь Уилсона, парня, который контролирует здесь весь денежный оборот.

Эти бои – удовольствие не из дешевых, но я же Ройал. Могу себе это позволить. Мог бы еще и выиграть приличную сумму, но Рид больше не дерется, и мне не на кого ставить. На себя ставить я не могу: это совсем не весело, да и к тому же исход боя мне известен наперед.

– Вот тот блондинчик заявил, что будет драться с тобой, как только ты появился, – сообщает мне Уилсон, оскаливаясь в улыбке.

Я выглядываю из-за его массивного плеча и вижу высокого светловолосого качка, который стоит в компании трех-четырех парней. А, точно. Это те самые тупые члены братства, с которыми я столкнулся на одной из вечеринок на прошлой неделе. По-моему, я трахнул подружку кого-то из них.

– Ройал! – рывкает один из парней. Его лицо покраснелось, глаза превратились в узкие щелочки. – Еще раз увижу тебя рядом со своей девушкой, сразу прикончу!

Ага, значит, это была его девушка. Я машу рукой «сеньору Помидору».

– Может, попробуешь это сделать прямо сейчас? – Я показываю в центр огороженного круга.

– Майк сделает это за меня, – с усмешкой произносит он и хлопает своего приятеля по спине.

Трус. Он попросил дружка-качка наказать меня за то, что я переспал с его же подружкой? А что случилось с принципом отстаивать честь своей девушки?

Хартли наблюдает за нашим обменом любезностями с возрастающим беспокойством.

– Ты приставал к девушке того парня?

Я подмигиваю ей.

– Кто, я?

– Истон, – она понижает голос до шепота, – мне это не нравится.

– Что именно? То, что я флиртовал с его подружкой, или то, что я собираюсь с ним драться?

– То, что ты собираешься драться.

Трудно сказать, ведь вокруг темно, но мне кажется, ее лицо побледнело. Она что, боится за меня? Ну, это нормально. Скоро Хартли поймет, что бояться нечего. Я могу за себя постоять.

– Пожалуйста, ты можешь быть осторожнее? – умоляет она.

Нет. Какая радость в осторожности? И еще это скучно.

– Конечно, – вру я, но ее мои слова, кажется, успокаивают.

Но как только захожу на ринг, тут же бросаюсь на качка Майка, потому что жажду его апперкота. Я хочу ощутить боль в челюсти, от которой задребезжат зубы. Я хочу сплюнуть кровь на землю. У нас с Ридом, кроме успеха у девушек, есть еще кое-что общее – жажда насилия.

Я позволяю Майку бить меня до тех пор, пока мне не становится скучно. И тогда уже делаю два быстрых удара, от которых он падает на

задницу, и ленивой походкой подхожу к Хартли, которая в ужасе глядит на меня.

– Ты весь в крови!

Она права. Кровь стекает по подбородку и груди, во рту металлический привкус. Но мне все равно. Сейчас я словно под кайфом. Но зато чувствую себя счастливым, живым.

– Уилсон, – кричу я, не обращая внимания на Хартли. – Я хочу еще.

– Истон, – отчаянно просит она. – Давай уйдем, пожалуйста!

– Кто-нибудь еще хочет выйти против Ройала? – улыбаясь от уха до уха, спрашивает у собравшихся Уилсон.

Здесь около четырнадцати ребят. И почти все хотят подраться со мной. Похоже, у многих на меня зуб.

– Сиди на месте, – говорю я Хартли. – Я хочу подраться еще с парочкой.

– Нет, – звучит ее резкий и быстрый односложный ответ.

Она спрыгивает с ящиков и встает прямо передо мной. Теперь мне видно, что она напугана.

– Да что с тобой? – спрашиваю я. – Это же просто безобидное развлечение.

– Как это может быть развлечением, когда парни пытаются убить друг друга? В этом нет ничего веселого!

Услышав ярость в ее голосе, я закатываю глаза.

– Так, ладно, успокойся. Никто никого не пытается убить. Мы просто выпускаем пар, вот и все.

– Что ж, тогда я не хочу на это смотреть! – Хартли скрещивает руки на груди. – Отвези меня домой.

Я выгибаю бровь.

– Вот уж честно, не ожидал, что ты такая чопорная.

– Мне не нравится смотреть, как бьют людей, и это делает меня чопорной? – Ее взволнованный голос дрожит, серые глаза блестят. – Зачем ты привез меня сюда? С чего ты вообще решил, что мне это понравится?

Я озадачен: никогда раньше не брал с собой сюда девчонок. Элла не в счет, она приехала сюда вслед за мной и Ридом, мы даже не знали об этом. В остальном же эти ночные визиты в доки – только для меня. Для меня одного. Это мир Истона.

Тогда зачем я пригласил Хартли в свой личный мир?

– Я думал, тебе понравится, – наконец отвечаю я, но слова не кажутся убедительными. Я не поэтому взял ее сюда... Вообще не знаю, зачем я это сделал.

Хартли, не теряя времени, начинает нападать.

– Нет, ты ничего такого даже не думал. Все, что ты делаешь, ты делаешь лишь ради себя самого. Так всегда. – Она сердито смотрит на меня. – Может, тебя заводит, когда я смотрю?

– Нет. Глупости какие.

– *Это* глупости? – Ее голос поднимается на октаву. – Ты и эти идиоты...

– Эй! – кричит кто-то, и тут я понимаю, что все слушают нас.

– ...приходят сюда по ночам и тратят сотни долларов на дебильную версию «Бойцовского клуба». Если это не глупо, то я не знаю, какие еще слова подобрать.

– Тогда вали отсюда, милашка! – с раздражением выкрикивает один из дружков качка Майка.

– Да! Хватит визжать как резаная! Вали отсюда!

– Ройал, заткни свою сучку!

Я разворачиваюсь, выискивая в толпе ублюдка, который бросил последнюю фразу. Но стоит ему увидеть выражение моего лица, как он нервно пятится назад.

– Ты, – указав на него пальцем, говорю я. – Ты, блин, заплатишь за свои слова.

Он делает еще шаг назад.

– Что, собираешься избить его? – с отвращением говорит Хартли. – Вот, значит, как ты решаешь свои проблемы, Истон. Насилием!

– Я не позволю какому-то безмозглому треплу обзывать тебя.

– Мне плевать, он может говорить обо мне все что ему вздумается. Все равно.

– Ну а мне – нет.

– Тогда дерись за себя, а не за меня. Я хочу уйти, – натянуто отвечает Хартли. – Прямо сейчас. Так что делаем так: либо ты надеваешь футболку, – с этими словами она бросает ее мне, – и везешь меня домой, либо, – тут она поднимает свой телефон, – я звоню в полицию, и вашу маленькую вечеринку разгоняют.

– Стукачка!

– Эй, сука, когда-нибудь слышала выражение: «Стукачам зашивают рот»?

– У тебя отстойная девчонка, Ройал.

Но мы с Хартли игнорируем все то дерьмо, что летит в нашу сторону, и смотрим друг другу в глаза. В ее полыхает огонь, и от этого у меня бегут мурашки. Она в ярости.

Похоже, я облажался. Но, честное слово, мне и в голову не пришло, что парочка боев без правил так ее расстроит. Элла тоже была немного шокирована, но, как мне кажется, ей даже нравится животная натура Рида.

– Истон, – низким, угрожающим голосом зовет меня Хартли.

Я обреченно вздыхаю.

– Да?

– Увези... меня... домой. – Она смотрит на меня таким ледяным взглядом, что замерзают даже капельки пота на моей голой груди. – *Сейчас же.*

Глава 12

«Я очень, очень, очень виноват. Три «очень»! Так ты точно поймешь, что я серьезно».

Отправив сообщение, я еще добрых полчаса лежу на кровати и пялюсь в потолок в надежде, что Хартли ответит. Но она не отвечает. Как и на остальные мои сообщения, которые я отправил ей до этого, между половиной десятого и двенадцатью. В нашей переписке восемь непрочитанных.

На душе кошки скребут, и это ощущение не проходит, потому что я чувствую свою вину. То, как Хартли вчера на меня смотрела... Никак не могу стереть это воспоминание. И хуже всего то, что я не знаю, как все исправить. Хартли не произнесла ни слова по дороге от доков до дома. А когда я хотел вылезти из машины, чтобы проводить ее до двери, она припечатала меня взглядом и спросила: «Какую выгоду принесет подъем на второй этаж Истону Ройалу? Никакой. Не утруждайся». Потом выпрыгнула из пикапа и хлопнула дверцей так сильно, что задрожали стекла.

Меня бесит, что эта девчонка считает, будто я какой-то самовлюбленный дурак.

Закусив губу, я поднимаю телефон и печатаю очередное сообщение.

«Пжлста, Х., просто поговори со мной. Иначе я лично приеду, чтобы извиниться».

То ли угроза подействовала, то ли у нее появилось настроение ответить, но вот результат: на экране появляется три серых точки, говорящих о том, что она что-то печатает.

Слава богу.

«Даже не думай приезжать, Истон».

«Приеду, если ты не перестанешь игнорить меня. Мне это не нравится».

«Да ну? А мне не нравится, когда меня тащат в подпольный бойцовский клуб, а потом называют чопорной».

Мне становится стыдно. И еще меня тошнит, но это, наверное, из-за бутылки текилы, которую я высосал, когда вернулся домой после того, как отвез Хартли. Ссоры типа такой всегда гонят меня прямиком к бару.

«Сколько раз мне еще нужно извиниться, чтобы ты простила меня?»

Ответа нет.

В досаде я сажусь на кровать и бьюсь головой о мягкое изголовье. И тут же печатаю следующее сообщение.

«Я ОЧЕНЬ виноват, Хартли. Мне хреново, потому что я привез тебя туда и вынуждал остаться против твоей воли. Ты имеешь полное право злиться на меня».

Снова молчание.

«Чего ты хочешь от меня?»

«Искренности» – вот такой ответ я наконец получаю.

Искренности? Что, черт возьми, это значит? Я потираю подбородок и пялюсь в экран телефона. Я же попросил прощения. Вот ей искренность самая что ни на есть. Раскаиваться вообще для меня в новинку. Разве она этого не понимает?

Пальцы зависают над экраном. Что мне сказать, чтобы прозвучало достаточно убедительно?

«Я сама искренность, детка».

Но, прежде чем отправить сообщение, я еще раз перечитываю его. И еще раз. После третьего раза понимаю, что это худший ответ в истории человечества. Вообще-то, переписка – не самая сильная моя сторона. Но вот если бы она была здесь, то смогла бы увидеть, как я сожалею о произошедшем.

«Приезжай и сама убедишься, что я настроен серьезно».

«Ну разумеется».

Что, черт побери, это значит? Хартли как сложная формула траектории полета, и, к сожалению, у меня ни шпаргалок, ни приложения на телефоне, которые бы помогли мне.

«Я не могу быть серьезным все время. Это скучно».

«Иногда, если тебе скучно, – это хорошо. Только в тишине можно расслышать биение сердца».

Она цитирует строчку из какой-то песни? От этой девчонки не знаешь, чего ожидать.

Я постукиваю пальцами по краям телефона, пытаюсь придумать самый лучший ответ. Но ничто из приходящего на ум не работает...

Она попросила меня быть искренним. Вот почему я не могу написать ничего достойного? Все кажется пустым. Быть искренним. Мои пальцы начинают печатать.

«Я не хочу потерять твою дружбу. Ты мне нравишься».

Нажимая кнопку «отправить», я вдруг понимаю, что впервые говорю девушке что-то подобное.

Ты мне нравишься.

Я сотни раз произносил: «я хочу тебя», «ты секси, горячая, улетная, клевая», говорил девчонкам комплименты, вселял в них уверенность. Бывало даже, что кричал от счастья, но, по-моему, никто из них мне по-настоящему не нравился.

А вот Хартли мне нравится.

Я смотрю в телефон и мысленно прошу ее ответить. Когда появляется зеленое окошко с новым сообщением, облегченно выдыхаю.

«У тебя странный способ это показать».

Немного не то, на что я рассчитывал, но она хотя бы не послала меня куда подальше.

«Я люблю летать на самолетах, помнишь? Но папа запретил мне. Так что иногда мне нужна разрядка. Бои – единственный безопасный способ. То есть народ приходит туда по собственному желанию».

У меня такое чувство, будто я вскрыл себе грудь и позволяю Хартли заглянуть внутрь. Там не все идеально, но мне не хочется отпускать ее.

«Дай мне еще шанс, Х.».

«Ох, ОК. Я и не понимаю, и понимаю тебя. Ты прощен, но в эти выходные я занята».

Я чешу нос. Мне это не нравится. Она все выходные будет париться из-за этих боев.

«Что там у тебя? Я могу помочь».

«Если ты сожалеешь по-настоящему, то дай мне этот уик-энд».

«Почему? Я могу лично показать тебе, насколько сожалею».

«Или ты можешь показать это, выполнив мою просьбу».

«Если это взрослая жизнь, то она мне не очень нравится».

«Всегда пожалуйста», потом: «Спасибо, что был честным со мной».

Я отправляю ей смайлик, но она не отвечает. После десяти минут разглядывания собственного сообщения до меня наконец доходит, что на сегодня она закончила общение.

Когда тебе нечем заняться, время тянется очень медленно. Каждая минута тянется как час, а час – как день, к полудню ощущение, как будто прошел целый месяц.

– Какой сегодня день?

Но в комнате никого, кроме меня, поэтому ответа нет.

Мне нужно выбраться из этого проклятого дома. Вот в чем моя проблема. Я человек действия, не люблю что-то долго обдумывать, поэтому отправляю сообщение Пашу, потом – Дому, ну а затем – Бэббиджу.

Все трое молчат.

Значит, остается только семья.

Я пускаюсь на поиски Эллы и нахожу ее у бассейна в окружении листов бумаги. Взяв из холодильника две бутылки с водой, сажусь на шезлонг напротив нее и прикладываю одну бутылку к ее ноге.

– По-моему, ты хочешь пить, – заявляю я.

Она поднимает глаза.

– Да неужели?

– Точно тебе говорю. – Я растягиваюсь на шезлонге. – А еще тебе нужен перерыв.

Элла смеется.

– Если честно, я только что села.

– Отлично. Тогда я еще не успел помешать тебе. Давай лучше посплетничаем, подружка.

Эллин смех перерастает в безудержный хохот.

– Боже, Истон, *пожалуйста*, никогда больше так не говори.

– Почему? Я подумал, что ты оценишь мое предложение. Вы с Вэл все время этим занимаетесь.

– Неправда!

Я задираю ноги кверху и улыбаюсь во весь рот. Сегодня прекрасный день, и настроение улучшается на глазах. Похмелье еще дает о себе знать, но в висках стучит уже не так сильно, да и на сердце нет прежней тяжести. Хартли больше не злится на меня – она изменила статус до «рассержена». Ну, пусть хотя бы так.

– Ладно, так и быть. Если ты хочешь *посплетничать*, подружка, давай начнем. Что ты хочешь от Хартли Райт кроме очевидного? – добавляет Элла, когда я в недоумении смотрю на нее.

– Не знаю. Она новенькая. А мне скучно.

– Но она не игрушка, – строго говорит Элла.

– Знаю. – Я откручиваю крышку с бутылки и делаю несколько глотков. – Она мой друг, ясно?

– Ты не дружишь с девчонками, Ист.

– Еще как! С тобой и Вэл, например.

– Да, но только потому, что ни одна из нас никогда не станет с тобой спать. Если бы мы даже вдруг захотели и ты бы знал, что это разрушит нашу дружбу, то все равно не задумываясь выбрал бы секс.

– Если бы вы с Вэл захотели заняться сексом втроем? Хм, *конечно же*, я выбрал бы секс.

– Я говорила не про секс втроем, – с жаром возражает Элла. – Уф, ты отвратителен. – Она наклоняется и ударяет меня бутылкой по руке. – Ладно, проехали, но ты понял, что я имела в виду. Ты дружишь с Хартли

только потому, что она не хочет спать с тобой. Если бы она хотела, вы бы стали больше чем друзьями.

Я пожимаю плечами.

– Не знаю. Наверное.

– Лучше оставь ее в покое.

– Почему это?

– Потому что она ясно дала понять, что ты в этом плане ей неинтересен. А вчера вечером, во время игры, она сказала мне и Вэл, что ищет еще одну подработку, потому что на той, где она сейчас, платят немного. И добавила, что сосредоточена лишь на учебе и работе.

– Да, мне она это тоже говорила. – Я сажусь. – А тебе разве нисколько не любопытно, почему ученица «Астор-Парка» живет в жалкой студии на Салем-стрит?

– Конечно, любопытно, но вряд ли она считает это нашей заботой, и я ее прекрасно понимаю. Только вспомни, с каким презрением смотрели на меня в «Асторе»! Если она ходит в школу и параллельно зарабатывает себе на жизнь, лучше оставить ее в покое. Я бы на ее месте хотела именно этого.

Я решаю не указывать ей на то, что она обманывает сама себя. Элла сунула нос в наши дела, как только переступила порог дома Ройалов. Она та еще докучала. Я даже удивлен, что она не хочет признаться в этом.

Думаю, мне лучше сменить тему разговора.

– Над чем работаешь? – Я поддеваю пальцем ее бумажки.

– Над непрерывными функциями. Я их не понимаю.

– Говоря простым языком, это означает, что ты можешь поставить свой карандаш на график и продолжать чертить линию в отрицательном и положительном направлениях, не отрывая грифеля от листа бумаги. – Я рисую волнистую линию. – Правильно?

Элла кивает.

– А чтобы определить, является ли функция непрерывной, нужно, чтобы соблюдались эти три условия.

Я быстро делаю кое-какие пометки и протягиваю ей лист бумаги обратно. Пока она читает их, я проверяю телефон. Паш написал. Наконец-то.

«Прости. Сегодня обед с семьей. К нам приехали родственники из Атланты».

Проклятье. Я бросаю телефон на шезлонг.

– Сколько задач тебе осталось?

– Двадцать.

– А сколько займет их решение?

– Какое-то время точно. – Элла поднимается. – Мне нужно перекусить. Я иду вслед за ней в кухню.

– Вот и отлично! Давай прокатимся до «Френч-Твиста». Я угощаю.

– Я не могу поехать с тобой, Истон. Я должна сделать всю домашнюю работу сегодня, потому что завтра мы с Вэл едем в университет. Хочу сделать Риду сюрприз и загладить свою вину, что не смогла приехать на его сегодняшний матч.

Ох ты, черт! Я и забыл, что собирался поехать на игру, – обычно Элла вытаскивает мою задницу из кровати и волочит к машине. Но Рид вряд ли будет переживать из-за того, что я пропустил его домашний матч. Он был бы больше рад увидаться с Эллой, чем со мной, по-любому. Ну а я смогу слетать на его игру против университета штата Луизиана в следующую субботу.

– погоди, – до меня вдруг доходит, – а почему ты не поехала на матч?

Элла стоит ко мне спиной, засунув голову в холодильник.

– Потому что сегодня мы с Каллумом встречаемся с окружным прокурором. Только так было удобно им обоим.

Отстой.

– Во сколько вы поедете?

– Думаю, около четырех.

– О, еще полным-полно времени. Мы успеем съездить куда-нибудь. Давай так: я решу твои задачи по математике, а ты...

– Нет, – перебивает Элла. – Я должна решить их сама. Если не разберусь с этими понятиями, дальше будет только сложнее.

Я ковыряю ногой плитку на полу.

– Тогда я так и буду делать домашку за тебя. Поехали, все равно в реальной жизни тебе не понадобится и половина всей этой фигни.

– Не все могут решать сложные математические задачи в уме, Истон. Ты слишком умный, во вред себе.

– Правда? Потому что ты всегда говоришь, какой я глупый, – поддразниваю я ее.

– Я имею в виду, что ты делаешь глупости. Я знаю, что ты не глупый. Ты очень умный. И ты это знаешь, да?

– Да, многие вещи даются мне легко, – признаюсь я. – Но оценки у меня все равно не очень.

– Это потому, что тебе не нравится писать контрольные. Сосредоточившись на чем-то одном больше десяти минут, ты сразу теряешь всякий интерес.

– Мне нравится летать на самолетах, а это занимает всяко больше

десяти минут, – замечаю я.

Элла ставит на столешницу большое блюдо с фруктами.

– Там, наверху, куда интереснее, чем в классе.

Правда. Летая на маленьком самолете, ты должен всегда быть начеку, но в то же время в небе ты ощущаешь себя живым. Похоже на чувство, когда летишь на мотоцикле по шоссе на скорости за сотню, но и это будет лишь тусклой копией, неспособной заменить то, реальное.

– Блин, мне нужно снова подняться в небо. – Я беру кусок дыни и засовываю в рот.

– Ты уже говорил об этом с Каллумом?

Я отвечаю с полным ртом.

– Нет. Я и так знаю, что он скажет.

– И что же?

– Исправь свои оценки. Перестань пить. Стань более ответственным.

Элла наклоняет голову набок.

– Ну, похоже, ты не так уж сильно хочешь летать, раз все это кажется тебе таким невыполнимым.

Я хмуро смотрю на нее.

– Вот сейчас было грубо.

Она с невозмутимым видом изгибает бровь.

– Я не хочу ругаться с тобой, Элла-Белла. Пойдем же, – уговариваю я ее, – немного развеемся.

– Нет.

Я сдаюсь. По прошлому опыту знаю, что она не поддастся никаким уговорам. Эта девчонка упрямая, как ослица. Что ж, тогда остаются близнецы.

– Сойер и Себ дома?

– Они в домашнем кинотеатре с Лорен.

Я не могу сдержаться, чтобы не скривить губы. В последнее время Лорен проводит у нас больше времени, чем дома, и я уже начинаю уставать от этого. Она ведет себя так, словно близнецы – ее собственность, указывает, куда им можно ходить и когда. А еще они покупают ей всякие дорожные вещи, которые могут себе позволить, и меня это настораживает.

– Ладно, хорошо тебе повеселиться сегодня. Уверена, ты сможешь найти чем заняться. – Элла похлопывает меня по спине и выходит обратно в патио.

Я захожу в зал с домашним кинотеатром, но там только Лорен, красит ногти.

– Где близнецы?

Миниатюрная рыжая поднимает голову.

– Себ поехал в магазин за мороженым, а Сойер что-то ищет в своей комнате.

– У нас есть мороженое.

Лорен проводит белую линию вдоль ногтя.

– Я такое не люблю.

Подняв руку, она дует на палец.

О господи. Лорен крутит мальчишками как хочет. Но я ничего не говорю и отправляюсь на поиски брата.

Сойер попадаете мне навстречу, в руках у него фирменный пакет с логотипом «Гуччи». «Молчи, – советую я себе. – Это не твое дело».

– Не хочешь куда-нибудь съездить?

– Куда и зачем?

– Не знаю. Просто уехать из дома.

– Сейчас, узнаю, чем хочет заняться Лорен.

Он толкает дверь, но я уже знаю, каким будет ответ. Лорен не нравится тусоваться с близнецами вне дома. В школе она притворяется, что встречается только с одним из них. Близнецы считают это прикольным. Но когда-нибудь это начнет раздражать либо одного, либо обоих.

Сойер выходит ко мне меньше чем через минуту.

– Лорен пас.

– А что Сойер? – Другими словами, чем бы хотели заняться *вы*, вместо того что хочет делать Лорен?

Мой брат морщится.

– Я тоже пас.

– Да ладно тебе, – начинаю убеждать я. – Один-то раз можно куда-нибудь выбраться. Ладно, давайте останемся здесь и придумаем на вечер нечто грандиозное.

– Вечером Лорен тоже не хочет никуда идти. В последний раз, когда мы выбирались куда-то, нас начали донимать, и Лорен это не понравилось.

– Может, вам стоит встречаться с менее чувствительной девушкой? – предлагаю я.

Сойер скрещивает руки на груди и сердито смотрит на меня.

– Может, тебе стоит пойти и найти того, кому есть дело до твоего мнения?

– Но почему ты не найдешь себе кого-то, с кем можно выходить из дома?

– Да пошел ты. – Он пятится в комнату и захлопывает дверь у меня перед носом.

Отличная работа, Истон. Ты испортил отношения со всеми домашними.

Элла выбирает домашнюю работу. Близнецы выбирают свою избалованную, капризную девушку. Хартли взяла с меня обещание не беспокоить ее в эти выходные.

Так что, хотя еще только середина дня, мне остается лишь одно.

Прогулка к домашнему бару.

Глава 13

Я напился, напился и еще раз напился. И почему-то никто из моей чертовой семьи этого не заметил. Элла с папой уехали на встречу с окружным прокурором, едва плеснув... то есть едва взглянув на меня. Просто помахали рукой и ушли. Ну а где близнецы, я понятия не имею. Наверное, наверху, с Лорен. Готов поспорить, что один из них обмахивает ее веером, а второй кормит виноградом.

Нет уж, ни за что не позволю какой-нибудь девчонке вот так держать меня за яйца. Особенно Хартли Райт. Пошла она куда подальше. Рассердилась на меня из-за того, что мне нравится драться? Да что в этом такого? Парни дерутся. Мы вообще творим всякую фигню. У нее нет никакого права вот так, запросто осуждать меня.

Поверить не могу, что она не хочет тусоваться со мной в эти выходные. Думал, мы друзья.

Она хуже всех на свете.

Я соскакиваю с дивана, покачиваясь выхожу из гостиной и бреду в сторону папиного кабинета, где достаю из бара бутылку водки. Весь виски я уже прикончил. Хотя сомневаюсь, что он заметит.

Отпив прямо из бутылки, я устраиваюсь в потертом кожаном кресле. На столе лежат какие-то документы. Я небрежно листаю их. Похоже на отчет детектива о всех передвижениях Стива за последние несколько месяцев: Стив забирает вещи из химчистки, Стив в баре отеля, Стив, Стив, Стив. И куча фотографий старого доброго дядюшки Стива, жестокого убийцы.

Знаю, что должен сожалеть о том, что он убил Брук, но ничего такого не чувствую. Она была коварной дрянью. Но мне совсем не нравится, что потом он пытался причинить вред Элле. И не признался, когда арестовали моего брата.

Но не Стив хотел повесить убийство Брук на Рида – это все дело рук Дины. Она хотела отомстить Ройалам, нашептала кое-что на ушко прокурору и даже заплатила одной из официанток, которые обслуживали ужин у нас дома, чтобы та дала ложные показания и заявила, что Рид угрожал Брук до ее гибели. Дина сделала все возможное, чтобы уничтожить нашу семью. И Стив позволил ей. Он просто стоял и смотрел, как Рида хотят посадить в тюрьму, не признавшись в том, кто является настоящим убийцей.

Это невозможно простить.

Но больше всего меня это бесит потому, что Стив мне нравится. *Нравился.* Да, правильно. В прошедшем времени. Теперь он мне не нравится. Я даже видеть его не могу. И больше не хочу походить на него, когда вырасту.

А это легко, потому что я планирую никогда не взрослеть. Взрослым быть хреново. Нужно все время притворяться, что тебе есть дело до кого-то еще кроме себя. Значит, придется делать всякую фигню, чтобы кто-то другой был счастлив.

А если я буду несчастлив? Кто позаботится об этом? Никто. Никто, кроме меня самого.

Я запрокидываю голову и вливаю в себя еще немного водки, а потом набираю Рида. Матч уже, наверное, закончился. Интересно, выиграл ли он? Наверняка. У них неплохая команда.

– Ну, как дела? – отвечает брат.

– С утра стояло, – прикалываюсь я.

– Боже, Ист.

– Прости. Но когда Элла рядом, я прямо весь на взводе.

Рид тяжело вздыхает в трубку. Ухмыльнувшись, я снова присасываюсь к бутылке.

– Когда уже ты возьмешься за ум?

– А зачем оно мне?

– Потому что своим поведением ты скоро достанешь всех, кого любишь, – бесцеремонно заявляет Рид. – Заканчивай с этой фигней про Эллу. Это неуважение по отношению к ней.

– Точно! Мы же ничем не хотим расстроить нашу дражайшую принцессу!

– Да что на тебя нашло? И почему ты дома в субботу вечером?

– Никто не хочет составить мне компанию.

Это не совсем правда. За последний час меня уже пригласили на две вечеринки и три девчонки прислали мне фотки себя голых. Но я слишком пьян, поэтому мне лень двигать куда-то.

– И поэтому ты сходишь с ума от скуки, – догадывается брат.

– О, только посмотрите, как ты поумнел в университете!

– Да смотрю у тебя отличное настроение. – Повисает короткая пауза. – Сколько ты уже выпил?

Я поднимаю бутылку на свет. Она наполовину пустая.

– Недостаточно. Какие планы на следующий уик-энд? Где будет проходить игра?

– В Луизиане. Элла собирается прилететь в пятницу вечером.

– Ну еще бы. – Я даже не пытаюсь скрыть горечь в голосе. «Элла поцеловала первым меня! – хочется прокричать ему. – Я уступил ее тебе».

– Мы не стараемся избавиться от твоей компании. Может, прилетишь после своего матча? Или в субботу утром?

Эта снисходительность в его голосе просто отвратительна. Очевидно же, что он жалеет меня.

– Прости, бро. Никак. У меня куча планов.

Я вешаю трубку и бросаю телефон на стол. Спустя две секунды он начинает звонить. На экране высвечивается имя Рида. Я притворяюсь, что не слышу звонка.

Бутылка зовет меня. Я делаю очередной большой глоток и жду, когда придет блаженство. В последнее время мне приходится пить, и пить, и пить, чтобы ощутить приятное оцепенение. Стены папиного кабинета как будто сжимаются. Воздух становится тяжелым. Я беру бутылку и выхожу в патио.

На улице темно, но бассейн подсвечивается, отчего вода кажется неестественно синей. Я смотрю на нее, а потом направляюсь к тропинке, ведущей к побережью.

Я бреду по пляжу и бросаю камешки в океан. От вида бесконечного горизонта захватывает дух. Здесь так тихо и просторно, в отличие от удушливой домашней атмосферы.

Я снова бреду, прихлебывая из бутылки на ходу.

Дура эта Хартли. Она хочет меня, я точно знаю. Иначе не ответила бы на мой поцелуй, а дала бы пощечину и сказала больше никогда и ни за что к ней не прикасаться.

Меня бесит, что она притворяется, будто я ей не нравлюсь. Бесит, что я притворяюсь, будто мы просто друзья. Элла права: я бы не раздумывая отказался от дружбы с Хартли, если бы она мешала нам быть вместе.

Хотя я не так уж и хочу, чтобы мы были *вместе*. С ней будет весело порезвиться, не более того.

Но я начинаю уставать бегать за девчонкой, которая только и делает, что предлагает мне отвалить. Вот это уже совсем не весело.

– Привет, Истон.

Я даже подпрыгиваю от неожиданности. Фелисити Уортингтон появляется неожиданно, как незванный джинн. Интересно, смогу ли я запихнуть ее обратно в инкрустированную бриллиантами лампу?

Она машет мне, а я делаю вид, что не замечаю ее. Запрокидываю бутылку, но в рот падает всего несколько капель.

– Вечер субботы, а ты сосем один?

– И ты получаешь золотую звездочку, – насмешливо отвечаю я, – за свою феноменальную сообразительность.

Но мой сарказм ничуть не задевает ее. Она подходит ближе, смотрит на опустевшую бутылку, потом берет меня за руку и ведет по дорожке к их домику у бассейна.

Я не сопротивляюсь – мне становится интересно, что ей от меня нужно. Фелисити всегда флиртowała со мной, но никогда не намекала на то, что хочет секса. Ее задницу прикрывает простая юбка цвета хаки, а сверху на ней блузка с белым воротничком и розовый жилет. Этот наряд не особо отличается от школьной формы. Застегнутая на все пуговицы и скучная – такая, какой я всегда ее считал.

– Ты только что вернулась с собрания членов ООН или типа того? – спрашиваю я.

Она хмурится.

– Нет. У нас был поздний семейный ужин в загородном клубе. А что? Значит, она такая напыщенная из-за родителей.

– Просто спросил.

– Садись сюда. – Фелисити показывает на синее мягкое кресло. – Нет, погоди. Не двигайся. Ты какой-то грязный.

Она бросается к шкафу и достает полотенце. Расстелив его на кресле, показывает мне жестом, что теперь можно сесть.

Я оглядываю свои футболку и джинсы. По-моему, эту футболку я ношу лет с пятнадцати. Кое-где она узковата, в каких-то местах потерта, но зато мне в ней удобно и она чистая. В конце концов, у нас есть экономка. Мою одежду стирают.

– Что не так с моими шмотками? – грубо спрашиваю я.

– Ты как будто вытащил эти джинсы из помойки.

– Помойки? Ты шутишь? Они обошлись мне в штуку баксов!

Да, я готов выложить тысячу долларов за пару штанов. А почему нет? Я могу себе это позволить, черт побери!

– От этого они не перестали быть уродливыми.

– Рваные джинсы сейчас на пике моды. Их все носят.

– Твои не рваные. Они грязные и безобразные. Честное слово, выглядишь как бомж.

Спокойно выслушивать все это не поможет никакое количество алкоголя, поэтому я поднимаюсь из кресла и иду к двери.

– Спасибо за критический анализ моего стиля, о котором я не просил.

– Погоди, – раздраженно говорит Фелисити. – Ты не можешь пока

уйти. У меня есть к тебе предложение.

Она еще полностью одета, а значит, это не то предложение, которое может меня заинтересовать.

– На тебе слишком много одежды, сомневаюсь, что оно мне понравится.

– А как насчет этого? – Фелисити открывает другой шкаф и достает бутылку водки.

– А *вот это* уже другой разговор. – Я тянусь за бутылкой, но Фелисити быстро отводит руку в сторону. – Дразнишь, значит?

– Сядь, и я отдам тебе бутылку.

У меня два варианта: пойти домой и продолжать маяться от смертельной скуки или напиться у Фелисити и даже, может быть, заняться с ней сексом.

Я снова сажусь в кресло.

С триумфальной улыбкой она протягивает мне бутылку, которую я тут же открываю и прикладываю к губам.

На лице Фелисити появляется выражение отвращения.

– Поверить не могу, что ты Ройал.

– Уж поверь, детка.

– Ты готов выслушать мое предложение?

– Я не очень люблю слушать. – Я широко улыбаюсь ей. – Но ты продолжай, покажи мне, что у тебя есть, а я скажу, интересно это мне или нет.

– Я не собираюсь играть с тобой в «расскажи и покажи», – холодно отвечает Фелисити. – Короче, Истон. Я наблюдала за тобой всю неделю...

– Нравится следить за людьми?

– Кто бы говорил, – отвечает она, закатив глаза. – Ты бегаешь за Хартли Райт, хотя очевидно же, что это лишь пустая трата времени.

– Разве?

Про Хартли можно много чего сказать. Она раздражает. Она колючая. Чертовски сексуальная. Но вот что добиваться ее – это пустая трата времени, точно нет.

– Конечно. Она симпатичная, семья у нее из приличных, но она не Ройал. Если поместить ее по шкале значимости от одного до десяти, то она будет болтаться в промежутке между двойкой и тройкой.

– Я обычно оцениваю людей по тому, как сильно хочу трахнуть их.

Фелисити как будто не слышит меня.

– А знаешь, где по шкале значимости находишься *ты*?

– Нет, но уверен, ты меня просветишь.

– Десятка.

– Да ну?! – в притворном изумлении восклицаю я.

Фелисити снова не обращает внимания на мою издевку.

– Да, у тебя скандальное прошлое, но ты красивый, богатый, семья твоего отца живет на этих землях с тех времен, когда здесь еще была колония, так что большинство просто закрывает глаза на твою историю.

– Спасибо за столь лестные отзывы.

– Пожалуйста.

Я ерзаю в кресле и оглядываюсь по сторонам, в сотый раз гадая, что такого, черт побери, делает Хартли, чего не могу делать я. Наверное, мне пора. Даже одиночество папиного кабинета куда привлекательнее, чем пространные рассуждения Фелисити о социальной иерархии. Может, я просто проеду мимо квартиры Хартли? Проверю, дома ли она и не нужна ли ей помощь.

– Я ценю твое мнение обо мне, Фелисити, но мне пора домой.

– Я еще не закончила.

– Ты проводишь слишком много времени за анализом моего статуса. – Я насмешливо улыбаюсь ей. – У тебя на домашку-то время остается?

Фелисити фыркает.

– Мне не нужно делать домашнюю работу. Успех в жизни не зависит от школьных оценок. Кому как не тебе это знать? – Она говорит со мной так, будто я глупый ребенок. – Успех в жизни заключается в связях. Тот, у кого хорошие связи, продвинется дальше, чем тот, у кого хорошие оценки.

Печально, но она права.

Я делаю очередной глоток водки. Если выпью всю бутылку, мне станет неважно, о чем разглагольствует Фелисити. Я буду не в состоянии слушать ее. А еще она, похоже, знает о Хартли больше, чем все остальные, и поэтому я до сих пор здесь.

– Что еще тебе известно о Хартли?

Глаза Фелисити вспыхивают. Будь я не так пьян, то сумел бы прочитать выражение ее лица, но сейчас оно расплывается передо мной. Ее голос тоже звучит расплывчато. А голоса вообще могут быть расплывчатыми? Наверняка, потому что ее точно расплывается.

– Она ушла из школы три года назад и вернулась только этим летом. Вообще-то, она не возвращается в наш круг.

– Ты имеешь в виду, что она не принадлежит к числу заносчивых придурков, как мы?

И снова моя колкость оказывается незамеченной. Фелисити плевать на меня или на мое мнение. Взмахнув рукой с идеальным маникюром, она

говорит:

– Мы еще вернемся к Хартли, ладно? А пока позволь мне сказать, чего хочу я.

Я начинаю подозревать, что то, чего она хочет, *не* имеет ничего общего со мной голым. Проклятье. Вот здесь я точно потерял кучу времени впустую.

– Я хочу быть на вершине социальной иерархии «Астора», – напрямую заявляет Фелисити. – Этого можно добиться несколькими способами. Вариант первый: уничтожить Эллу.

Я напрягаюсь.

– Даже не думай.

– Я могу с легкостью это сделать, милый. Но, к счастью, есть более простой способ. – Она улыбается, но в этот раз, даже в полусознательном состоянии, я узнаю это выражение лица, и внутри звенят тревожные звоночки.

– Почему я чувствую себя так, будто меня сейчас съедят заживо? – бормочу я.

– Вариант второй: если не можешь низвергнуть Ройалов, присоединись к ним. Так что самый легкий путь на вершину Олимпа – это быть с тобой.

– Я не единственный Ройал в «Асторе», – поднимаясь на ноги, говорю я. Меня тошнит от одной мысли о нас с Фелисити.

– Нет уж, спасибо. Меня не привлекают эти извращенные игры, в которые играют твои братья.

– Эй! – резко говорю я. Никому не позволено обливать грязью мою семью. – Они не извращенцы и не играют ни в какие игры.

Фелисити понимает, что лучше отступить.

– Прости. Ты прав. Став частью семьи Ройал, я не должна оскорблять братьев своего бойфренда.

Я фыркаю.

– Бойфренда?

– Да. Я хочу встречаться с тобой.

– Зачем? У тебя все в порядке с головой? – Я пьяно смеюсь над собственной шуткой. Но тут же хмурюсь, потому что только что высмеял сам себя.

Фелисити поджимает губы.

– Это наш последний год в школе, и я хочу воспользоваться привилегиями подружки Ройала. Например, слетать в Вашингтон на ужин или чтобы меня взяли покататься на яхте. Я хочу всего этого, хочу, чтобы

остальные девчонки смотрели на меня и завидовали, хочу быть на обложке «Саузерн Вумэн», сфотографированная с тобой в вашем саду.

– Жадная какая. Не слишком много хочешь? – Я опускаю бутылку с водкой на стол. – Прости, но я не хочу помогать тебе.

– Стой! – Она преграждает мне путь и хватает за руку, не давая возможности подойти к двери. – И ты даже не хочешь узнать, что получишь взамен?

Я стряхиваю с плеча ее руку.

– Я ничего от тебя не хочу, детка.

– Нет, но ты чего-то хочешь от Хартли Райт, верно?

Ее слова притягивают мое внимание. Типа того. Мне сложно сфокусироваться на лице Фелисити, да и вообще сосредоточиться в принципе.

– Какое отношение все это имеет к Хартли?

– Это как посмотреть. Ты хочешь переспать с ней или хочешь, чтобы она стала твоей девушкой?

Я усмехаюсь.

– Я ни с кем не встречаюсь.

Нет, погодите-ка, у меня были девушки.

К примеру, Клэр.

Но потом Клэр мне разонравилась.

Хотя Хартли – не Клэр.

Может, я все-таки хочу, чтобы у меня была девушка?

Черт, в голове каша. Я не в силах ясно соображать. Мысли растворяются у меня в голове, как клубы дыма.

С некоторым облегчением Фелисити кивает.

– Так я и думала. Хорошо, значит, ты хочешь переспать с Хартли. Но она тебя не хочет.

– Эй! – возражаю я. – Так говорят только стервы. Ты стерва.

Фелисити закатывает глаза.

– Прости, но это правда. Я же сказала тебе, что наблюдала за тобой. Эта девчонка не хочет иметь с тобой ничего общего. Но...

Я оживляюсь. «Но». Мне нравятся «но»...

– Ты начнешь встречаться со мной и сразу станешь недоступным, а девчонки всегда хотят то, чего не могут заполучить. Хартли будет ужасно ревновать, когда увидит тебя с другой, и сама начнет вешаться тебе на шею. Поверь мне.

Не уверен, что можно применить слово «поверить» по отношению к Фелисити, но нельзя сказать, что она говорит ерунду. Мы все желаем

недостижимого, запретного. Не потому ли я связался с мисс Манн?

– К тому же, – продолжает Фелисити, – есть и другие плюсы. Начав встречаться со мной, ты сможешь спокойно ходить на школьные балы и вечеринки в загородном клубе, от тебя никто ничего не будет ждать. Если выберешь другую девчонку, она может решить, что нравится тебе. Я же не хочу спать с тобой, так что ты можешь путаться с кем хочешь, лишь бы они не учились в «Асторе». – Увидев, что я хмурюсь, она добавляет: – За исключением Хартли. Ты можешь переспать с ней, один раз... ну или сколько там, ты ведь сказал, что это просто секс. Но лучше, если это останется в тайне. Ну а если все-таки кто-то разнюхает, я скажу, что ты изменил мне с Хартли, но я простила тебя и теперь наши отношения стали еще крепче.

– То есть ты хочешь притворяться, что мы встречаемся, отчего Хартли станет меня ревновать, но я могу спать с ней, если мы будем держать это в тайне?

Кажется, я слишком пьян для такого разговора. Но мне нравится идея заставить Хартли ревновать. Пусть теперь она *за мной* побеждает.

– Это чисто деловые отношения. Я сделаю кое-что для тебя, а ты сделаешь кое-что для меня. Никто не пострадает.

Никто не пострадает. Мне это нравится. Очень напоминает мой девиз по жизни. Живи на всю катушку, но чтобы от этого не страдали другие. Я пытаюсь сфокусироваться на Фелисити, потому что ее лицо опять стало как в тумане.

– Ладно.

– Ладно? – кажется, она удивлена.

– Да, ладно, – заплетающимся языком повторяю я. – Давай заставим Хартли ревновать.

Мне реально понравилась эта идея.

Фелисити, кажется, немного раздосадована.

– Но это не единственная причина...

– Пока, – говорю я, открывая дверь. Вернее, *пытаясь* ее открыть. Спустя три попытки она распаивается.

– Спасибо за водку! – кричу я через плечо и неровной походкой выхожу из домика у бассейна.

Глава 14

Я не опаздываю на утреннюю тренировку в понедельник, несмотря на жуткое похмелье, которое не давало мне подняться с кровати все воскресенье. Большую часть времени мы знакомим Брэна с нашей схемой растянутой обороны. Он схватывает на лету, а еще у него отличное игровое чутье.

– Неплохо, Мэтис.

– А я рад тому, что в этом году мне не придется выходить против тебя, – отвечает он, похлопывая себя по тренировочной майке, надетой поверх формы в знак того, что игрокам защиты нельзя трогать квотербека, пока она на нем.

– Не забудь, есть еще Карсон Данн из «Норта» и Ти-Джей Прайс из «Гибсон-Хая», – предупреждаю я.

– Да знаю я. Но в этом году ты лучший дефенсив-энд в лиге. С니шься в кошмарах всем квотербекам. – Брэн хлопает меня по плечу. – Когда в прошлом году у меня была травма, товарищи по команде первым делом сказали, что я сделал это специально, чтобы мне не пришлось выходить на поле против братьев Ройал.

Когда он говорит о своей прежней школе, в его голосе появляются ностальгические нотки.

– Скучаешь по своим парням? – сочувственно спрашиваю я.

– Есть такое. – Он запрокидывает голову, как делают все парни, когда хотят скрыть свои эмоции. – Там было немало хороших ребят. Но ты должен чем-то жертвовать ради будущего, разве нет?

– Нет, если ты меня спрашиваешь, – откровенно отвечаю я.

Брэн опускает подбородок, а уголки его губ приподнимаются в печальной улыбке.

– Да, я кое-что слышал про тебя. Как только окажусь в колледже, попробую не волноваться о том, что думают мои родители.

Он снова хлопает меня по плечу и убегает в раздевалку. Я плетусь за ним. Сегодня мне не нужно спешить на занятия, потому что я еще не решил, по какому расписанию учиться: своему собственному или Хартли. Наверное, сегодня буду по своему. Первым уроком у меня самостоятельные занятия, а у Хартли – история феминизма, поэтому самоподготовку можно и проспать.

И нет, я не забыл, что провалялся весь вчерашний день. Уверен, что

если бы Элла не укатила, чтобы повидаться с Ридом, то прочитала бы мне длинную-предлинную лекцию о том, что мои отношения с алкоголем стали выходить из-под контроля.

И была бы права. Не помню ни черта из того, что произошло субботним вечером. Только обрывки: как влил в себя половину содержимого нашего домашнего бара, как шел пьяным вдоль берега. И еще, кажется, у меня был секс. Наверное. Но, похоже, все было плохо, раз я его не помню.

После душа я отправляюсь в кабинет для самоподготовки. Брэн бежит впереди меня, торопясь куда-то, и притягивает к себе многообещающие взоры не одной девчонки. В «Асторе» они ничуть не уступают парням. Пожирают новичка глазами. Хоть Брэн и скучает по своей старой школе, но здесь, в частной академии «Астор-Парк», он сможет утешиться миллионом разных способов.

Он слишком торопится и в итоге сбивает с ног зазевавшуюся ученицу. Она падает назад, ее черные волосы взмывают вверх.

Вот черт! Это же Хартли.

Я бросаюсь вперед, но Брэн успевает подхватить ее, не дав приземлиться на плиточный пол, помогая ей встать на ноги, и Хартли, девчонка с вечно хмурым выражением лица, улыбается ему. По-настоящему улыбается. Они начинают болтать.

Почему она все время такая милая с ним?

– Эй, Ист, ты куда? – кричит мне Паш из дверного проема классной комнаты.

– Иду на урок.

– Твой урок здесь, – напоминает он. – У нас самоподготовка.

– Нет.

Планы изменились.

Когда я захожу в класс Хартли, там уже нет мест. Я подхожу к парню, который сидит рядом с ней, и приказываю:

– Двигай отсюда.

Он вскакивает на ноги. Хартли притворяется, что ничего не замечает, глядя прямо перед собой.

– О чем вы с Брэном разговаривали? – спрашиваю я.

– А как это тебя касается? – отвечает она, даже не повернувшись ко мне.

Я сжимаю зубы.

– Что, теперь бегаешь за качками?

– Ты издеваешься, что ли? – Недоуменно спрашивает она. – Истон, у

тебя серьезные проблемы.

Да, много проблем. И одна из них – мне не хочется быть ей просто другом.

– Ты еще сердишься на меня? – брякаю я.

Хартли немного расслабляется. Она переводит на меня взгляд, видит выражение моего лица и тихонько вздыхает.

– Ой, знаешь, ты как маленький ребенок!

Я уже собираюсь дерзко ответить, что я мужчина с головы до ног, но Хартли продолжает, не дав мне шанса.

– Когда ты понимаешь, что серьезно разозлил кого-то, у тебя на лице появляется точно такое же виноватое выражение, как у маленького нашкодившего мальчика.

– Значит, ты еще сердишься на меня, – мрачно констатирую я.

Она молчит.

– Но ты сказала, что в понедельник мы поговорим, – напоминаю ей.

Хартли выгибает темную бровь.

– Разве мы не говорим?

– Да, но... – В кои-то веки я по-настоящему нервничаю. – Я просто...

Но мне не удастся сказать ни слова больше, потому что перед моим столом появляется Фелисити Уортингтон. И тут же, к моему полнейшему шоку, наклоняется и целует меня прямо в губы.

– Доброе утро, милый.

Я в недоумении таращусь на нее и тупо спрашиваю:

– Что?

Почему она целует меня?

– Доброе утро, – повторяет Фелисити и переводит взгляд на Хартли. – Доброе утро, Хартли, верно?

Хартли выглядит такой же растерянной, как и я.

– Доброе утро, – рассеянно отвечает она.

– Мисс Уортингтон, – окликает Фелисити учительница. – Что вы делаете в моем классе? Судя по моему списку, вы на этот курс не записывались. Кстати, как и вы, мистер Ройал.

– Я точно записывался, – отвечаю я, и она не возражает, потому как мы оба понимаем, что я никуда не собираюсь уходить.

Фелисити тем временем ослепительно улыбается пожилой женщине.

– Да, миссис Рэтклифф. Я просто заскочила, чтобы пожелать доброго утра своему парню.

Все девчонки в классе дружно ахают.

– Я уже ухожу! – Фелисити снова чмокает меня в губы и уходит.

Так, ладно, что за хрень только что произошла?

– Вы с Фелисити вместе? – сидящая передо мной Нора Хернандес разворачивается на стуле и чуть ли не исходит слюной.

Я уже собираюсь ответить: «Черт, нет!» – но вдруг замечаю, как Хартли слегка скривила губы, и застываю на месте. Она ревнует меня к Фелисити?

Стоп. Господи. Я же не встречаюсь с Фелисити. Даже думать об этом тошно.

– Нет, конечно, – говорю я Норе и прячу улыбку, заметив, как выражение лица Хартли немного смягчилось.

Все-таки ее *задела* новость о том, что мы с Фелисити типа «вместе». Ха.

Во время урока все ее внимание обращено на учительницу, а после звонка она уходит, не сказав ни слова. Я бегу вслед за ней, но чья-то рука хватает меня за пиджак.

Это Фелисити.

– Давай сегодня вечером сходим в «Бэзилс».

Ее повелительный тон действует мне на нервы. Я смотрю на нее.

– С чего это?

– Это хороший ресторан, и я хочу туда пойти.

Я продолжаю смотреть на нее.

– Фелисити.

– Да, милый?

– Что, по-твоему, сейчас происходит?

Мой вопрос приводит ее в замешательство.

– В смысле?

– В смысле, какого *хрена* я должен с тобой куда-то идти и почему ты называешь меня своим парнем?

Я вдруг умолкаю.

Воспоминания о событиях субботнего вечера обрушиваются на меня как цунами.

Я, пьяный в стельку, бреду вдоль побережья. Откуда ни возьмись передо мной оказывается Фелисити и тащит меня в их домик у бассейна. Я провел там какое-то время, и, хотя не помню всех деталей разговора, самое важное начинает всплывать.

Например, то, что я согласился на бутафорские отношения, чтобы заставить Хартли ревновать.

Вот черт!

Черт, черт, *черт*!

– Мы заключили сделку, – понизив голос, говорит Фелисити, не замечая моей нарастающей паники. – И я специально поцеловала тебя, чтобы Хартли увидела.

Господи. Мне нужно перестать пить. Просто *необходимо*.

– Э-э, – я глубоко вздыхаю, – Фелисити, послушай.

Она прищуривает голубые глаза.

– Эта сделка... – Проклятье, как же это все глупо и неловко! Я замечая, что на нас смотрят, и веду Фелисити к шкафчикам, подальше от людного коридора. – Я был пьян, когда согласился на нее.

– Да неужто? – саркастично замечает она.

– Очень-очень пьян. Почти без сознания, – добавляю я, потому что это правда. Утром в воскресенье я проснулся, совершенно не помня о том, что видел Фелисити, что уж говорить о согласии стать ее «бойфрендом». – Так что, хм... что бы я там ни обещал... я вынужден отказаться от этих обещаний.

Надув губы, Фелисити изучает мое полное раскаяния лицо.

– Нет, – наконец отвечает она.

Я поднимаю плечи.

– Что значит «нет»?

– То и значит: нет. Ты не станешь брать свои слова назад. – Она крепко сжимает мою руку, в ее глазах полыхает огонь. – Мы заключили сделку, и я уже сказала своим девочкам пустить слух, что мы вместе. Слишком поздно.

Во мне вскипает гнев.

– Тогда пусти другой слух, – приказываю я. – Потому что мы не вместе.

– Нет, вместе, – как ребенок, спорит Фелисити, впиваясь ногтями мне в локоть. – Не зли меня, Истон. Тебе лучше *не знать*, что бывает, когда я злюсь.

Почему вдруг? Она превращается в Халка и пробивает стены? Но мне не удастся спросить, потому что Фелисити уходит прочь, оставляя меня в полном недоумении.

Слух распространяется очень быстро. Фелисити и ее «девочки» не теряли времени зря и раструбили на весь «Астор-Парк», что мы с ней встречаемся. Каждый раз, как я пытаюсь переубедить очередного идиота, поднявшего эту тему, мне улыбаются, хлопают по спине и говорят: «Ну конечно, Ройал». Не имею понятия, что там болтает Фелисити, но никто не верит мне, как бы я ни настаивал на своем.

В любом случае важно лишь, что обо всем этом думают Элла, близнецы, Вэл и Хартли. Первые четверо отпускают сальные шутки, когда

я присоединяюсь к ним за ланчем, а Хартли... она снова исчезла. Пропустила все наши оставшиеся совместные уроки. Я говорю «наши», потому что махнул рукой на собственное расписание.

Дождавшись последнего звонка, я заскакиваю в школьную администрацию и пишу официальное заявление на изменение расписания.

– Я передам это директору, – обещает мне мой методист мистер Миллер.

– Спасибо.

Он сухо улыбается.

– А если директор Берингер отклонит вашу просьбу?

Я пожимаю плечами.

– Я все равно буду ходить на эти занятия. Для учителей не имеет никакого значения, сижу ли я у них на уроке.

Мистер Миллер качает головой, а я направляюсь к двери.

– Ох уж эта школа, – бурчит он себе под нос.

Да, ох уж эта школа. Здесь нет ничего святого, здесь балом правят ученики, а учителям остается лишь беспомощно сидеть и смотреть. Богатые детишки – те еще сволочи.

Двигаясь к выходу, я отправляю Хартли сообщение.

«Ты пропустила половину уроков. Вызвали на работу?»

К моему удивлению, она отвечает почти сразу же.

«Да. Сделаешь мне одолжение?»

Я улыбаюсь, глядя на экран.

«Конечно, я займусь с тобой сексом».

Небольшая пауза и:

«Забудь».

Черт.

«Прости! Я же тебя предупреждал, это выходит само собой. Что тебе нужно, Хар-Хар?»

«Заметки по английской литературе, если у тебя есть».

«Конечно, целые листы».

И глазом не моргнув я печатаю эту ложь, но лекция запала в память, и, когда Хартли закончит смену, у нее будет полный конспект.

«Когда ты освободишься? Я мог бы завезти их тебе домой после работы».

«А ты не против завезти их сюда? Тогда я смогла бы сделать домашнюю работу во время перерывов».

На экране всплывает картинка с маленькой картой: Хартли прислала мне свое местоположение. «ХАНГРИ СПУН ДАЙНЕР», на Е-

четырнадцать-стрит.

«Без проблем», – набираю я, гордясь тем, что оказался таким хорошим, всегда готовым прийти на помощь другом. «Буду где-то через час. Сначала нужно завезти домой Паша».

«Спасибо, И.».

Круто! Она назвала меня «И.». Это прогресс!

Я запикиваю телефон в карман и иду через парковку к своему пикапу, где меня уже ждет Паш. Я выполняю роль шофера, потому что его машина уже недели две как в мастерской: он разбил ее, гоняясь по извилистой и чертовски страшной дороге, идущей вдоль побережья. Ему повезло, что он не свалился с обрыва, но не мне его судить. У Паша есть одна слабость – запрещенные уличные гонки. У меня же слабостей целый миллион.

– Йоу! – кричит он.

– Йоу!

Я открываю дверцы пикапа, и мы занимаем свои места. Бросив телефон в подстаканник, завожу двигатель.

Мы едем минут пятнадцать, и за это время мой телефон прозвенел как минимум раз десять. Паш, не выдержав, поднимает его.

– Чувак, Фелисити Уортингтон писала тебе сто миллионов раз. – Он усмехается, прочитав что-то на экране. – Она хочет, чтобы на сегодняшний ужин ты надел галстук. Ты ведешь ее на ужин?

Он спрашивает это таким тоном, как будто я собираюсь обняться с удавом.

– Нет, черт побери! – Стиснув зубы я смотрю на дорогу прямо перед собой. – Ты можешь написать ей ответ за меня?

– Конечно. Что писать?

– Что никакого свидания у нас НЕ будет. «НЕ» большими буквами.

Паш громко фыркает.

– Жестко ты с ней, бро.

– Милым с этой барышней быть нереально. – Я включаю левый поворотник, въезжая на усаженную деревьями улицу Паша.

– Почему она считает, что у вас свидание? – растерянно печатая в телефоне, спрашивает он.

– Потому что она попросила, чтобы мы типа встречались, а я был в стельку пьяный и согласился.

Паш снова смеется.

– Ты в полной жопе.

– Спасибо за поддержку.

– Я лишь говорю правду. Готово. Отправил. – Но телефон уже пищит в

его руке. – Она ответила, что «сделка есть сделка».

Я издаю досадливый стон.

– Ничего не отвечай.

– Ну и как ты собираешься выпутываться?

Бросив на него взгляд, вижу, что мой друг едва сдерживается, чтобы не расхохотаться.

– Понятия не имею, – признаюсь я. Фелисити совершенно неуправляемая. И мне уже начинает казаться, что у нее немного поехала крыша. – Но что-нибудь придумаю.

Доехав до конца длинной подъездной дорожки, я останавливаю машину перед особняком Бхаров.

– Увидимся завтра на тренировке. – Я не предлагаю Пашу подвезти его, потому что вечно опаздываю. Отец успевает забросить его в школу перед работой, так что все нормально.

Мы бьемся кулаками, и Паш вылезает из машины.

– Пока, Ист.

– До скорого.

Я разворачиваюсь и еду в обратном направлении, но только, вместо того чтобы поехать по дороге к дому, я сворачиваю на ту, что ведет в город. Въехав на пустое парковочное место, останавливаю машину, вытаскиваю ручку, телефон и тетрадку и приступаю к работе. Год назад я начал записывать все лекции на телефон. На контрольных это помогает – если, конечно, мне удастся убедить себя, что этот предмет достоин моего усердия. Не стану скрывать: обычно я делаю только дозволенный минимум. «С» позволяют двигаться дальше, и я говорил об этом папе уже миллион раз.

Но с этим конспектом надо быть супервнимательным. Для Хартли «С» наверняка означает «неуд.». Закончив, я убираю все обратно и отправляюсь искать свою девочку.

«Хангри Спун Дайнер» располагается в небольшом торговом центре, между «Гудвиллом» и бакалеей. Неоновая вывеска «открыто» приветствует меня.

Я захожу внутрь с тетрадью в подмышке. В зале в несколько рядов выстроены столы в стиле пятидесятых: с отделанными хромом боками и яркой блестящей столешницей. В центре находится большой прилавок, напоминающий по форме подкову. Посетителей немного, но это не удивительно: еще только пять часов, рабочий день не закончен. Я оглядываю зал в поисках Хартли, но вижу только одну официантку, одетую в точно такую же черно-белую униформу, которая была на Хартли в тот

вечер, когда я привез ей ужин.

Нахмурившись, я пробегаю взглядом по почти пустому залу и наконец замечаю ее. Вернее, ее затылок. Хартли сидит за самым дальним столиком, спиной ко мне. И она не одна.

– Присаживайтесь, – поприветствовав меня, щебечет официантка.

– А, ну да, спасибо.

– Сейчас принесу меню.

Я киваю и направляюсь в дальний конец зала, садясь через два стола от Хартли. Достаточно далеко, чтобы меня не увидела ее собеседница, но достаточно близко, чтобы слышать, о чем они говорят.

И от того, что я слышу, у меня перехватывает дыхание.

Хартли в отчаянии умоляет:

– Я хочу вернуться домой.

Глава 15

– Ты же знаешь, это от меня не зависит.

Я сжимаю губы, чтобы не вмешаться. Собеседница Хартли – ее сестра. Я узнаю ее по фотографии из статьи, вот только имени не помню. Они с Хартли очень похожи, только черные волосы сестры подстрижены под короткий «боб», а волосы Хартли шелковой занавеской свисают до середины спины.

– Знаю, но ты самая старшая из нас, – дрожащим голосом говорит Хартли. – Ты их любимица, Паркер. Папа прислушивается к тебе.

– Больше нет, – сухо отвечает Паркер. – Теперь он ходит с видом короля Лира, как будто ждет, что дочери предадут его одна за другой. Боже, Харт, я не должна была приходить сюда, я многим рискую.

– Да? – Лица Хартли мне не видно, но, судя по тому, как холодно звучит ее голос, выражение ее лица такое же ледяное. – И чем именно ты рискуешь, Паркер? Ты даже больше с ними не живешь. У тебя есть муж, двое детей и...

– ...и трастовый фонд, благодаря которому я могу позволить обучение своих детей в частной школе и платить за дом, в котором живет моя семья. Если папа узнает, что я встречалась с тобой...

Хартли издает полный страдания стон.

– Никто не узнает.

– С чего ты взяла? У него повсюду шпионы.

Я хмурюсь. Отец Хартли – всего лишь помощник окружного прокурора, но ее сестра говорит так, будто он глава мафиозного клана или типа того. Черт, что же произошло между Хартли и ее папой? Все больше похоже, что ее выгнали из дома, но почему?

– Вам что-нибудь принести? Кофе? Воду?

Официантка мешает мне подслушивать дальше.

– Да, конечно, – мямлю я, стараясь говорить как можно тише. – Вода подойдет. Спасибо.

– Вы уже просмотрели меню? – спрашивает официантка.

– Я так сильно скучаю по вам, – печально произносит Хартли.

Я начинаю нервничать, стараясь не упустить нить обоих разговоров.

– Еще нет. Дайте мне немного времени.

– Хорошо. Я принесу вам воды и тогда же приму ваш заказ.

Официантка уходит, и мне удается уловить обрывок фразы Паркер.

– ...твоя ситуация может измениться в любой момент. Просто извинись перед ними, скажи, что слишком бурно отреагировала, умоляй его о прощении.

– Я *не* бурно отреагировала, – резко отвечает Хартли. – То, что он делает, неправильно, и когда-нибудь все это всплывет наружу. С подобными вещами всегда так. Покрывая его, мы в итоге наживем себе неприятностей.

– Ты считаешь, что наша семья единственная, где ведут себя нечестно? – шипит Паркер. – Деньги всегда смешаны с грязью. Тебе следовало бы держать язык за зубами.

– А что тогда ты скажешь на это?

Я понятия не имею, что значит «это», потому что не могу видеть Хартли, но серые глаза Паркер наполняются грустью.

– Я больше не знаю, во что верить.

– Ты шутишь? Ты *видела*, что... – Хартли умолкает и, склонив голову, делает глубокий вдох. – Знаешь, мне все равно, что меня выкинули из дома или что у меня нет денег. Мне плевать на все это. Но мне не плевать на нашу маму и сестру. Я хочу, чтобы все мы были вместе.

– Тогда ты должна простить и двигаться дальше, – с мольбой в голосе говорит Паркер. – Будоража эту тему, делая из всего это спектакль, ты лишь причиняешь вред нашей семье. Поступи правильно.

– Я пытаюсь! – восклицает Хартли и тут же снова понижает голос. – Зачем, думаешь, я вернулась? Я пытаюсь поступить правильно, но тебе нельзя со мной встречаться. Мама не станет даже слушать меня. Я не разговаривала с... – Ее голос срывается, и она умолкает.

Внутри меня все переворачивается. Хартли по-настоящему расстроена. Паркер поднимается из-за столика.

– Мне жаль, Харт. Но я должна идти.

Хартли вскакивает на ноги и хватается сестру за запястье.

– Но ты хотя бы поговоришь с мамой обо мне?

– Я уже миллион раз говорила. Она меня не слушает, – с досадой отвечает Паркер.

– Тогда ты *должна* поговорить с папой, прошу тебя!

– Я не могу.

– Почему? – Хартли уже начинает злиться. – Майлз хорошо зарабатывает. Тебе действительно нужны еще деньги?

Паркер вырывает руку.

– Я думала, ты любишь своих племянника и племянницу. Да ты хоть знаешь, как дорого они обходятся? Две тысячи в месяц уходит на то, чтобы содержать пони Мэйси, и пять тысяч – на уроки скрипки для Доусона. Я не

могу жертвовать их будущим ради тебя, Хартли. Даже не проси об этом. Не будь такой эгоистичной. Если тебя не волнуют твои племянники, тогда хотя бы подумай о нашей младшей сестре. Она не перенесет, если ее отправят в школу-пансион. У нее слишком хрупкая психика.

Хартли издает сдавленный всхлип, от которого у меня разрывается сердце, но на Паркер он нисколько не действует. Она выходит из кафе, даже не оглянувшись.

Мне хочется подойти к Хартли, обнять ее, но, наверное, ей это будет так же приятно, как если бы я вылил на ее голову стакан ледяной воды. Ну, и еще она оторвет мне яйца за то, что я подслушивал. Так что мне приходится втянуть голову в плечи и стать незаметным. Я слышу, как она поднимается из-за столика.

– Джесс, ничего, если я возьму еще пять минут перерыва? Мне нужно на воздух.

– Без проблем, милая. Посетителей все равно почти нет, так что не торопись.

Раздается звук шагов, но они направляются не в сторону двери, а в дальнюю часть кафе. Наверное, там есть еще один выход.

– Вот, пожалуйста. – Моя официантка возвращается со стаканом воды. – Вы готовы сделать заказ?

– Вообще-то, мне уже пора. – Я поднимаю телефон и тетрадь, как будто эти вещи подскажут ответ на вопрос, по какой такой загадочной причине мне требуется уйти.

Официантка лишь пожимает плечами. Видимо, ей платят вне зависимости от того, сколько клиентов она обслужит. Непохоже, что они тут работают на проценты от продаж яблочного пирога.

– Как знаешь, милый.

Я бросаю на стол двадцатку, выскальзываю из-за стола и говорю через плечо:

– Сдачу оставьте себе.

Выйдя на улицу, я выжидаю секунд двадцать и обхожу здание, чтобы попасть в переулок за кафе.

Хартли там, сидит на ящике из-под молока, склонив темноволосую голову, ее плечи трясутся.

Она плачет.

Блин, и что мне делать?

Сбежать, пока она меня не заметила, кажется неправильным, но я ведь не силен в утешении. Да и Хартли вряд ли позволит мне утешить себя. Я так сильно ее раздражаю.

Хотя... вот и ответ. Раз я не могу обнять ее, погладить по голове и пообещать, что все будет хорошо – да и откуда мне, черт побери, знать, что так и будет? – нужно воспользоваться самым проверенным способом.

Широко улыбаясь, я шагаю, топая как можно громче, чтобы она услышала.

– Ничего не бойся, Истон спешит на помощь!

Она поднимает голову в мою сторону.

Мне лишь мельком удастся увидеть, как блестят ее глаза, потому что Хартли быстро вытирает слезы. Потом поднимает подбородок и отвечает очередной колкостью:

– Ничего не бояться? Да это самое страшное, что я слышала в своей жизни.

Я подхожу ближе и протягиваю ей свою тетрадь.

– Вот, держи. И не смей кусать руку, которая пишет тебе конспекты по английской литературе, – предупреждаю я, притворяясь, что не видел ее слез.

Но Хартли быстро приходит в себя. Ее глаза еще красные, но уже сухие.

– Спасибо, – искренне благодарит меня она, забирая тетрадь.

Я придвигаю ближе еще один ящик из-под молока и переворачиваю его.

– Так, у тебя еще осталось время от перерыва? Потому что я хочу тебе рассказать кое-что совершенно сумасшедшее!

Она заправляет за ухо прядь волос.

– Да, у нас есть немного времени. В кафе все равно никого нет.

– И ты поэтому выглядишь такой расстроенной? – небрежным тоном спрашиваю я. – Потому что не получишь заветных чаевых?

– Я ничем не расстроена.

Мы оба знаем, что она лжет, но я держу язык за зубами. Не хочу заставлять ее рассказывать мне об их с сестрой разговоре – пусть уж лучше доверится мне, когда сама этого захочет.

Я притворяюсь, что размышляю.

– Ой, черт! Кажется, я понял, в чем дело. Ты думала о том, как сильно я тебе нравлюсь, о том, что упустила свой шанс со мной, и это разбивает тебе сердце.

Хартли начинает хохотать.

– Я упустила свой шанс с тобой? Хм, скорее, все в точности до наоборот.

– Детка, я-то стопудово ничего не упустил. – Я подмигиваю ей. – Ты

втрескалась в меня по самые уши. Мне достаточно щелкнуть пальцами – и сегодня вечером мы будем целоваться на твоём диване.

– Ха, да я, скорее, буду целоваться с тем фонарем. – Она показывает на фонарный столб у входа в переулок.

– Фу! А ты знаешь, сколько грязных рук лапали его?

– Да уж не меньше тех, что лапали тебя. – Она широко улыбается, довольная своим язвительным ответом.

– Неплохо. – Усмехнувшись, я поднимаю руку, чтобы она дала мне пять.

После долгой паузы Хартли наклоняется и хлопает своей ладонью по моей.

Ее глаза перестали блестеть, плечи расслабленно опустились. Я украдкой смотрю на ее профиль. Мягкий изгиб скулы, чуть выдающаяся вперед нижняя губа, ушко. Очень милое ушко.

– Так какую сумасшедшую историю ты должен был мне рассказать? – спрашивает Хартли.

Я театрально вздыхаю.

– Господи, ты даже знать не захочешь. Это жесть.

Кажется, мне удалось ее развеселить.

– Ого! Что ты сделал?

– Кто сказал, что я что-то сделал?

– Ну, я. – Она с вызовом поднимает бровь. – Так что ты сделал?

Я делаю глубокий вдох.

– Я напился в стельку и пообещал Фелисити, что буду притворяться ее парнем.

Над нами повисает тишина.

И тут Хартли начинает хохотать.

– Что? Но зачем?

– Зачем я согласился или зачем ей нужен бутафорский бойфренд?

– Зачем и то и другое?

– Короче, она хочет висеть на руке у одного из Ройалов, чтобы подняться вверх по социальной лестнице, пускать пыль в глаза на вечеринках, являясь вместе со мной.

– Ну, тут все понятно, – кивая, словно это все вполне логично, говорит Хартли. – А ты согласился, потому что...

– Ты не расслышала, что я говорил «напился в стельку»? Напившись, я творю немало глупостей, Хар-Хар.

Она продолжает смеяться и наклоняется вперед, хватаясь за живот.

– Боже, Истон! Ты просто бесподобен!

– Я говорил тебе то же самое.

– И что ты теперь собираешься делать? – сквозь смех спрашивает она, и я с удовлетворением замечаю, что с ее красивого лица исчезли все следы былой грусти. – Ты ведь не собираешься притворяться ее парнем?

– Нет, черт побери! Я уже сказал ей, что не буду этого делать. – Я кусаю губу. – Правда, она не позволила взять свое обещание назад. Сказала, сделка есть сделка.

Хартли фыркает.

Я машу рукой.

– Да и ладно, придумаю что-нибудь, чтобы отделаться от нее. Ты ведь не можешь *заставить* кого-то встречаться с тобой *силой*, да?

– Это ты так считаешь, – весело отвечает Хартли. – Но Фелисити Уортингтон немного... настойчивая.

– По-моему, ты должна была сказать «сумасшедшая».

– Нет, не сумасшедшая. Она просто очередная богатенькая стерва, которая знает, чего хочет.

И она хочет меня. Господи...

– Мне страшно, Хар-Хар. Обними меня.

Хартли снова фыркает.

Какое-то время мы оба просто молчим, но почему-то мне комфортно, хотя обычно я ненавижу тишину. Она заставляет меня нервничать, и я пытаюсь заполнить ее бесконечной болтовней. Но сейчас мне достаточно того, что я просто сижу рядом с Хартли и снова с восхищением разглядываю ее профиль.

Мне до смерти хочется спросить ее про сестру, но я понимаю, что нельзя. То, что мне чертовски любопытно узнать больше об этом разговоре в кафе, еще не значит, что я могу совать свой нос туда, куда не следует. Все-таки у меня есть сила воли и...

– Я видел тебя с сестрой, – вырывается из меня.

Да, вот вам и сила воли.

Хартли снова принимает закрытую позу.

– Что?

– Я зашел и увидел вас за столиком, – признаюсь я. – Сел недалеко и стал слушать.

– Ты... подслушивал? – негодование слышится в этих двух словах, а потом она просто взрывается. – Какого черта, Истон?!

– Прости. Не то чтобы я сделал это нарочно, – защищаюсь я. – Мне просто не хотелось мешать вашему разговору.

Хартли крепко сжимает зубы.

– Ты должен был дать знать, что пришел.

– Прости, – повторяю я.

В этот раз повисшая между нами тишина вызывает дискомфорт.

– Так что, твои родители выставили тебя из дома?

Она резко поворачивается и смотрит на меня с такой ненавистью, что по всему телу пробегает дрожь.

– По крайней мере, такое у меня сложилось впечатление от услышанного. Что случилось? Они поймали тебя, когда ты нюхала кокс или типа того? Попытались отправить тебя на реабилитацию? – О боже, зачем я продолжаю болтать? Она явно дала понять, что не собирается говорить со мной об этом.

– Все мимо, – бурчит Хартли.

– Ладно. Тогда что?

– У нас с папой возникли кое-какие разногласия, – загадочно отвечает она.

Я хочу знать больше. Мне *нужно* знать больше. Но Хартли крайне недоверчивая. Продолжив свои расспросы, я лишь еще больше отпугну ее.

Если честно, этим она напоминает мне Эллу. Когда та только приехала к нам, вытащить из нее какие-либо детали было практически невозможно. Она открылась, лишь когда поняла, что нам от нее ничего не нужно. По крайней мере, *мне* точно.

Я кое в чем еще опередил Рида: Элла заговорила со мной о своей работе стриптизершей гораздо раньше, чем с ним. Интересно, почему? Может... потому, что Элла никогда не видела во мне угрозу?

Я барабаню пальцами по коленям, обдумывая это, но внезапно на меня нисходит еще одно озарение.

Хартли как раз-таки видит во мне угрозу. Поэтому она всегда настороже.

Вдруг я вспоминаю, как она общалась с Брэном Мэтисом: сплошь одни улыбки и никакой враждебности. Но почему? Может, потому, что... он не шутил о том, как залезет ей в трусики? Я пообещал ей, что перестану приставать, что наши отношения будут чисто платоническими, но – как это происходит всегда – не сдержал слова.

Я тот еще козел.

– Знаешь, если хочешь, я посижу в кафе, пока ты работаешь, обсудим разные вопросы по английской литературе, если посетителей не будет.

Хартли недоверчиво смотрит на меня.

– Прости, что?

– Я сказал, если хочешь, я могу обсудить с тобой разные вопросы...

– Нет, я услышала тебя, – перебивает она меня. – Просто я не понимаю... Ты не собираешься расспрашивать о моем отце?

– Нет.

Она недоверчиво смотрит на меня.

– Почему нет?

– Потому что это не мое дело. Если захочешь рассказать мне о ваших с отцом разногласиях, то расскажешь. – Я пожимаю плечами. – Друзья не станут ничего вытягивать друг из друга клещами.

В этой фразе нет ни одного лживого слова, потому что, пока мы разговариваем, я сделал еще кое-какие выводы.

Хартли не будет спать со мной. Ее влечет ко мне – я это знаю точно, – но она не собирается идти на поводу у своих чувств. У нее есть то, чего мне, по мнению многих, недостает: самоконтроль. Она не станет спать со мной ни в кровати, ни на заднем сиденье моего пикапа, ни под трибунами школьного стадиона, и, по-моему, я наконец смирился с этим.

Но Хартли мне нравится. Я не хочу, чтобы она перестала разговаривать со мной, чтобы видела во мне угрозу.

Так что... мне пора прекратить обращаться с ней как с девушкой, которую я хочу трахнуть, чтобы она перестала опасаться меня.

Я должен обращаться с ней как друг, настоящий друг, который заботится о ней и которому необязательно спать с ней.

– В смысле, – угрюмо продолжаю я, – я всегда рядом, если захочешь поговорить об этом. А пока будем обсуждать что-нибудь другое. Лады?

Хартли на несколько секунд задумывается. Потом открывает рот и бормочет:

– Лады.

Глава 16

– Нет, серьезно? Ты полностью изменил свое расписание? – спрашивает Элла на следующее утро.

Я захлопываю дверцу шкафчика и ухмыляюсь ей.

– Нет, математика осталась.

Она смотрит на меня с открытым ртом.

– Но все остальные предметы поменялись?

– Типа того.

– И Берингер *согласился*?

– Ага.

– Он был под кайфом?

– Откуда мне знать?

Элла вырывает из рук мое новое расписание. Миссис Джи распечатала его, когда я заскочил к ней после тренировки.

– Но это же глупо! – сердито восклицает Элла. – Чтобы окончить школу, ты должен пройти определенные предметы, Истон. Здесь только один языковой курс, а тебе в этом семестре нужно два. И ты выбрал государственное управление! Оно было у тебя в прошлом году! Почему они разрешили тебе снова посещать его?

– Я соглашусь с твоей теорией: вероятно, они были под кайфом.

Элла припечатывает лист бумаги к моей груди.

– Это расписание Хартли Райт, да?

– Да, и что? – Это не такой уж секрет, на прошлой неделе я уже всем рассказал, почему буду ходить на другие предметы.

– Значит, ты не собираешься оставлять ее в покое?

– Никак нет.

– Но... она же яснее ясного дала понять, что не хочет встречаться с тобой.

– Я знаю, и это меня абсолютно устраивает. Мы с ней лучшие друзья, Элла. Так что ни о чем не волнуйся.

Но Элли ничем не пронять.

– Что ты задумал?

– Ничего дурного, сестренка. – Я закидываю руку ей на плечо.

Она вздыхает.

– У меня плохое предчувствие.

Ее скептицизм уже начинает меня раздражать.

– Почему? Неужели так трудно поверить, что я не сделаю Хартли ничего плохого?

– Да, трудно. Ты знаешь, как сильно я люблю тебя, Истон, но... ты принимаешь решения, руководствуясь лишь своими чувствами, а не чувствами других.

– Да ладно тебе. Я не настолько плохой, – отшучиваюсь я.

Но Элла в ударе.

– Так все отрицаешь? Отрицаешь, что спал с девушками своих братьев? Что однажды рассказал мне...

Обидевшись, я убираю руку с ее плеча и замедляю шаг.

– Я нассал тебе в кашу этим утром? С чего ты накинулась на меня?

– С того, что я переживаю за тебя. Когда ты причиняешь боль другим, это оставляет шрамы и в твоём сердце. – Выражение ее лица смягчается. – Я хочу, чтобы ты был счастлив. А Хартли, кажется, не сделает тебя счастливым.

– Знаешь, может, ты будешь заниматься своими делами и переживать о том, хранит ли тебе верность Рид в своём колледже? – огрызаюсь я.

И злость тут же сменяется сожалением, когда я замечаю обиду на лице Эллы.

– Черт, прости. Говорить так – настоящее свинство. Рид боготворит даже землю, по которой ступает твоя маленькая ножка. – Я ерошу ей волосы. – Но, слушай, я серьезно. У нас с Хартли все нормально. Ей нужен друг, и по какой-то мне самому неизвестной причине я хочу быть этим другом. Я не собираюсь причинять ей боль, и она не собирается причинять боль мне.

Но Элле это не убеждает.

– Как скажешь.

– Ну что, мир?

Элла кивает мне и обнимает рукой за талию.

– Я хочу, чтобы ты был счастлив, – говорит она, уткнувшись мне в грудь.

– Я уже счастлив, – отвечаю я и спешу сбежать в свой класс.

Мне не особо нравится анализировать свои поступки. Рид и Гидеон, наоборот, что-то прикидывают, взвешивают, оценивают. Я же предпочитаю действовать и не задумываюсь, как все обернется. Наверное, потому что в большинстве случаев все складывается хорошо. Ну а если нет... что ж, всякое бывает.

Просто если я буду слишком заморачиваться по поводу всякой фигни, которая вдруг пошла не так, то в итоге снова подсяду на таблетки, как в

пятнадцать, и погружусь в депрессию, которая прибрала к рукам маму и не хотела отпускать.

Если бы дружба с Хартли заставила меня нырнуть в омут эмоций, который поглотил бы меня целиком, я бы отступил. Но когда мы вместе, мне хорошо. Она веселая, не выносит мне мозг, и... я чувствую, что нужен ей.

Если честно, во мне никто никогда особо не нуждался. У Эллы был Рид. У мамы – таблетки и алкоголь. У отца – работа.

Хартли же одна. И что-то такое в ее одиночестве цепляет меня.

Но я не хочу париться об этом, поэтому – что совершенно мне не свойственно – с головой окунаюсь в учебу все четыре следующих урока. Отвечаю на вопросы. Высказываю предположения. Участвую в дискуссиях. Мои одноклассники и учителя в полнейшем шоке.

– Ты пьян? – шепчет мне Хартли во время урока по государственному управлению.

Я закатываю глаза.

– А ты?

Подруга озадаченно морщит лоб. И не одна она.

– Что это ты? – спрашивает Паш, когда мы идем на ланч после английской литературы. – Твой старик насел на тебя?

– Не, готов поспорить, он задумал что-то серьезное. Тебе нужна легенда, верно? – высказывает свое предположение Оуэн, тоже чувак из нашей команды.

– А что, ученик не может просто так ответить на вопрос учителя?

Паш и Оуэн в унисон качают головами.

– Что бы ты ни затевал, можешь на меня рассчитывать, – объявляет Паш.

Парни дают друг другу пять в знак одобрения и убегают: наверное, чтобы пустить слух, что я замыслил дерзкую авантюру.

Пусть гадают, какую именно. Потому что реальный ответ – что я стараюсь не думать о чувствах, которые вызывает во мне эта девчонка, – прозвучал бы вообще отстойно, выскажи я его вслух.

И, естественно, войдя в столовую, я тут же натыкаюсь на Хартли. Она проходит мимо, неся поднос с целой горой еды, явно предназначенной не для одного человека. Я с подозрением оглядываю зал, чтобы убедиться, что рядом с ней никто не отирается. Да, никого, за исключением меня. Но я единственный, кому можно следить за Хартли Райт. Только так и не иначе.

– Не нужна помощь?

Хартли вскидывает голову от неожиданности, и поднос опасно

кренится. Я успеваю подхватить его, пока паста, сэндвич и три банана не оказались на полу.

– Все нормально, я сама. – Она хочет забрать поднос, но я отодвигаю его в сторону, а потом кричу Пашу: – Возьми мне порцию карри!

Он показывает мне поднятый вверх большой палец. Так, одно дело сделано, теперь нужно найти свободный стол. Обычно я сижу с Эллой, Вэл и еще с кем-нибудь из друзей, но сегодня мне больше не хочется находиться под цепким взглядом сестренки и отвечать на ее назойливые вопросы.

Я замечаю пустой стол в самом углу зала, за которым никто не хочет сидеть. А все дело в очередной «блестящей» идее школьной администрации: они задумали посадить растения, чтобы оживить это место и добавить красок. Но вот только в прошлом семестре этот угол кишел клопами, и теперь все боятся садиться туда. Но Хартли тогда еще не было здесь, и она ничего не знает.

– Правда, я могу сама его понести, – настаивает она.

– Знаю. – Я продолжаю идти до самого столика, ставлю на него поднос и отодвигаю для нее стул. – Но теперь мы лучшие друзья, а они всегда едят вместе. Это закон. Оглянись. – Я обвожу рукой столовую, где наши одноклассники сидят вдвоем или компаниями. – Мы стадные животные. Нам нравится быть вместе.

Хартли, почесав шею, настороженно смотрит на меня.

– Я, наверное, принадлежу к одиночкам.

– Вот и здорово. Тогда будем поодиночке вдвоем. – Я расслабляю узел на галстуке. Ничего из моей школьной формы – ни брюки, ни даже пиджак – не бесят меня так, как чертов галстук.

– Вот твой ланч. – Рядом с Хартли появляется Паш и ставит поднос на стол. – Почему мы не садимся? Что-то не так?

И тут он переводит на меня встревоженный взгляд.

– Погоди, клопы вернулись?

– Какие клопы? – спрашивает Хартли.

Глядя на Паша, я провожу рукой поперек шеи, чтобы он даже не думал развивать тему клопов, но тот даже не обращает на меня внимания.

– Терпеть не могу этих долбанных тварей. Так что, если вы собираетесь сидеть с этими клопами, я оставляю вас.

Он убегает, прежде чем я успеваю объяснить ему, что к чему. Ну и ладно, так даже лучше.

– Что за клопы? – снова спрашивает Хартли.

– Ты их боишься? Я убью их ради тебя.

– Я сама могу справиться с клопами, спасибо.

– Отлично. Я ненавижу их. Официально назначаю тебя убийцей клопов. Но не волнуйся, здесь нет никаких насекомых. – По крайней мере, я на это надеюсь.

Едва мы занимаем места за столом, как из другого конца столовой меня радостно окликают.

– Истон! Вот ты где!

Все мигом оборачиваются на Фелисити, которая, качая бедрами, идет ко мне и громко восклицает:

– Спасибо, что занял мне место!

Она наклоняется и целует меня в щеку. Все дружно ахают, в столовой на секунду повисает тишина, которая тут же сменяется гулом: сарафанное радио начинает работать на полную мощность. Проклятье! Опять двадцать пять. Прошлым вечером Фелисити закидала меня сообщениями, но я не ответил ни на одно, надеясь, что, если не обращать на нее внимания, она отстанет.

Видимо, зря.

Хартли, сидящая напротив меня, поджигает губы, как будто изо всех сил стараюсь не рассмеяться. Я ужасно рад, что рассказал ей о сумасшедшей идее Фелисити имитировать отношения, иначе грандиозное появление последней спугнуло бы ее.

– Ничего я тебе не занимал. – Я скрещиваю руки на груди и стараюсь принять угрожающий вид.

Но Фелисити будет похлеще броненосца. Она заливается смехом и опускается на стул рядом со мной.

– Еще как занимал. – Она поворачивается к Хартли. – Мы еще толком не познакомились. Я Фелисити Уортингтон.

Хартли кивает.

– Хартли Райт. – Она протягивает руку Фелисити, но та как настоящая стерва игнорирует этот жест.

– Я девушка Истона. Мы начали встречаться в конце недели.

– Фелисити, – рычу я.

– Что? – Она невинно хлопает глазами. – Я не знала, что мы должны хранить это в тайне.

Кусая нижнюю губу, я умоляюще смотрю на Хартли. *Ради бога, помоги мне! Вытащи меня из этой переделки!*

Но маленькая ведьма делает совершенно противоположное.

– Ух ты! Я так рада за вас, ребята! – восклицает она. – Новые отношения – это всегда так здорово, правда? Первое время все кажется

таким радужным, идеальным и вы не можете оторваться друг от друга! Разве это не супер?

Я никогда еще не слышал, чтобы она так много говорила. Жаль, все это лишь показное.

Хартли широко улыбается мне. Я пытаюсь просигнализировать ей взглядом, что после ланча она труп.

– Супер! – соглашается Фелисити и, чтобы доказать это, придвигается ближе и кладет голову мне на плечо.

Я самым нахальным образом отодвигаюсь от нее вправо. Фелисити валится и чуть не ударяется головой о стол, но успевает удержать равновесие.

– Вы так здорово смотрите вместе, хоть в рекламе снимай. О, погодите, у меня есть идея! – Хартли разворачивается на стуле и притворяется, как будто выискивает кого-то. – Кто делает снимки для альбома выпускников? Надо увековечить ваш первый совместный ланч.

Никто ей не отвечает. Она пожимает плечами и достает свой телефон.

– А давайте я вас сфотографирую, а потом перешлю тем, кто занимается альбомом?

Хартли наводит на нас камеру.

Если бы в столовых можно было душить девчонок, мои руки уже давно сжимали бы горло Хартли. Но Фелисити вдруг плюхается ко мне на колени, и я вынужден использовать руки для других целей – сдвинуть ее на соседний стул, – прорывав:

– Никаких фоток!

Хартли делает вид, будто обдумывает это.

– Ты прав. Это будет ваша первая фотография, и пусть лучше ее сделает профессиональный фотограф. Первый раз бывает лишь однажды.

– Ты хочешь умереть, да? – с угрозой спрашиваю я Хартли.

Фелисити же покровительственно улыбается ей.

– Вижу, ты пытаешься скрыть свою ревность за этой фальшивой радостью, и хочу предупредить тебя. Мы с Истоном – пара. Тебе придется смириться с этим. Ну а пока, если хочешь кого-то пожалеть, то иди утешь Клэр.

Мы втроем поворачиваемся к Клэр, сидящей за два столика от нас с выражением глубокого отчаяния на лице. Я смущенно отворачиваюсь. Хартли тоже отводит глаза.

Зато Фелисити не перестает лучезарно улыбаться.

– О, это же наш новый квотербек! – Она машет рукой. – Брэн! Брэн, сюда!

Брэн машет ей в ответ и направляется к нам.

– Привет, спасибо, что пригласили, – говорит он, опуская свой поднос напротив моего. – Я не знал, куда сесть.

– Вон там стол футболистов. – Я указываю вилкой на две больших группы парней рядом с окном.

– Я вижу их каждое утро, – отвечает Брэн. – По-моему, этого более чем достаточно.

Что тут скажешь, когда я и сам редко обедаю с ними.

– Это все очень здорово, – объявляет Фелисити. – А чем занимается твоя семья, Брэн?

На его лице появляется озадаченное выражение.

– Э-э, не совсем понимаю, о чем ты.

– Она хочет знать, на какой ступени социальной лестницы находится твоя семья. Другими словами, достаточно ли ты богат, чтобы разговаривать с тобой, – объясняю я.

Фелисити закатывает глаза.

– Все совершенно не так, Истон. – Но ее показной образ скромницы рушится, когда она повторяет: – Так чем занимаются твои родители?

– Мой папа – бухгалтер, а мама – учительница в начальной школе Беллфилда.

– О, ну, это... – Фелисити ищет подходящее определение, потому что на самом деле она в ужасе.

– Рядом с Артуром Флемингом есть свободное место. – Я показываю на тощего парня с темными волосами, в круглых хипстерских очках. Флеминги владеют крупной компанией по производству замороженных продуктов. – Слышал, у него нет девушки.

– Спасибо, но мне и так хорошо, – сухим тоном отвечает Брэн.

– Он обращался ко мне, пупсик. – Фелисити похлопывает Брэна по руке, а потом поворачивается ко мне. – Какое мне до этого дело, если у меня есть ты, Истон Ройал?

Хартли хихикает, но быстро прикрывает рот рукой, притворяясь, что закашляла.

– Как первые уроки? – спрашивает она у Брэна.

Он благодарно улыбается ей.

– Нормально, но я в шоке от объема домашней работы. В моей старой школе в Беллфилде никогда так много не задавали.

– Точно! – стонет Хартли. – Мне нужно сдать большую письменную работу через три недели и еще составить план для проекта по химии. Не хочу делать все это в последнюю минуту.

Брэн сочувственно кивает.

– В прошлом году у меня была лабораторная работа по химии. Могу поделиться с тобой своими записями...

– Элла! Вэл! – я машу рукой девчонкам.

Под моим убийственным взглядом Брэн умолкает. Знаю я, к чему приведут все эти разговоры, и нужно срочно пресечь это. Брэн даст свои конспекты Хартли, а потом окажется в ее маленькой квартирке на диване. Потом их губы встретятся, а я вышибу дверь и сломаю руку нашему новому квотербеку.

Пусть я смирился с тем, что у нас с Хартли не будет секса, но это не означает, что я хочу, чтобы он был у них с Брэном Мэтисом.

К счастью, к нашему столику подходят Элла и Вэл, и с их появлением тема разговора меняется.

– Почему мы сегодня сидим здесь? – спрашивает Вэл. – По-моему, наш обычный столик возле окна?

– Там мало места, – отвечаю я, ногой отодвигая для нее стул.

– Да полно там...

– Здесь тише, – перебивает ее Элла. – Думаю, поэтому Истон и решил сесть тут. Да, Ист?

Я закатываю глаза. С каких пор мне нужно объясняться перед ними?

– Да.

– Как здорово, что вы решили сесть с нами, – говорит Фелисити, но ее натянутая улыбка свидетельствует об обратном.

Я вспоминаю о ее недвусмысленном заявлении, что она с легкостью сможет разобраться с Эллой, и хмурюсь. Если Фелисити решит нагадить кому-то из моей семьи, я в долгу не останусь.

Брэн и Элла вместе ходят на испанский и сразу же начинают болтать. Хартли и Вэл принимают обсуждать макияж последней.

А я остаюсь сидеть с Фелисити, которая тянет меня за рукав:

– Давай сегодня сходим куда-нибудь!

– Нет.

– Почему?

– Потому что я не хочу.

– Но мы же типа пара, – шипит она.

– Никакая мы не пара, – бурчу я в ответ.

– Ты согласился!

– Ты не можешь требовать от меня держать обещание, которое я дал, будучи в стельку пьяным!

Хартли бросает на нас взгляд.

– Эй, голубки, у вас все в порядке?

Вэл едва слышно фыркает, Элла лишь вздыхает. Я уже рассказал им обоим, почему Фелисити говорит всем, что мы встречаемся.

– У нас все отлично, – уверяет всех Фелисити, как будто кому-то есть дело до того, в порядке ли «мы». – Просто не можем решить, где провести сегодняшнее свидание.

Я сжимаю зубы так сильно, что аж челюсть сводит.

– Знаете, куда вам точно стоит пойти? – спрашивает Вэл.

Я угрожающе смотрю на нее, предостерегая продолжать это безумие.

– Никуда, – сквозь зубы бурчу я. – Мы никуда не пойдем.

Но Вэл не обращает на меня внимания и говорит:

– На пирс!

– А что там, на пирсе? – с любопытством спрашивает Брэн.

– Аттракционы, игровые автоматы, ресторанчики, – отвечает Вэл. – Там весело.

– Я слышала, что там крутой дом с привидениями, – добавляет Элла.

Я бросаю на нее убийственный взгляд. *Ей-то что за радость?* Она ненавидит Фелисити!

– Хартли, а что ты собираешься делать сегодня вечером? – спрашивает Фелисити, немало удивляя меня.

Хартли, по-видимому, изумлена не меньше моего.

– Заниматься, наверное.

– Ох, учеба – это так скучно! – Фелисити сладко улыбается. – Похоже, мы с Истоном планируем тусовку на пирсе. Вы с Брэном тоже должны прийти.

– А что, отличное предложение, – говорит Брэн и толкает плечом Хартли. – Что скажешь? Хочешь прокатиться на колесе обозрения?

О черт! Только не это.

Глава 17

– Будет весело, правда? – щебечет Вэл вечером этого же дня. – Мы часто обедаем на пирсе, но в парке аттракционов я не была, наверное, вечность.

– Если под словом «весело» ты понимаешь что-то получше седьмого круга ада, то да, повеселимся как следует. – Я сверлю взглядом спины Хартли и Брэна, которые стоят у билетного киоска.

Брэн пытается заплатить за Хартли, но она упрямо качает головой.

Во мне брезжит маленький лучик надежды потому, что Хартли отвергла предложение Брэна заплатить. Если бы он ей нравился, она позволила бы ему купить ей билеты, правда? Обычно это так и работает. Девчонки хотят, чтобы парни им что-то покупали. Если твой подарок не принимают, значит, ты неинтересен.

Хартли выигрывает спор и платит сама за себя.

Я протискиваюсь к киоску, протягиваю свою кредитку и показываю на Эллу с Вэл:

– Плачу за этих двух.

– А как же я? – пронзительно вскрикивает моя типа «девушка».

Я кидаю ей через плечо.

– У твоего отца автозавод. Ты в состоянии заплатить за себя сама.

– Истон! – в изумлении восклицает Элла.

– Что? Тащиться сюда было не моей идеей.

Я забираю карту, билеты и прохожу через турникет. Может, Фелисити решит, что лучше не связываться с таким козлом, как я, и прекратит наши бутафорские отношения.

Что ж, мечтать не вредно, но я согласился на это «свидание» по одной простой причине: попытаться образумить Фелисити и убедить ее оставить меня в покое ко всем чертям.

– Я ожидала от тебя большего, Истон! – обиженно пыхтит Фелисити, догоняя нас в парке.

Ее светлые с рыжиной волосы заплетены в длинную косу, на ней бежевое платье-рубашка и телесного цвета туфли с семисантиметровыми каблуками. Не самый подходящий наряд для аттракционов.

– Не стоило. Тогда бы тебя не настигло разочарование.

Филисити поджимает губы в тонкую линию, как всегда, когда она вне себя от бешенства.

– Мы с тобой еще поговорим об этом.

– Пас. – Пусть лучше меня целый час избивает охранник подпольного казино на Салем-стрит.

– Отличная кофта, – говорит Элла Хартли, когда мы подходим к ней и Брэну.

Я замечаю, что на них одинаковый укороченный белый свитшот с полосками вдоль расклешенных рукавов. Только на Хартли джинсы скинни, обтягивающие ее классную попку, а на Элле синяя мини-юбка.

Хартли улыбается.

– Купила на распродаже.

– Я тоже!

И вот они уже лучшие подруги. Если бы я знал, что этого достаточно, то уже давно ходил бы в белом кроп-топе. Я не боюсь лишний раз сверкнуть своими кубиками.

– Кто что будет пить? – спрашиваю я у нашей компании.

– Я буду диетическую колу, – объявляет Фелисити. – И замороженный банан, но без шоколада и орехов.

– Значит, банан.

– Только замороженный!

Я даже не спору.

– Брэн?

– Да мне все равно. Пусть будет кола.

Наверное, он, как и я, предпочел бы сейчас выпить пива, но мы еще несовершеннолетние, а на пирсе очень строгие правила.

– А ты, Хар-Хар?

Фелисити морщится, услышав это прозвище.

– Мне ничего не надо, – качает головой Хартли.

– Уверена? Я не каждый день предлагаю заплатить, – отшучиваюсь я. В первую очередь мне хотелось купить что-то Хартли, потому я и предложил всем.

– Я буду апельсиновый флоат со взбитыми сливками, – отзывается Элла. – Вэл?

– А мне флоат с рутбиром. И еще фанел-кейк с клубникой.

– Я бы тоже не отказался от фанел-кейка, – подает голос Брэн.

– Брэн, поможешь мне?

Заказов оказалось больше, чем я ожидал. К тому же мне совершенно не хочется оставлять его одного с Хартли.

– Не вопрос.

Мы подходим к торговой палатке, и я покупаю три фанел-кейка,

замороженный банан – без шоколадной глазури у них нет – и шесть длинных корн-догов.

– Мы собираемся накормить армию? – шутливо спрашивает Брэн.

Может, он и вздыхает по Хартли, но с наблюдательностью у него туго. Когда Элла озвучивала свой заказ, Хартли облизывала губы. Когда я увидел ее язычок, у меня подогнулись колени. Жаль только, она изголодалась не по мне.

– Ярмарочной еды много не бывает.

– Твоя правда.

Пока мы ждем у прилавка, Брэн засовывает руки в карманы и смущенно обращается ко мне:

– Ройал, давай начистоту: ничего, что я пришел с Хартли?

Я застываю. То, каким тоном он это говорит... Неужели он думает, что у них свидание? Или так оно и есть? Они приехали не вместе, это точно: Хартли – на автобусе, Брэн – на своем «додже». Но это ничего не значит. У них было полно времени после школы, чтобы обо всем договориться.

Интересно, у него есть ее номер телефона?

Ревность сжигает меня изнутри. Черт, ему же лучше, если это не так.

– Да мне вообще все равно, – удается выдавить мне из себя самым равнодушным тоном.

Брэн пожимает плечами.

– Просто ты так заботишься о ней.

– Мы друзья. Я забочусь обо всех своих друзьях.

– Я – тоже. – Он улыбается, полагая, что и я улыбнусь в ответ, но мне сейчас совсем не до улыбок.

– Хартли тебе нравится? В смысле, серьезно нравится?

Брэн – порядочный парень, плюс ко всему игрок нашей футбольной команды, но это не значит, что ему позволено подбивать клинья к моей девочке.

– Наверное. Она классная.

– В последний школьный год тебе лучше ни с кем не встречаться, ваши отношения все равно долго не протянут, – советую я ему.

Брэн выгибает бровь.

– Ты пишешь колонку в журнале на стороне, Ройал?

Трудно не покраснеть, но я справляюсь. Годы наплевательского отношения на общественное мнение помогают.

– Да, называется «Чувак, который знает лучше меня». Я хочу помочь тебе не остаться в дураках.

– То есть ты хочешь сказать, что, ухаживая за Хартли, я выставлю себя

на посмешище?

– Я лишь хочу сказать, что романтические отношения ей неинтересны.

– Все равно рискну. – Он берет фанел-кейк. – Но спасибо за совет.

Мне нечего ему ответить, и, пока мы идем обратно к девчонкам, я молчу. В нашей компании заметно прибыло, но почти все – друзья Фелисити.

– Кажется, сюда привалил почти весь выпускной класс, – замечает Вэл, когда я начинаю раздавать еду.

Фелисити приглаживает свои волосы.

– Наверное, прошел слух, что я здесь.

Я смотрю на нее, пытаюсь понять, шутка ли это. Но нет, она говорит это на полном серьезе. Оглядываясь по сторонам, я пытаюсь понять, заметил ли кто-то еще ее манию величия. Но Элла и Хартли заняты едой, а подружки Фелисити кивают с таким видом, как будто услышали пророчество оракула.

Когда с едой покончено, Брэн предлагает покататься на аттракционах.

– Я обожаю колесо обозрения, – признается Хартли. – Хотя, по-моему, не была на нем лет с двенадцати.

– Аттракционы для маленьких, – вмешивается Фелисити. – Может, выиграешь мне приз?

– А игры не для маленьких? – парирую я.

– Давайте проведем состязание в стрельбе, – предлагает Тиффани, одна из подружек Фелисити. – Парни смогут выиграть нам все призы.

Фелисити хлопает в ладоши.

– Точно! Давай же, Истон. Заодно загладишь вину за свою выходку с входным билетом.

Повиснув на моем локте, она тянет меня в сторону игровых палаток.

– Эй, Хартли, – говорит Брэн, – хочешь, я тоже выиграю что-нибудь для тебя?

– О нет. Мне ничего не нужно, – отказывается она.

Чертовски верный ответ. Если кто-то и должен выиграть приз для Хартли, то только я. Она моя подруга.

– А может, мы сами выиграем себе призы? – сухим тоном спрашивает Элла.

Фелисити и другие девчонки громко высказывают свое недовольство, но Хартли поднимает большие пальцы вверх. Они с Эллой и Вэл отделяются от компании и идут к палатке, где какой-то осел предлагает угадать вес. Мне кажется, это как-то невежливо.

Я уже собираюсь идти за ними, как на моей руке снова повисает

Фелисити.

– Это мне уже начинает надоедать. – Я выразительно смотрю на ее пальцы.

– Что?

Осторожным, но твердым движением я высвобождаюсь из ее хватки.

– И как долго ты собираешься продолжать этот цирк?

Она упирает руки в бока.

– Понятия не имею, о чем ты.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не закричать от досады.

– Фелисити, послушай меня. Я был пьян, когда согласился на твое предложение. На следующее утро я даже не помнил, что мы вообще виделись.

– Но мы виделись, и ты сказал, что будешь моим парнем, так что хватит, Истон Ройал, все так и будет.

– Но ты же хорошая девушка. Тебе не нужен такой бутафорский бойфренд, как я. Я ужасный человек, да к тому же еще и чертовски ленивый. Тебе лучше найти того, кто будет по-настоящему ухаживать за тобой.

Фелисити скрещивает руки на груди. Ха. Я раньше не замечал, какая у нее грудь. Наверное, потому, что в этом не было нужды.

– Нет, – говорит она.

– Нет?

– Нет. Я уже всем объявила, что мы пара. Значит, мы пара. Плевать я хотела, что ты невоспитанный грубиян. Из-за твоего поведения все только начнут относиться ко мне с симпатией.

Мать честная! У нее явно что-то не так с головой.

– Я не собираюсь потакать тебе. И точка. Честно, уже не знаю, что сделать, чтобы ты наконец поняла. Эта игра не для меня.

– Нет, ты будешь и дальше притворяться моим парнем.

Я отхожу от нее. Пора заканчивать этот разговор.

– А если не станешь, – добавляет Фелисити, – я превращу жизнь Хартли в ад.

Я прикусываю язык, умоляя бога дать мне еще немного терпения. В конце концов, я сам согласился на этот идиотский фарс, даже если почти ничего об этом не помню.

Придется снова подойти к ней и воззвать к ее здравому смыслу.

– Давай проявим благоразумие. Почему бы тебе просто не бросить меня? Ты можешь сказать, что я изменил тебе, или что я слишком тупой, чтобы тратить на меня свое время, или что в постели я не очень. Придумай

любую ложь, а я поддержу тебя.

– Нет.

Р-р-р! Я в секундах от того, чтобы пробить кулаком ближайшую стену. Эта девчонка больная на всю голову!

Ну, раз она не собирается сдаваться, я тоже в долгу не останусь.

– Попытаешься хоть как-то навредить Хартли – будешь просить о пощаде в тот же день, – предупреждаю я ее.

Но, вместо того чтобы испугаться, Фелисити самодовольно улыбается мне.

– А когда я закончу с Хартли, то займусь Эллой.

Я усмехаюсь. Опять? Фелисити никогда не удастся взять верх над Эллой. Элла уже выиграла битву у самой дрянной девчонки академии «Астор-Парк» – Джордан Каррингтон.

– Мне плевать на те игры, в которые ты играешь, детка. И к тому же Элла легко с тобой справится.

– Еще посмотрим. – Все с той же нахальной ухмылочкой Фелисити возвращается к своим подружкам.

Поддавив стон, я засовываю руки в карманы и наблюдаю, как играют мои одноклассники. Брэн выбрал баскетбол и забрасывает мячи один за другим. Вокруг него собралась группа поддержки из нескольких девчонок.

Хм.

Это явное восхищение новеньким спортсменом «Астора» подкидывает мне одну идею.

Если Фелисити хочет оказаться на вершине социальной лестницы, Брэн для нее – самый разумный выбор. Он не из богатой семьи, но зато симпатичный, а самое главное, Мэтис – квотербек нашей команды. Все любят квотербеков. Черт, да даже Хартли считает его классным. Мне лишь нужно убедить Фелисити, что Брэн – партия получше, чем я.

А еще если Брэн начнет встречаться с Фелисити, то будет держаться подальше от Хартли, и это только плюс.

Нет, не подумайте, никаких скрытых мотивов у меня нет.

Я быстро подхожу к автомату с аркадной игрой рядом с Брэном, засовываю деньги и начинаю стрелять. Это довольно просто. Вскоре вокруг меня тоже собирается небольшая стайка болельщиц. Брэн останавливается, чтобы понаблюдать за моей игрой, и я начинаю действовать.

– Давай заключим пари, а, Мэтис? – закидываю я удочку.

Он клюет, как я и предполагал. Брэн спортсмен, а значит, в нем бурлит дух соперничества.

– Не вопрос! На что будем спорить?

– Если я выиграю, ты покупаешь билеты на аттракционы всем нашим. Если проиграю, то билеты покупать мне.

– Нас здесь двадцать три, – раздается тихий голос Эллы. – Это обойдется примерно в тысячу долларов.

Я даже не заметил, как она подошла ко мне. Вэл и Хартли тоже вернулись, и, когда я смотрю на них, в их глазах заметна тревога.

– Знаю, – отвечаю я. – Мелочь какая-то.

Детишки из «Астора» дружно кивают, но Брэн – всего лишь сын учительницы и бухгалтера. У него нет трастового фонда, и ему не выдают каждый месяц по несколько тысяч на карманные расходы.

Он бледнеет, и я понимаю, что прав.

– Хм, ну ладно, давай. – Гордость не позволяет ему отступить.

Я похлопываю его по плечу, потому что он ничем не рискует и ему не придется платить. Я собираюсь поддаться ему.

– Вот и отлично.

Фелисити восторженно хлопает в ладоши.

– Я хочу вон ту большую панду. – Она показывает на огромные мягкие игрушки, которые мы могли бы купить за пять баксов в тех местах, куда Фелисити отправилась бы лишь через собственный труп.

Жаль, что ей придется разочароваться.

Мы начинаем стрельбу. В первом раунде я стараюсь пробить как можно больше корзин. Нужно, чтобы мой проигрыш выглядел реалистично. Но Брэн, похоже, не стремится следовать моему плану. От мысли о том, что ему придется покупать столько билетов, у него сдают нервы, и это странно, потому что на футбольном поле он всегда само спокойствие. Мэтис все больше промахивается, и мой рекорд остается на первой строчке, даже когда я притворяюсь, что у меня сбился прицел.

В третьем раунде он начинает набирать обороты, но уже слишком поздно. Звенит звонок, я выигрываю.

Блин!

– Давай еще раз, удвоим ставки, – брякаю я.

– Нет, сойдет и так, – отвечает Брэн, его лицо приобретает зеленоватый оттенок.

– Так и знала, что ты выиграешь, Истон! – чуть ли не захлебываясь от радости, восклицает Фелисити. – Благородный рыцарь всегда одерживает победу.

Я знаю, что Элла разочарована, но что действительно убивает меня, так это отвращение во взгляде Хартли. Элла поверит в мои объяснения, что я старался смошенничать, чтобы выиграл Брэн и билеты пришлось бы

покупать мне. Но Хартли вряд ли убедить в этом. Она и так уже считает меня подонком.

Я в смущении достаю кошелек.

– Это был глупый спор. Я куплю билеты.

– Нет, мужик. Пари есть пари. А я человек слова. – Заметно нервничая, Брэн уходит покупать билеты.

Кто-то из наших товарищей по команде хлопает его по спине, когда он проходит мимо.

– Вот это наш квотербек!

– Черт, – шепчу я себе под нос.

Элла хватается меня за руку и оттаскивает в сторону.

– Останови его, – умоляет она.

– Не могу. Если билеты куплю я, он потеряет уважение всей нашей команды.

– Вы, парни, такие идиоты!

У Эллы такой вид, как будто она хочет влить мне пощечину. Если честно, мне бы это не помешало.

Брэн возвращается с билетами и раздает их всем. Я стою в стороне и жду. Когда Мэтис доходит до меня, снова предлагаю заплатить за билеты.

– Я играл в эту игру кучу раз с братьями, так что могу стрелять по мишеням с закрытыми глазами. Позволь мне заплатить, ладно?

Брэн фыркает.

– Так ты подставил меня?

– Не совсем так. – Но звучит неубедительно, потому что я действительно *подставил* его, только вышло все не так, как мне думалось.

– Я думал, мы играем за одну команду, – тихо произносит Брэн. – Но спасибо, что сразу показал мне свое истинное лицо. Теперь я знаю, каковы правила.

Он бросает билет мне на ладонь и уходит.

– Какой же ты козел!

Я поднимаю голову и вижу Хартли. Ее серые глаза похожи на две гроззовые тучи.

От огорчения сжимается горло. Я тяжело вздыхаю, а потом показываю ей жестом идти за мной. Удивительно, но она подчиняется.

– Все не так, как выглядит на самом деле, – понизив голос, говорю я ей. – Я хотел проиграть и заплатить за билеты.

Она с отвращением качает головой.

– Ну да, Истон, конечно.

– Это правда!

– Ага. Зачем тогда ты вообще решил играть в эту дурацкую игру? Почему просто не взял и не купил билеты?

– Хотел выставить Брэна в лучшем свете перед Фелисити.

– Что? – Хартли хмурится.

– Я подумал, что если ей понравится другой парень, то она забудет про свою глупую идею встречаться со мной. – Господи, теперь, когда я объясняю свое поведение вслух, эта затея кажется совершенно нелепой. – Послушай, я совершил ошибку. У меня и в мыслях не было оставить Брэна без гроша в кармане.

Хартли изучает мое лицо, кажется, целую вечность.

– Ты правда не хотел специально его подставить?

Я с горестным видом качаю головой. До меня доходит, что я веду себя как Фелисити. Не оставляю Хартли в покое, хотя она просит об этом. Я думаю только о себе. Мои идиотские, импульсивные поступки заставляют страдать других.

Вообще-то, это не очень похоже на Фелисити. Она коварная интриганка. Я же лишь хочу весело проводить время.

Но не за счет других.

– Ох, Истон. – Сколько же разочарования в этих двух словах!

– Знаю. – Я выпрямляюсь. – И поэтому должен все исправить.

– Но как?

– Понятия не имею. Ты мой лучший друг. Может, поможешь? – Я умоляюще смотрю на Хартли.

К моему удивлению, она подходит ближе, сжимает мою руку и говорит:

– Мы что-нибудь придумаем.

И на этом сюрпризы не заканчиваются – Хартли быстро чмокает меня в щеку. Может, я все-таки не двойник Фелисити. Я нравлюсь Хартли, а она чертовски порядочный человек.

От этого секундного физического контакта мое тело словно воспаряет к облакам. «Так, спокойно», – приказываю я себе. Мы с Хартли друзья, а значит, никакого радостного возбуждения во всяких неприличных местах.

– Идем? – спрашивает она, шагая вперед.

В голове тут же выскакивает пошлый ответ, но в этот раз моим мозгам удается справиться с языком.

Но я был на волоске.

Глава 18

На следующий день я выхожу из дома с твердым намерением исправить последствия своей вчерашней выходки. Первым делом нужно наладить отношения с нашим квотербеком, который просто попал под раздачу, когда я всеми способами хотел отделаться от Фелисити.

Дождавшись, когда раздевалка опустеет, я подхожу к Брэну.

– Есть минутка?

Он бросает на меня хмурый взгляд.

– Что тебе, Ройал?

Я виновато улыбаюсь.

– Пришел с предложением мира.

– Да ну? – Он даже не смотрит на меня и с излишней силой хлопает дверцей шкафчика. Брэн уже переоделся для тренировки и всем своим видом показывает, как ему не терпится покинуть раздевалку.

Оглядевшись по сторонам, я убеждаюсь, что мы одни, а затем протягиваю ему десять хрустящих стодолларовых купюр.

Зеленые глаза Мэтиса вспыхивают.

– Какого черта?

– Слушай, мужик, мне очень жаль, что вчера все так получилось. Ты был прав. Я *пытался* подставить тебя, но не так, как ты думаешь. – Я стараюсь вложить банкноты в его сжатую ладонь. – Вот, возьми.

Он отталкивает мою руку.

– Оставь свои деньги себе, Ройал. Я не нищий, нуждающийся в подачках.

– Это не подачка, а возмещение ущерба.

Брэн усмехается.

– Я серьезно. У меня и в мыслях не было унижить тебя перед остальными или поиздеваться над тобой, потому что твоя семья, в отличие от наших, небогатая.

– Нет? – натянуто спрашивает он. – Тогда чего ты добивался?

Я тяжело вздыхаю.

– Я надеялся, что ты перестреляешь все мишени, Фелисити упадет на тебя и бросит меня, чтобы встречаться с тобой.

Он в изумлении смотрит на меня.

– Э-э, что?

– Я облажался по полной, согласившись встречаться с этой

девчонкой, – признаюсь я. – Она просто достала меня вчера в парке, и я подумал, черт, может мне удастся скинуть ее со своей шеи прямо тебе на член. Все выиграют.

Брэн неохотно улыбается.

– Все выиграют? Типа ты и Фелисити? Потому что не понимаю, что при этом раскладе выигрываю я.

– Эй, она не такая уж плохая. – Я вру и не краснею. Она ужасная. Но одна моя ошибка уже стоила Брэну, возможно, всех его сбережений, так что я буду последним козлом, если признаюсь, что пытался свести его с порождением дьявола.

– И она секси, – добавляю я и в этот раз уже не лгу. Фелисити *правда* горячая штучка. – Популярна в школе. Из аристократической семьи. – Я пожимаю плечами. – Если ты собираешься встречаться с кем-то из «Астора», то Фелисити не самый худший выбор.

Брэн наклоняется, чтобы завязать шнурки.

– Ага, но тогда, раз она вся такая классная, почему ты сам не хочешь встречаться с ней?

– Потому что я не встречаюсь с девчонками, – честно отвечаю я. – Это не мое. Я был в стельку пьян, когда согласился быть ее парнем, вообще не соображал, что несу.

– Ладно. – Брэн выпрямляется и проводит рукой по коротким волосам. – Давай-ка еще раз проясним: ты вызвал меня на этот бой, чтобы проиграть самому, а я бы предстал в лучшем свете перед Фелисити?

Я осторожно киваю.

– Потому что ты хочешь, чтобы я встречался с ней. – Он умолкает на секунду. – И тогда тебе больше не придется быть ее парнем.

Я снова киваю, закусив губу, чтобы не рассмеяться. Но тут Брэн начинает хохотать, и у меня больше не остается сил сдерживать смех.

– Какая-то извращенная у тебя логика.

– Я Ройал. «Извращенный» – мое второе имя. – Я трясую головой. – Вот чего я не ожидал, так того, что ты разнервничаешься и продуешь матч.

– Эй! – возражает он. – На кону была штука баксов. Вот я и продул.

Я хлопаю его по руке, но не по бросковой.

– Смотри, чтобы тренер тебя не услышал. Нам нельзя продувать.

– Наши игры с деньгами не связаны, – отвечает Брэн. – Нет никакого давления из-за них. Только, пожалуй, со стороны тренера, который ждет от нас только побед.

– Давления из-за денег?

– Да, эта фигня жутко меня напрягает. Наверное, потому, что, сколько

себя помню, в нашем доме было туго с ними.

И снова мое сердце сжимается от чувства вины, отчего голос звучит хрипло, когда я говорю:

– Серьезно, мужик. Вчера я поступил дерьмово. Не думай, будто я решил, что ты не в состоянии выполнить свои обязательства. Просто я вообще не должен был заключать с тобой это пари. – Я насильно разжимаю его ладонь и кладу в нее деньги. – Возьми их. Это не подачка, а обещание, что я больше никогда не стану толкать тебя под колеса, чтобы спасти собственную шкуру. Я разберусь с Фелисити как-нибудь по-другому. Если ты не возьмешь деньги, то я буду ходить за тобой по пятам и засовывать банкноты в твой карман в самое неподходящее время. Или куплю тебе машину, обвяжу ее огромным бантом и поставлю перед школой. Ты от меня так просто не отделаешься.

– Кто бы мог подумать, – растягивая слова, отвечает Брэн.

– Так ты возьмешь их?

Наконец он кивает.

– Хорошо, возьму. – В его голосе звучат нотки благодарности и уважения. – Я рад, что ты рассказал мне правду. Мне не хотелось ненавидеть тебя.

Я смеюсь.

– Ты бы все равно не смог меня ненавидеть. Это никому не под силу.

Мы с Брэном стучаемся кулаками и выходим на поле.

Следующий пункт моего плана – Хартли. Шагая на первый урок, я перебираю пальцами цепочку в кармане. К ней еще прилагалась красивая бархатная коробочка, но это уже было бы чересчур.

– Привет, моя лучшая подружка. – Я перехватываю Хартли у двери в класс.

Она отходит от дверного проема, чтобы не мешать другим ученикам.

– Привет, как дела?

– Я помирился с Брэном.

– Правда? – Хартли убирает с лица прядь волос. У меня так и чешутся пальцы сделать это за нее.

– Он не смог устоять перед моим обаянием, – шучу я.

– Никто не может, – дружелюбно отвечает она, – даже я.

На моем лице сияет широченная улыбка. Я запускаю руку в карман и достаю оттуда цепочку.

– Короче, раз уж я перед всеми извиняюсь, то хочу подарить это тебе.

Хартли какое-то время просто смотрит на украшение, а потом нехотя дотрагивается пальцами до изящной цепочки.

– Я не могу принять такой подарок.
– Она досталась мне из автомата со сладостями, – говорю я. – Так что либо ты берешь ее себе, либо я ее выкидываю.

– Автомата со сладостями? – переспрашивает Хартли.

Хартли пальцами перебирает маленькие золотые подвески. Она хочет ее, но в этот раз, наверное, впервые за все время, я не давяю на нее. Ей нравится принимать решения самостоятельно.

– Угу. – Я беру ее ладонь и опускаю в нее цепочку. – Вот. Теперь она твоя, и можешь делать с ней все что вздумается. Не захочешь оставить себе – просто выброси.

Не сказав больше ни слова, я разворачиваюсь и захожу в класс.

Остаток дня пролетает незаметно. К моему огромному облегчению, Фелисити держится от меня подальше, даже во время ланча. Она сидит со своими подружками, а я валяю дурака со своими друзьями.

На уроке математики я сижу между Эллой и Хартли, но нам не выпадает шанса поболтать, потому что мисс Манн устраивает нам проверочный тест. Меня беспокоит, с каким несчастным лицом она смотрит на меня на протяжении всего урока.

И я не единственный, кто это замечает. Хартли вдруг толкает меня под ребра и шепчет:

– Что ты опять натворил?

– Ничего, – шепчу я в ответ.

Я больше никак не контактировал с мисс Манн после нашего... хм, недавнего *общения*.

– Мистер Ройал, мисс Райт, – резко окликает нас учительница. – Хватит болтать, сосредоточьтесь на контрольной.

Она только что дала всем задание решить с первого по пятое упражнение из учебника.

Хартли тут же возвращается к работе. Я же уже решил все пять уравнений, поэтому просто корябаю кое-что в своей тетради. Дождавшись, когда мисс Манн отвернется, я отрываю уголок листа и кладу его на стол Хартли. Там написано:

«Придешь на матч в пятницу?»

Она на секунду замирает, смотрит на учительский стол, а потом открывает записку.

Прочитав, берет карандаш, что-то пишет и кладет листочек на мой стол.

«Может быть».

Снова кое-что накалявав на листе, перекидываю его Хартли.

«Может быть? Мы же лучшие друзья! Мне нужна будет поддержка. А лучшие друзья всегда поддерживают друг друга».

«Я могу работать. Пообещала одной из официанток взять ее смену, если будет нужно».

И так мы еще несколько раз перебрасываем друг другу листок.

«ОК. Но ты еще не уверена, будешь ли работать?»

«Пока нет. Узнаю завтра».

«Хорошо. Только скажи мне. Потому что, если ты не работаешь, то идешь на игру! А не то смотри у меня!»

Хартли едва слышно усмехается, но острый взгляд мисс Манн снова останавливается на нас.

– Смотрите в свою тетрадь, мисс Райт.

Хартли краснеет, услышав обвинение в списывании. Она незаметно убирает записку под тетрадку и вновь принимается решать упражнения.

Как только звенит звонок, я засовываю учебники в рюкзак и поднимаюсь из-за стола.

– Мистер Ройал, задержитесь, пожалуйста.

Черт.

– Увидимся за ланчем? – спрашиваю я девчонок.

Элла кивает и похлопывает меня по руке, а Хартли переводит встревоженный взгляд с меня на мисс Манн. Точно. В тот день Хартли была за дверью класса, и это фигово, потому что меньше всего мне хочется, чтобы она вспоминала об этом. Хартли и без того не самого высокого обо мне мнения.

– Мистер Ройал, – приказным тоном обращается ко мне мисс Манн.

Сжав челюсти, я подхожу к ее столу и насмешливо передразниваю ее:

– Мисс Манн.

Она бросает взгляд на дверь, дабы убедиться, что мы одни, но не идет закрывать ее. Должно быть, чтобы не поддаваться соблазну.

Когда мисс Манн снова поворачивается ко мне, на ее лице появляется мрачное выражение отчаяния, а голос звучит едва громче шепота:

– Что бы ты ни рассказывал своим товарищам, пора это прекратить.

Я морщу лоб.

– О чем вы говорите?

– Проклятье, Истон! – Она пугается, осознав, как громко вскрикнула, тяжело вздыхает, снова бросает взгляд на дверь и продолжает уже шепотом: – Ты рассказал кому-то о том, что между нами произошло.

Что? Я никому ничего не рассказывал... хотя... Элла знает. А еще Хартли и Рид. Ну и Паш определенно что-то подозревает.

– Кое-кто из преподавателей в комнате отдыха учителей намекнул на это сегодня утром. – В ее взгляде появляется паника. – Если эти слухи дойдут до директора Берингера, меня уволят!

Я не могу удержаться, чтобы не съязвить.

– Может, об этом вам стоило подумать до того, как вы решили позабавиться со мной в этом самом классе? – Я обвожу рукой опустевшую комнату.

Мисс Манн меняется в лице. У нее такой вид, будто я только что дал ей пощечину, хотя я стараюсь заглушить возникшее вдруг чувство вины. Почему люди не хотят брать на себя ответственность за свои же действия? Я с самого начал знал: то, что между нами было, неправильно. Ей тоже нужно принять это. Как только я пересек порог ее класса, эта женщина сразу дала понять, что не прочь оседлать меня.

Но мы даже не дошли до кульминации.

Я пытаюсь успокоить ее.

– Послушайте, нечего так волноваться. Нас никто не видел, и ни у кого нет никаких доказательств. Если Берингер решит устроить нам допрос, мы просто будем все отрицать.

Мисс Манн закусывает губу.

– Мы будем все отрицать...

– Да, – твердым голосом заявляю я. – Ничего этого не было, ясно?

На ее губах появляется вялая улыбка.

– Чего не было?

Я криво усмехаюсь.

– Именно.

После последнего звонка Фелисити ловит меня у моего же шкафчика. Не давая мне шансов на побег, она быстро и решительно марширует ко мне, а потом громко и слюняво чмокает в щеку.

– А-а-ах! – вздыхает кто-то у меня за спиной, но непонятно, то ли от одобрения, то ли от зависти.

Обернувшись, я замечаю жадные взгляды нескольких девчонок, стоящих в противоположном конце ряда шкафчиков. Они смотрят на нас с Фелисити, а потом начинают перешептываться.

Меня тянут за руку. Я бросаю взгляд вниз и вижу, как она переплетает свои пальцы с моими. Хочу высвободить руку, но Фелисити вцепилась в меня мертвой хваткой. Черт, для такой малышки у нее полно сил.

– Что ты делаешь? – рычу я.

– Держу за руку своего парня, – щебечет она.

Я глубоко вздыхаю. Потом медленно наклоняюсь к ее уху и с

шипением говорю:

– Клянусь богом, женщина, я за себя не ручаюсь. Тебе миллион раз было сказано: я *был пьян*! Так что отвали от меня.

Фелисити смотрит на меня.

– Нет.

– Конец спектакля, Фелисити. Ты слышишь меня?

Я даже не утруждаю себя говорить шепотом, и Фелисити оборачивается, чтобы убедиться, что нас никто не слышит. Удостоверившись, что ее липовая история не раскроется, она обращается ко мне тоном, каким говорят с капризным маленьким ребенком.

– Истон, мы с тобой пришли к соглашению, и оно не перестанет действовать до тех пор, пока я этого не захочу.

– Это не так работает.

– Только так и никак иначе.

Я весь вне себя от злости. Ненавижу таких как Фелисити. Если выбирать между таким типом девчонок, как Элла, Вэл или Хартли, и таким как Фелисити, Лорен или Джордан, то мой голос всегда за первых. Их непогрешимая уверенность в собственной исключительности вызывает гнев, что само по себе довольно иронично, потому что я точно такой же, как они. Получаю все, что захочу и когда захочу. Вот что значит быть Ройалом.

Но в других людях эта черта вызывает у меня стойкую неприязнь.

Интересно, Хартли смотрит на меня с таким же презрением и отвращением, как я на Фелисити? Надеюсь, что нет.

– Слушай, почему мы не можем поступить как нормальные, психически уравновешенные люди? – обходительно спрашиваю я. – Девушка, пусть даже не настоящая, – для меня всего лишь обуза.

Фелисити раздраженно фыркает.

– Я уже говорила, можешь спать с кем захочешь, но только если будешь осмотрительным.

– Осмотрительным? Детка, в моем словаре нет такого слова. Я переспал с бывшей девушкой своего брата в его же *постели*. Я трахнул маму Ниалла О’Малли на вечеринке у него дома. Где-то год назад у меня был секс сразу с двумя девчонками в бассейне Каррингтонов. Если мы с этим не покончим, то ты останешься в глупом положении, униженная и втоптанная в грязь.

Фелисити надувает губы.

– Но я же не специально, – быстро добавляю я. – Все лишь потому, что я такой, какой есть. Сначала делаю, потом думаю. Ты действительно

хочешь встречаться с парнем, который расстался со своей прежней девушкой по СМС?

Клэр любит говорить всем, что произошло именно так, хотя на самом деле я объявил ей о том, что между нами все кончено, лично. Но в кои-то веки эта ложь поможет мне.

Фелисити затихает, и с ее лица исчезает надменное выражение. Тогда я понимаю, что достучался до нее.

Девушки типа Фелисити беспокоятся только о своем имидже. Да, бесспорно, встречаться с Ройалом – огромный плюс для репутации, но мы оба понимаем, что это имело бы смысл, если бы этим Ройалом был Гидеон, мой уважаемый старший брат, или Рид, угрюмый засранец, но он хотя бы не облажается на людях. Я же самый дурной из братьев Ройал, и все это знают.

Фелисити опускает руки. Я прямо вижу, как вращаются шестеренки в ее голове.

– Тем вечером на пирсе... – начинает она, – ты сказал, я могу говорить всем, что рассталась с тобой.

Я охотно хватаюсь за брошенный ею спасательный круг.

– Да, можешь говорить, что я сделал что-то ужасное и ты бросила меня.

– Нет, пустых разговоров будет недостаточно.

О господи.

– Ладно, и чего ты хочешь?

– Чтобы мы расстались на глазах у всей школы, – безапелляционно заявляет Фелисити. – Я хочу устроить настоящий скандал, заявить, что ты совершенно меня недостойн и что я больше не желаю иметь с тобой ничего общего.

Я сдерживаюсь из последних сил.

– Ладно, черт с тобой.

– В пятницу я устраиваю вечеринку с костром на пляже, – напоминает она. – Сразу после матча. Ты обещал, что придешь.

Разве? Что-то я не помню, чтобы соглашался, но так или иначе мне, видимо, все равно придется там появиться.

– Да.

– Сначала мы немного потусим, а потом я расстанусь с тобой. И ты будешь просто стоять и слушать все, что я скажу.

Эй, если это единственный способ освободиться от этой чокнутой, я согласен прыгнуть через костер с голой задницей и разрешить закидать себя помидорами. Я киваю.

– Ладно.

Довольная Фелисити встает на цыпочки и снова целует меня в щеку, наверное, лишь ради проходящей мимо троицы симпатичных десятиклассниц. По коже бегут мурашки, но мне удается выжать из себя улыбку – тоже ради прекрасных десятиклассниц.

– Значит, увидимся на вечеринке? – радостно спрашивает Фелисити.

– Да. – *К несчастью.*

Глава 19

Брэн начинает пятничный матч пасом через пятьдесят ярдов прямо в руки нашему ресиверу, который зарабатывает нам тачдаун.

Этот дерзкий проход задает тон всей игре: мы набираем очки если не по тачдаунам, то по голам с поля, и к первой половине матча у нас их уже двадцать семь.

Хартли не пришлось сегодня выходить на работу, и она снова сидит с Эллой и Вэл. Вместе с ними Себ и Сойер. Лорен, к моему удивлению, нигде не видно.

Мне нельзя пропускать речь тренера по итогам первой половины, так что я ухмыляюсь и машу рукой своей компашке, перед тем как скрыться в тоннеле. То, что Хартли на трибуне, наполняет меня энтузиазмом. Надеюсь, она останется с нами и после игры.

Во второй половине матча мы продолжаем укреплять свою позицию лидера. Команде академии «Сент-Лоренс» удастся-таки заработать два тачдауна, но «Астор-Парк» лидирует, и противник никак не может догнать нас.

Мы закономерно выигрываем. Брэн получает мяч на память. Тренер Льюис бросает его нашему новому квотербеку, хлопает Мэтиса по плечу и говорит:

– Ты отлично сегодня сыграл, сынок.

Остальные члены нашей команды, я в том числе, громко кричат в знак согласия. Я подбегаю к Брэну и шлепаю его по заднице.

– Чувак, это было потрясающе. Почему ты скрывал от нас, что можешь так играть?

Я серьезно: сегодня он набросал больше четырехсот ярдов.

Мэтис скромно пожимает плечами.

– Эй, зачем раскрывать все свои секреты сразу?

Я ухмыляюсь.

– Человек-загадка. Мне нравится.

Брэн усмехается.

К нам подходит Дом.

– Едем к Уортингтонам, да? Фелисити раструбила всей школе, что вечеринка после игры будет у нее.

Я киваю.

– Да, план такой. Но мне нужно сначала заехать домой.

Я собираюсь наведаться к папиному бару, потому что вряд ли у Фелисити найдется что-то крепкое. На прошлой вечеринке были только вино и всякая мешанина.

Мы с парнями мчимся в раздевалку, но из душа я выхожу одним из первых.

– Увидимся на пляже, – кричу я Пашу и Дому, а потом поворачиваюсь к Брэну: – Ты тоже идешь?

Он медлит, и я сурово смотрю на него.

– Да ладно тебе, мужик. Ты звезда сегодняшнего вечера – тебе обязательно нужно поехать с нами и получить свое вознаграждение в виде бесплатного пойла и горячих цыпочек, которые будут драться за право на твой член.

Брэн улыбается. Он и правда очень скромный. Я рад, что Мэтис не только согласился утром взять мои деньги, но и простил меня за то, что я так подставил его на пирсе.

– Ладно, так и быть, пойду, – соглашается он.

– Другое дело, суперзвезда.

Выходя из раздевалки, я продолжаю посмеиваться.

Оказывается, я не единственный, кто захотел наведаться домой перед вечеринкой. Близнецы приехали раньше меня, но не для того, чтобы совершить набег на бар, как собирался я. Они переодеваются, сменив рваные джинсы и футболки на треники и майки, в которых обычно ходят дома.

– Как дела? – спрашиваю я, остановившись в дверях комнаты Сойера. – Вы разве не собираетесь на вечеринку к Уортингтонам?

– Нет, – с явной неохотой признается Себастиан.

– О, а чем тогда планируете заняться?

– Лорен хочет побыть у нас, – бормочет он. – Она уже едет.

Боже мой. Ну конечно, она хочет и, конечно, уже едет. Если честно, в прошлом году Лорен казалась мне классной девчонкой, но мое мнение изменилось, когда она начала приезжать к нам все чаще и чаще. Чем больше я узнаю ее, тем больше она мне не нравится. Лорен обращается с моими младшими братьями так, будто они взаимозаменяемые, как две маленьких игрушки, которые были созданы специально для ее развлечения.

Но Себу и Сойеру, видимо, все равно, а значит, должно быть все равно и мне.

Я спускаюсь вслед за братьями на первый этаж. Мы выходим в холл как раз в тот момент, когда входная дверь распаивается и на пороге появляются Элла, Вэл и Хартли.

– Привет, красотки, – присвистнув, приветствую я девушек.

Элла и Вэл закатывают глаза, Хартли же занята тем, что оглядывает огромный холл, служащий прихожей. Она с недоверием смотрит на двойную лестницу, высокий потолок и гладкий мрамор под ногами. Черт, я глаз не могу оторвать от этой девчонки!

Сегодня она выглядит очень мило: в джинсах с разрезами на коленках, темно-фиолетовом топе и черной толстовке с капюшоном и расстегнутой молнией. Хартли распустила волосы и даже немного подкрасилась тушью и блеском для губ, от которого они кажутся влажными и такими сексуальными.

Но самое лучшее в ее образе – моя цепочка, то, как элегантно она смотрится на ее шее. Мне так и хочется прикоснуться губами к выпирающей ключице.

– Я забыла телефон, – объясняет Элла и уносится вверх по лестнице в свою комнату.

– А мне нужно сбегать в туалет, перед тем как мы отправимся в гости к подлой стерве Восточного побережья, – объявляет Вэл и исчезает в коридоре.

Я усмехаюсь, но все веселье тут же пропадает, потому что мы с Хартли остались наедине. Мне очень хочется сказать что-нибудь про украшение, но я боюсь, что тогда она снимает его, и поэтому делаю вид, что не замечаю. Хартли продолжает рассматривать наш роскошный дом. Но я не вижу в ее глазах осуждения или восхищения, почему-то они полны грусти.

– Все в порядке? – спрашиваю я.

Хартли кивает, прикусив нижнюю губу, – она всегда так делает, когда нервничает, – а потом издает тяжелый вздох.

– Просто... – в ее голосе звучит тоска, – у тебя такой красивый дом, Истон. Столько стекла...

Она имеет в виду бесчисленное количество окон нашего особняка на побережье.

– Мама любила солнце, – делюсь я с ней. – Ей хотелось, чтобы в доме было много естественного света.

Но потом свет исчез из маминой жизни. Были лишь тьма и депрессия, которые в итоге столкнули ее в пропасть.

В огромном холле повисает тишина. Я слышу приглушенный голос Эллы, доносящийся со второго этажа, и шум воды в гостевой ванной.

– Знаешь что, – вдруг говорит Хартли, – наверное, я поеду домой.

Во мне растет разочарование.

– А как же вечеринка?

Она пожимает плечами.

– У меня нет настроения.

– О, да ладно тебе! Как ты можешь отказываться сейчас?

Но Хартли уже все решила, потому что вытаскивает из кармана телефон.

– Вызову «убер».

– Это полный отстой, – отвечаю я.

Взгляд ее серых глаз медленно встречается с моим.

– Я правда не хочу идти сегодня на вечеринку, Истон.

Что-то в ее тоне, какая-то странная печаль, заставляет меня больше не спорить с ней.

– Ну ладно. Тогда давай останемся дома. – Я забираю у нее телефон и закрываю приложение «убера».

– Что ты делаешь? – возражает Хартли.

– Послушай меня, Хартли Дэвидсон. Сегодня мы провели суперкрутую игру и выиграли. Я хочу отпраздновать победу, – я поднимаю бровь, – с моим лучшим другом.

Хартли громко смеется.

– Смотрю, тебе нравится эксплуатировать эту фигню с лучшими друзьями, да?

– Никакая это не фигня. Мне нравится проводить с тобой время. И если ты не хочешь идти на вечеринку, значит, потусуемся тут. – Фелисити придет в бешенство, если я не появлюсь на нашем спектакле, но она может «расстаться» со мной в любое другое время. *Необязательно* сегодня. – Близнецы и Лорен тоже остаются дома. Мы можем поиграть в бильярд или посмотреть какой-нибудь фильм в домашнем кинотеатре. А можем поплавать: вода в бассейне подогревается.

Хартли неловко переступает с ноги на ногу.

– Даже не знаю...

– Вечер пятницы, еще нет и десяти – поживи немного в свое удовольствие.

Она молчит, и я с вызовом спрашиваю:

– Ты работаешь завтра утром?

– Нет, – признается она.

– Вот и хорошо. Значит, останемся здесь, а про вечеринку можешь забыть.

– Лучшая идея в мире, – доносится голос Эллы.

Она спускается по лестнице, но Вэл, которая в это же самое время появляется из двери позади нас, немедленно возражает:

– Нет, – говорит она Элле. – Я же говорила тебе, сегодня мы должны устроить демонстрацию нашей силы.

– По-моему, ты слишком серьезно относишься к Фелисити, – начинает спорить Элла. – Она безобидная.

– Ничего подобного, – мрачно говорю я. – Прости, сестренка, но тут я должен согласиться с Вэл.

Элла сердито смотрит на меня.

– Серьезно?

– Серьезно. Она уже не раз говорила мне, что хочет править школой и с легкостью уничтожит тебя.

В глазах Эллы вспыхивает ярость.

– Она правда так сказала?

– Угу.

Вэл бросает на Эллу суровый взгляд.

– Видишь? Мы должны показать этой стерве, что Элла Харпер-О'Халлоран-Ройал ее не боится.

– Просто Ройал вполне достаточно. И ладно, так и быть, я пойду. Но я все равно считаю, что вы просто раздуваете из мухи слона. – Элла смотрит на нас с Хартли. – А вы, ребята, остаетесь здесь?

Хартли быстро кивает, и по всему моему телу разливается эйфория. Ее огромные серые глаза смотрят прямо в мои, и она говорит:

– Думаю, да.

Глава 20

– Посмотрим кино? Поиграем во что-нибудь? Поедим? – предлагаю я, когда Элла и Вэл уходят. Потом поворачиваюсь к близнецам. – А вы чем хотели заняться?

Братья пожимают плечами и смотрят на Лорен.

– Давайте во что-нибудь поиграем. – Она вопросительно глядит на Хартли. – Если вы, конечно, не хотели побыть наедине.

– Нет, но я плохо играю, – отвечает Хартли. – Разве что будем играть в «покемонов». С этим я еще справлюсь.

Боже, какая она милая! Я усмехаюсь.

– Вообще-то, я имел в виду настольные игры.

– Настольные игры?

– Да, у нас их целая куча. Моя... – Я замолкаю, вспомнив, как в детстве мама играла со мной и близнецами в «горки и лестницы». Мы сидели на кухне, в лучах солнца ее темные волосы словно оживали. Помню, как все время отвлекался, чтобы посчитать все цвета, какими они переливались.

– Твоя?..

Я мотаю головой. Не хватало еще распустить нюни.

– Мама любила играть в настолки. Помните, как мы играли с ней в «горки и лестницы»? – спрашиваю у близнецов.

– Да, когда нам было пять, – отвечает Сойер.

Я решаю сменить тему.

– Как насчет «монополии»?

Близнецы поворачиваются к Лорен. Опять.

Она улыбается.

– Я не против «монополии».

– Мы не против «монополии», – эхом отзываются братья.

Я сдерживаю вздох огорчения.

– Отлично. Все игры в комнате с домашним кинотеатром.

Я отправляю Сойера и Себастиана за газировкой и попкорном. Лорен садится на пол и ждет, а Хартли идет вслед за мной к шкафчику с играми.

– Оригинально и олдскульно, – замечает она, когда я достаю с полки белую коробку.

– Конечно. Я очень консервативный.

– А еще он любит жульничать, – предупреждает Сойер, входя в

комнату с подносом еды.

Вслед за ним с ящиком бутылок появляется Себастиан.

– Не знал, что именно ты сегодня захочешь, детка, – говорит он Лорен, подтаскивая ящик к ней.

Она с надменным видом разглядывает напитки и молча указывает на диетический лимонад. Себастиан достает бутылку, откручивает крышку, наливает напиток в стакан и передает своей девушке.

– А ты что хочешь? – немного резко спрашиваю я Хартли.

– Я сама могу о себе позаботиться. – Кажется, ее забавляет эта ситуация. – Может, пока разложишь игру?

Я тащу коробку к Лорен и близнецам.

– Я буду собакой, – объявляет Лорен.

– А ты кем хочешь быть, Хар-Хар? – спрашиваю я, большим пальцем перебирая оставшиеся фигурки.

– Утюгом. – Она поднимает фигурку и ставит ее на доску.

Сойер выбирает корабль, а Себастиан – старый ботинок.

Я беру себе машину.

После первых четырех раундов выигрывают Сойер и Хартли.

– Эй, я старше тебя! Старших нужно уважать, – смеется Хартли, когда Сойер передвигает свою фишку на одно поле от ее владения.

– Прости, я подчиняюсь воле кубика, и он приказывает мне купить Сент-Джеймс.

Он отдает мне деньги, а я ему – карточку с недвижимостью.

– Ну что ж, боги его величества случая говорят мне пройти поле «вперед» и собрать еще двести монет. – Хартли машет карточкой перед лицом Сойера. – Ну, благодаря новообретенным богатствам я, пожалуй, поставлю дом, чтобы в следующий раз тебе было где остановиться.

– Он не будет останавливаться у тебя, – ворчит Лорен.

Я закатываю глаза.

– Успокойся, это всего лишь игра.

– Мне скучно, – говорит она и поднимается с пола. – Пойдемте, посмотрим кино в вашей спальне.

Прежде чем я успеваю возразить, близнецы выходят из комнаты вслед за Лорен.

– Я что-то не то сказала? – спрашивает Хартли.

– Нет. Просто Лорен... – Я замолкаю, потому что мне не хочется говорить плохо о девушке, которую я едва знаю. – Лорен есть Лорен. Еще хочешь поиграть?

– Еще как! Я же надираю тебе зад. – Она подталкивает кубик ко мне. –

Твоя очередь.

Я кидаю кубик и ставлю фишку на поле «шанс». Карточка, которую я вытаскиваю из стопки, отправляет меня напрямик в тюрьму. Хартли смеется над моим невезением, скачет вокруг доски, покупает недвижимость, а потом садится и наблюдает за моим ходом.

Я опять кидаю кубик, на котором выпадает пять, и моя фишка оказывается на недвижимости, которую только что купила Хартли.

– Черт! Ты уже и так обобрала меня до нитки.

Хартли потирает ладони как отпетая злодейка. Я отдаю ей плату за аренду и смотрю, как она прокладывает себе путь к полю «общественная казна».

Мой следующий ход приводит меня на Теннесси-авеню.

– Наконец-то! – Я смахиваю со лба несуществующий пот. – А то уже начал бояться, что останусь неимущим.

– Рано радуешься.

– Никогда не думал, что ты такая бесчеловечная.

– Смотри и учись, красавчик!

Хартли продолжает доказывать мне, как я ошибался. После очередного круга у нее уже пять владений против одного моего. Это не игра, а какая-то бойня.

– И сколько еще ты собираешься меня мучить?

– А у тебя еще остались деньги?

Я опускаю глаза на жалкую стопку.

– Есть немного.

– Не собираешься сдаваться?

– Нет.

– Хм. – Она протягивает мне несколько банкнот. – Я покупаю дом на Индиана-авеню.

Я тяжело вздыхаю.

– Эта практичная сторона в тебе – что-то новенькое.

– Разве? – Хартли подталкивает кубик в мою сторону.

– Не знаю. Раньше ты казалась мне милой и естественной. Ты играешь на скрипке. Это так... – Я умолкаю, сам не зная, что именно хочу сказать.

– Изнеженно? – спрашивает она, а потом хмурится. – Играть на музыкальном инструменте не легче, чем играть в футбол. Думаешь, сидеть часами напролет с деревянной штуковиной, зажатой между плечом и подбородком, – это комфортно и легко?

– А что, нет?

– Нет. Знаешь, сколько раз после репетиций у меня кровоточили

пальцы? – Она пихает свою миленькую ручку мне под нос.

– Много?

– Именно, много. А когда у тебя болят пальцы, ты ничего не можешь делать, даже застегнуть пуговицы на рубашке.

– Я застегну твою рубашку, – не задумываясь отвечаю я.

Она бросает в меня дом.

– Истон!

Я ловлю фигурку и ставлю ее на владение Хартли.

– Прости, старая привычка.

– Почему?

– Почему что?

– Почему это старая привычка?

– Не знаю. Просто, – бормочу я, кидаю кубик и делаю ход.

Снова железная дорога, но я не могу себе ее позволить и поэтому подталкиваю кубик к Хартли.

– Да брось, расскажи мне!

– Зачем?

– Потому что друзья все друг другу рассказывают.

Я поднимаю брови.

– И ты *так* много мне рассказываешь.

Она пожимает плечами.

– Ты знаешь, какая ситуация у меня дома.

– Но не потому, что ты мне об этом рассказала, – с раздражением возражаю я. – Я подслушал.

– Но все равно ты знаешь, – настаивает она.

– Я так поступаю, потому что такова моя роль, – сердито выдаю я.

И тут же пожалев об этой вспышке, принимаюсь изучать свою машинку, как будто она детальная копия дорогушей «бугатти» Стива. Я просто влюблен в эту чертову тачку.

– Не буду притворяться, что все понимаю, но я знаю, что значит быть средним ребенком. Ты не такой идеальный, как твои старшие братья или сестры, и в то же время уже больше не милый младенец.

– Не совсем так, – отрицаю я, но ее слова бьют в самое сердце.

Рид и Гидеон чрезвычайно собранные. У них, в отличие от меня, есть самодисциплина, и поэтому они выступают за спортивные команды своего университета, а вот мне это не светит. Близнецы связаны между собой на каком-то глубинном уровне, чего, по-моему, не понимает даже Лорен. Я же всегда был посередине. Вокруг меня крутились братья, и все же я оставался сам по себе. Лишь мамина чрезмерная забота выделялась на всем этом

фоне, и даже сейчас, вспоминая о том, как она сдувала с меня пылинки, я чувствую себя неловко.

– Мне нравится быть Истоном Ройалом. В мире нет ничего, что я не мог бы себе позволить. – Надо показать Хартли, как она ошиблась, выставив меня полным неудачником. – Я сказал «привычка», потому что многие люди меня очень любят, и мне хочется отплатить им тем же. Я делаю им приятное, говоря комплименты.

– Хорошо, – говорит Хартли.

Ее снисходительный тон уже начинает действовать на нервы больше, чем наш спор, но мне удастся держать язык за зубами. Я сосредоточиваю все внимание на игре, кидая кубики и перемещая машинку по доске, но все равно никак не могу перестать думать о прошлом.

О том, как мама всегда называла меня своим самым любимым, своим особенным мальчиком, который всегда оказывался рядом, когда она нуждалась во мне. А означало это лишь то, что я никогда не мог отказать ей.

– Когда все внимание другого человека сосредоточено только на тебе, это может плохо кончиться, – грубым голосом говорю я. – И для тебя, и для другого человека, а комплименты – они смещают это внимание, понимаешь?

Поняв, что наговорил уже с лихвой, я опускаю голову в ожидании неизбежного вопроса о том, кого и что я имел в виду. К удивлению, в комнате раздается лишь звук покотившегося по игровой доске кубика. Хартли ставит фишку на последнюю железную дорогу. Значит, я жестко проигрываю.

– Я хочу есть. Пойдем перекусим что-нибудь, а потом посмотрим кино или еще что-то придумаем.

– Но мы еще не доиграли.

– Сдаюсь. – Я встаю на ноги. – Ну что, пойдем, поедим?

– Давай. – Хартли берет свой телефон.

– Что ты делаешь?

Она, ухмыляясь, снимает на камеру игровую доску и мою жалкую стопку денег.

– Увековечиваю в памяти это знаменательное событие. Скорее всего, мне потом никогда не доведется обыграть тебя.

Я мысленно цепляюсь лишь за одно слово: «потом». Значит, Хартли все еще хочет проводить со мной время. И этого достаточно, чтобы прогнать все плохие воспоминания.

Я веду Хартли на кухню и жестом приглашаю ее присесть.

– По-моему, у нас остались равиоли. Да или нет?

– Да. Я обожаю равиоли. Тебе помочь?

– Нет. Просто сиди и развлекай меня.

Она садится на высокий барный стул.

– И как именно мне тебя развлекать? – Но стоит мне открыть рот, как Хартли поднимает руку, призывая меня ничего не говорить. – Забудь, что я это сказала. Почитать тебе новости?

– Хочешь вонзить мне в лоб ледоруб?

– Значит, нет.

Я вытаскиваю из холодильника равиоли и читаю записку, которую наклеила на крышку Сандра. *«Разогреть с конвекцией 3 минуты»*. Засунув блюдо в духовку, я разворачиваюсь и прислоняюсь к кухонной столешнице.

– Удивительно, что здесь больше никто не живет, – оглядывая огромную полупустую кухню, говорит Хартли. – Как-то во время каникул я прожила с семьей в Нью-Йорке. Их дом в восемь раз меньше вашего, но у них было трое слуг.

– Когда-то и у нас их было много. Но после смерти мамы они давали интервью всяким охочим до сплетен грязным газетенкам, рассказывая о нашей семье. Папа уволил всех, за исключением Сандры, нашей кухарки. – Я показываю большим пальцем на духовку. – И то она работает лишь несколько дней в неделю, потому что недавно у нее родилась внучка, с которой она помогает. Но мне и самому так больше нравится. А как тебе на севере?

– Зимой там холодно. Очень холодно. Я совсем не расстраиваюсь, что уехала. Но все же мне нравились весна и осень.

– Сколько ты там прожила?

– Три года. – Хартли не продолжает, и я знаю, что ей хочется спросить меня о смерти мамы и, наверное, еще о том скандале, который разгорелся вокруг нашей семьи в этом году. Но вместо этого она кидает мне полотенце. – Возьми, чтобы не обжечься.

– Спасибо! – Я осторожно вынимаю стеклянную посудину. – Поедим прямо отсюда или мне достать тарелки?

– Можем поесть и отсюда. Хочешь воды или еще чего-нибудь?

На самом деле я бы с радостью выпил пива, но, думаю, Хартли это не понравится. По-моему, она была далеко не в восторге, когда нашла меня пьяного после игры в покер.

– Вода сойдет.

Мы съедаем все равиоли, и Хартли спрашивает, где туалет. Я

показываю ей на дверь рядом с кухней, а сам отправляюсь дальше по коридору, в гостевую уборную.

Возвращаясь обратно, слышу голоса Хартли и Лорен. Наверное, та спустилась вниз, чтобы что-то взять, хотя я прямо-таки удивлен, что она не отправила кого-то из своих верных слуг.

Я не собирался подслушивать, о чем они говорят. Честно. Но как только я намереваюсь переступить порог кухни, Лорен произносит что-то такое, отчего мои ноги словно приклеиваются к полу.

– Здорово, что используешь имя Ройалов.

– В смысле? – Хартли недоумевает.

– В смысле, что, встречаясь с Ройалами, ты получаешь кучу классных преимуществ. Это же здорово, правда? – Лорен говорит это самодовольным, нахальным тоном, от которого я застываю. Вот гадина.

– Я не встречаюсь ни с кем из Ройалов. Мы с Истоном просто друзья.

Лорен усмехается.

– Да ладно тебе! Друзья не покупают друг другу дорогие украшения.

– Что? А, ты про это? Истону она попалась в автомате по продаже конфет.

– Ну да, в автомате по продаже конфет.

– Я не понимаю.

– На Шестой есть местечко, где делают ювелирные украшения на заказ. Подвески стоят от пяти тысяч и выше. – Наступает тишина. Наверное, Лорен мысленно оценивает содержимое прозрачного сердечка на цепочке Хартли. – У тебя тут три подвески. Бриллианты, рубины и изумруды. Думаю, этот комплект обошелся Истону примерно в пятнадцать тысяч. Но не переживай, он может себе это позволить. Как я говорила, это хорошее начало.

– Но... я не хочу, чтобы он покупал мне дорогие вещи, – возражает Хартли, а я проклиная Лорен за то, что она вообще завела весь этот разговор. Мне и так пришлось извернуться, чтобы заставить Хартли принять подарок.

– О, прошу тебя, не притворяйся невинной овечкой. Если встречаешься с Ройалами, придется потерпеть их больную семейку. Так что есть за что получать компенсацию, верно?

Отойдя немного назад, я нарочно топаю по полу, чтобы девчонки могли меня услышать. И, естественно, они умолкают. Лорен широко улыбается, когда я захожу в кухню. Хартли же стоит с мрачным видом.

Увидев меня, она тут же поднимает цепочку.

– Я не могу ее носить.

Я борюсь с желанием посмотреть на Лорен.

– Почему?

– Она слишком дорогая. Я не могу ходить в цепочке, которая так дорого стоит.

Лорен раздраженно вздыхает, как будто Хартли подвела ее. Взяв стакан с водой, она уходит из кухни, даже не обернувшись.

– Почему? – снова спрашиваю я у Хартли. – Ты же не бедная. У тебя есть трастовый фонд.

– Этот трастовый фонд был создан моей бабушкой, им можно пользоваться только для образовательных целей: дополнительных занятий, репетиторов и тому подобного. Благодаря ему я и смогла попасть в «Астор».

Я наблюдаю, как она возится с застёжкой, тянет цепочку в разные стороны, как будто золото обжигает ей кожу.

– Помоги мне, – приказывает она.

– Нет. – Я отхожу назад.

Снять с нее цепочку будет означать поражение, а я не хочу чувствовать себя проигравшим.

– Я серьезно, Истон. Мне неудобно оставлять ее у себя. Я бы никогда не смогла позволить себе купить что-то подобное. Как думаешь, почему еще мой отец... – Она запинается. – Я не могу ее оставить.

– Что ты собиралась сказать про своего отца?

– Ничего.

Я сердито фыркаю.

– Почему с тобой всегда так сложно? Почему твоя жизнь – это такая большая тайна?

Хартли на секунду отпускает цепочку.

– Какая тебе разница?

– Мы друзья. Я хочу узнать тебя получше. – И еще я устал быть тем единственным, кто делится своими переживаниями или воспоминаниями. Я рассказывал ей о таких вещах, о которых не говорил никому и никогда. Но она упорно продолжает оберегать тайну своей жизни и ведет себя так, как будто ей легче побриться наголо, чем довериться мне.

В ее взгляде сквозит презрение.

– Да, ты постоянно твердишь, что мы друзья. Говоришь, как здорово просто быть мне другом. Но какая-то часть меня чувствует, что это всего лишь разводка или что-то типа того. Ты делаешь все это лишь потому, что хочешь залезть мне в трусы.

Я сжимаю кулаки.

– Если ты так считаешь, то почему осталась?

Хартли молчит.

– Тебе повезло, что я решил не приставать к тебе.

У нее открывается рот.

– Повезло?

– Да. Потому что, если бы я хотел, чтобы у нас был секс, у нас бы был секс. Я лишь играю в игру по твоим правилам.

– Вау, как мило, Истон. – Она с силой дергает цепочку, и хрупкая застежка поддается. – Спасибо за игру, кино и еду.

Блин!

– погоди, не уходи. Я просто пошутил.

Хартли кладет цепочку на столешницу, не глядя мне в глаза.

– Ага. Только мне уже пора.

Вечер в самом разгаре, и я точно не хочу оставаться дома один.

– Да ладно тебе, Хартли. Ради тебя я остался сегодня дома, а ты уже собралась уходить? И из-за чего? Из-за того, что я неудачно пошутил?

– Нет, из-за того, что я устала и хочу домой. Тебя никто не заставлял оставаться дома. Ты сам так решил. – Она марширует в холл.

Я хватаю цепочку и бегу за ней.

– Я так решил, потому что именно так поступают друзья: идут друг для друга на жертвы.

– Мне не нужно от тебя никаких жертв, – ледяным тоном отвечает Хартли.

Во мне начинает закипать гнев.

– Ну и ладно. Тогда сама придумай, как тебе уехать домой.

Хартли распахивает тяжелые дубовые двери.

– Придумаю.

С этими словами она уходит.

Просто берет... и выходит за дверь, спускается по ступенькам и продолжает идти. Я наблюдаю через окно в холле, как ее стройная фигура становится все меньше и меньше, пока совсем не исчезает с подъездной дорожки.

Хартли так ни разу и не обернулась.

Я даже рад, что она ушла. Так я говорю себе. Мне весь вечер хотелось выпить, а теперь больше не нужно беспокоиться о том, чтобы не расстроить ее. Я смотрю на цепочку, зажатую в кулаке, и меня так и подмывает швырнуть ее в стену. Но в конце концов я убираю украшение в карман, потому что Лорен была права. Проклятая штуковина действительно обошлась мне в пятнадцать кусков. Пожалуй, сохраню для

какой-нибудь другой девушки. Только на этот раз выберу такую, которая будет по-настоящему ценить меня и не станет скупиться на благодарности.

Я топаю в папин кабинет, прямым к бару, в котором остался лишь отвратительный портвейн. Но я все равно вливаю в себя сладкую мерзость. Выпивка есть выпивка. Необходимый мне кайф скоро придет.

Поверить не могу, что она так поступила. Я был добр к ней, вступался за нее, оберегал. Она должна радоваться, встать на коленки и благодарить меня за то, что укрыл ее мантией Ройалов.

Мантией Ройалов?

Меня едва не выворачивает от собственных слов. Вот, значит, в кого я превратился? Неудивительно, что Хартли не захотела больше оставаться со мной.

Я шарю по комнате в поисках еще одной бутылки. Где-то в глубинах сознания раздаются тревожные голоса братьев, которые просят меня не спускать свою жизнь в унитаз.

– Никаких таблеток, никаких наркотиков, – обещаю я своим вымышленным братьям. – Всего лишь немного выпивки. Ничего страшного.

Прижимаясь губами к горлышку бутылки, я ловлю свое отражение в зеркале на стене. Раньше там был мамин портрет. Теперь в висящем зеркале отражаются чудовища. И как старик выносит собственное отражение? Погодите, да его никогда не бывает дома, вот как.

Я здесь один-одинешенек, хлебаю пойло, которое терпеть не могу, а все потому, что не хочу проводить ни минуты своей жизни в одиночестве. Моя голова – дурное место.

Я еще сильнее сжимаю бутылку в руке. Пить в одиночку – это для лузеров. Я, Истон Ройал, – не лузер. Прикончив первую бутылку, хватаю вторую и нетвердой походкой направляюсь к пляжу.

Глава 21

Я смутно помню, как шел вдоль побережья, но, судя по всему, пришел куда нужно: к Фелисити. По крайней мере, об этом свидетельствует количество пьяных тел на одном клочке песка.

– Истон Ройал!

Я слышу, как меня зовут по имени. Наверное, Фелисити пригласила не только учеников «Астора», потому что я узнаю лица тех, кто уже учится в колледже.

– Эй, Фелисити уже обыскалась тебя, – говорит кто-то. – Она злая как черт. Тебе бы лучше спрятаться.

– Стю привел с собой девчонок из колледжа. Они классные, – сообщает мне другой парень. – Жду не дождусь, когда окончу школу.

– Где выпивка? – бурчу я.

– В домике у бассейна. Но... мужик, ты, похоже, уже нормально залился. Уверен, что тебе нужно еще?

– Если бы я хотел знать твое мнение, обязательно бы спросил.

Я протискиваюсь мимо чувака, даже не обратив внимания, кто это. Поднявшись по небольшому склону, вижу бассейн, домик возле него и небольшой танцпол, устроенный неподалеку. Там Элла и Вэл. Да, они любят потрясти булками.

Забрав стакан какой-то бурды у незнакомого парня, направляюсь к ним. Позади меня слышатся шарканье и возгласы протеста, но я игнорирую всех и вся, показывая средний палец. Этот парень легко найдет выпивку. Я прокладываю дорогу к девчонкам, по дороге пролив половину из стакана.

– Боже, кто этот пьяный?.. – Линдси, которая тоже посещает класс по государственному управлению, умолкает на полуслове. – А, это ты.

– Какие-то проблемы? – растягивая слова, спрашиваю я.

– Никаких, – отвечает она, но ее взгляд говорит обратное.

Холодно улыбнувшись ей, я отступаю в сторону.

– Правильный ответ.

– Козел, – бормочет она себе под нос.

– Овца.

На мое плечо опускается увесистая рука.

– Я все слышал, Ройал. Ты первый начинаешь обливать всех дерьмом.

Мой мутный взгляд пытается удержать в фокусе новое лицо. А, это Зик, парень Линдси, с бычьей шеей.

– Я понимаю, что тебе недостаточно уделяют внимания дома, Зик, но ты лаешь не на то дерево, – сообщаю я ему. – Либо убери свои руки с моего «Тома Форда», либо приготовь штуку баксов.

Раскрасневшийся Зик размахивается, чтобы нанести удар. Мне было бы чертовски больно, но он двигается медленнее улитки. Я подныриваю под его руку, хватаю за запястье и выворачиваю ее за спину. Он падает на колени.

Линдси начинает орать. Чей-то голос зовет меня по имени.

– Истон! Истон!

Меня толкают две маленьких ручки. Это Элла. И она выглядит встревоженной.

– Что случилось, сестренка?

– Что ты делаешь?

Я взмахиваю свободной рукой, и оставшееся содержимое стакана выплескивается на танцпол.

– Веселюсь на вечеринке.

– Ты пьян. – Она вцепляется в мою руку, ту, что прижимает к земле Зика.

– Две золотых звездочки за сообразительность! Я бы похлопал тебе, но у меня руки заняты. – Я поднимаю стакан повыше. Если опустить его под правильным углом, можно вырубить Зика. Может, это даже будет весело.

Вопли Линдси превращаются в тихие всхлипы. Я начинаю напевать, чтобы не слышать ее.

– Где Хартли?

– Кого это волнует? – Но внутри все тут же сжимается от этой лжи. Меня волнует. Очень сильно, черт побери.

– Истон, пожалуйста.

– Ты так же умоляешь Рида в постели? – Я подмигиваю ей. По крайней мере, пытаюсь. – Должно быть, поэтому ты носишь его яйца в своей сумочке.

Выражение лица Эллы вмиг меняется.

– Ты пьян, – повторяет Элла. – Иди домой.

Я чувствую на себе еще одну пару рук. Эти, в отличие от Эллиных, большие и сильные, и им почти удастся высвободить Зика из моего захвата.

Перед моим лицом возникает Брэн.

– Эй, мужик, мы хотим поиграть во фрисби, и нам не хватает еще одного человека.

– Слишком темно, – ворчу я.

– Да нормально, Брэн прикрепил к диску лампочки, – говорит Паш по

другую сторону от меня. – Пойдем.

Я неохотно отпускаю Зика. Линдси падает ему на спину. Я начинаю что-то говорить, но Брэн и Паш оттаскивают меня. Последнее, что я вижу, – мрачное лицо Эллы.

Видимо, я снова обидел ее. Надо будет не забыть извиниться утром. Она такая чувствительная.

Кто-то бросает подсвеченный диск в воздух.

– Есть что? – спрашиваю я.

– Давай просто поиграем, – со вздохом говорит Брэн. – Курить дурь совершенно не обязательно.

Я набрасываюсь на Брэна:

– А ты теперь следишь за тем, как я решаю проводить свое свободное время?

– Я лишь пытаюсь сделать так, чтобы капитан нашей защиты оставался здоровым и не заработал дисквалификацию.

Диск приближается к нам. Брэн подпрыгивает и успевает подхватить его, прежде чем тот попадет мне в лоб.

– Похоже, поиграть во фрисби было нелучшей идеей, – с иронией замечает он.

Паш кивает.

– Может, лучше потусим у меня? Посмотрим какое-нибудь кино.

– Кино? Меньше всего на свете я хочу смотреть кино. – Я бью кулаком в ладонь. – А как насчет драки?

– Никаких драк на моей вечеринке! – раздается пронзительный голос Фелисити.

Я разворачиваюсь и вижу, что она стоит всего в нескольких шагах от нас. Ее глаза горят яростным огнем. С чего она так взбеленилась? И тут я вспоминаю. Она хотела «расстаться» со мной здесь, на глазах у всех.

Ну что ж, я с радостью выполню ее желание.

– Фелисити, вот ты где! – Я подхожу к ней и забрасываю руку на ее плечо. – Моя липовая девушка. Привет всем! Мы хотим кое-что вам рассказать. Фелисити сейчас объявит. Она хочет разорвать наши бутафорские отношения.

Вокруг повисает тишина, нарушаемая лишь приглушенным девчачьим хихиканьем.

Я отступаю назад и раскидываю руки в разные стороны.

– Я здесь. Начинай. Говори, что ты там хотела сказать. Пусть все выглядит убедительно.

– Истон, пойдем домой. – Элла протискивается ко мне сквозь

собравшуюся толпу.

– Не могу, сестренка. Я обещал своей типа девушке, что она сможет унижить меня перед всеми нашими друзьями. – Я снова машу Фелисити. – Сцена в твоём распоряжении.

Филисити недовольно кривит губы.

– Ты злобный, жестокий ублюдок, Истон Ройал, – шипит она.

– И это все? Все от самой стервозной девчонки в академии «Астор-Парк»? Да ну! Не расстраивай меня. – Я обеими руками призываю ее начать шоу, но решающий, в буквальном смысле, удар наносит не она.

– Прости, конечно, но завтра утром ты меня поблагодаришь. – Брэн размахивается, и последнее, что я вижу, – это летящий в мое лицо кулак.

Наутро я просыпаюсь от слепящего света и оркестра, марширующего в моей голове. Издав мучительный стон, я ощущаю, что оркестр начинает играть еще громче. Барабанный бой отдается в висках и пульсацией расходится по телу, а накатывающие позывы к рвоте заставляют меня выбраться из кровати и побежать в ванную комнату.

Меня рвет до тех пор, пока желудок полностью не опустошен, но я еще несколько минут пытаюсь что-то выжать из себя, стоя на коленях. Спустя какое-то время я нахожу в себе силы подняться на ноги, чищу зубы, залпом выпиваю два стакана воды, принимаю душ, бреюсь. Вернувшись в комнату и натянув на себя спортивные штаны, уже начинаю чувствовать себя наполовину человеком.

Похмелье – это зло. Обычно у меня не все так плохо, как сегодня. Даже не могу вспомнить, когда в последний раз просыпался в таком дерьмовом состоянии после ночи пьянства. Но вчера я действительно выпил очень много. Достаточно, чтобы вести себя как последний подонок, взбесить Фелисити и получить в лицо от Брэна Мэтиса.

– Как много ты вчера выпил? – В открытом дверном проеме спальни появляется хмурый отец. – Ты никогда больше не сядешь в кабину пилота, если не начнешь вести трезвый образ жизни.

– А кто сказал, что я вчера пил? – с вызовом спрашиваю я.

– Сейчас восемь утра, а последние десять минут тебя рвало так, что слышали все соседи. Так что я повторяю: сколько ты вчера выпил?

Он говорит тем начальственным тоном, услышав который его коллеги по работе писаются со страха. Но я не один из них – я его сын, а значит, мне достоверно известно, что вне офиса Каллум Ройал совершенно безобиден. Мы годами росли на свободе, без его надзора, даже еще до маминой смерти.

– А может, у меня желудочный грипп – ты об этом не подумал? – Я дерзко смотрю на него. – Мне так нравится, что ты сразу думаешь обо мне самое худшее.

Продолжая бормотать себе под нос, подхожу к огромному встроенному шкафу и рывком открываю двойные двери.

Папа в недоумении смотрит на меня.

– Прости, сынок. Ты заболел?

– Нет. – Я поворачиваюсь к нему. – Похмелье.

– Истон. – Он устало проводит рукой по волосам. Они такого же темно-русого оттенка, как у меня и старших братьев. У близнецов же шевелюра немного светлее. – Ты единственный из всех моих детей, от которого я скоро поседею.

– Еще бы. Гид тот еще блюстителю нравов. Да и Рид тоже. – Я задумчиво склоняю голову. – Хотя близнецы, может статься, еще похуже меня. Ты знаешь, что они встречаются с одной и той же девушкой?..

– Я тебя не слышу! – ворчит папа, закрывая уши и быстро пятясь из моей комнаты.

Я усмехаюсь сам себе, потому что после того, как Элла переехала к нам, папа стал классным, черт побери! До этого он никогда не находил времени, чтобы зайти к нам или прочитать лекцию о нашем диком поведении.

Стоит мне вспомнить про Эллу, как меньше чем через минуту после папиного ухода она появляется в моей комнате. Ее светлые волосы завязаны в высокий хвост, на ней легинсы и свитер с эмблемой команды университета штата по американскому футболу и номером Рида на груди.

Вот черт! Я забыл, что сегодня мы летим на матч. Команда Рида играет против команды штата Луизиана.

– Что, черт побери, с тобой происходит? – Элла наступает на меня, и ее хвост качается в такт.

– Какой-то туманный вопрос, сестренка. Со мной происходит куча разного дерьма.

– Вчера вечером ты вел себя как настоящий подонок, – предъявляет она мне.

– То есть вел себя как всегда?

В ее голубых глазах появляется отчаяние.

– Нет, ты не всегда так себя ведешь, по крайней мере, по отношению ко мне.

Я пытаюсь вспомнить, что вчера такого сделал или сказал Элле. Когда я пришел к Фелисити, Элла и Вэл танцевали. Потом я устроил потасовку с

придурком Зиком, и Элла вмешалась. Тогда... о, точно, я отпустил какую-то идиотскую шутку по поводу того, что Рид у нее под каблуком, и насмеялся над тем, как она умоляет моего брата в постели.

Я глубоко вздыхаю. Проклятье! Я действительно тот еще подонок.

– Зачем ты так поступаешь? – спрашивает Элла.

О черт, ее нижняя губа дрожит. Клянусь богом, если она начнет плакать...

Но Элла быстро берет себя в руки. Поджигает губы и выпячивает подбородок. Эта девчонка словно сделана из стали. Ничто ее не ломает. Никогда. Неудивительно, что мой брат влюбился в нее в ту самую секунду, как она переступила порог нашего дома.

– Истон, у тебя проблемы с зависимостями.

– Да ну, правда?

Ее глаза вспыхивают.

– Здесь не над чем шутить.

Не над чем, действительно. Последний член нашей семьи, у которого были проблемы с зависимостями, убил себя к чертовой матери. Но я не такой, как мама. Я слишком люблю жизнь, чтобы наложить на себя руки.

– Мне нравится напиваться, – отвечаю я и начинаю рыться в шкафу в поисках футбольного свитера. – Подумаешь! Я же больше не глотаю таблетки. Когда вылетаем? – бросаю Элле через плечо.

– Через час. – Краем глаза вижу, как она скрещивает руки на груди. – Только без тебя.

Я разворачиваюсь.

– Да ну на хрен! У Рида игра!

– Я не хочу, чтобы ты летел с нами, – с сердитым видом отвечает Элла. Невозможно удержаться от смеха.

– Эй, сестренка, ну ладно, раз *ты* не хочешь, чтобы я летел, то так и быть, останусь дома. – Я стягиваю свитер с вешалки. – Не дождешься.

– Я серьезно, – самодовольным тоном заявляет она, и это выводит меня из себя. – Вчера ты вел себя как козел, и не только по отношению ко мне, но и к Вэл, Брэну и – поверить не могу, что говорю это, – Фелисити. Ты не заслуживаешь лететь с нами в Новый Орлеан, смотреть матч Рида, а потом наслаждаться вкуснейшими бенье и ужином на Бурбон-стрит. Это как пригласить енота, который только что раскидал весь твой мусор по лужайке, к себе домой и разрешить ему сделать то же самое на кухне.

– К счастью, не тебе решать, лечу я с вами или нет, – язвительно отвечаю я. Она только что сравнила меня с каким-то гребаным енотом?

– Ты в этом уверен? – Ухмыляясь, Элла вытаскивает из кармана

телефон и что-то печатает.

Секунд через десять на тумбочке у кровати начинает жужжать мой телефон. С подозрением глядя на Эллу, я пячусь назад к кровати и хватаю телефон. Читаю входящее сообщение. От Рида.

«Сегодня оставайся дома. Не хочу, чтобы ты прилетал».

Обжигающая ярость электрическим током пробегает по всему телу. Они, черт возьми, издеваются надо мной?

– Значит, так, да? – злобно бормочу я.

И вы только посмотрите: она еще разозлилась на меня, когда я сказал, что мой брат у нее под каблуком! Элла только что доказала мою правоту!

– До тех пор пока ты не возьмешься за ум – да.

Она разворачивается и быстро выходит из комнаты, золотистый торнадо самодовольства.

Элла и Рид не шутили. Мне по-настоящему запретили лететь в Луизиану с папой и сводной сестрой-предательницей, и я вынужден смотреть, как они, даже не оглянувшись, выходят из дома. Как дети малые, если вы меня спросите.

Да и ладно. Значит, я просто проведу день дома и поваляюсь у бассейна. Уж полдня в одиночестве я переживу. Ничего не делать – это здорово, вру я сам себе.

Я растягиваюсь на шезлонге, рядом на маленьком столике стоят бутылка воды и бутылка пива. Я пью из обеих по очереди, чтобы не обезвоживать организм и одновременно чувствовать легкое опьянение. К счастью, дома нет никого, кто мог бы отчитать меня за распитие спиртного среди бела дня.

В перерывах между дремой я думаю о Хартли. Она не отвечает на мои телефонные звонки. У нее сегодня выходной, это точно, а значит, она просто игнорирует меня.

В чем ее проблема? Я никак не могу понять, почему она *ничего* мне не рассказывает. Я ведь рассказал про маму, верно? А ей сложно довериться мне и что-нибудь поведать в ответ? И та цепочка... Это же был *подарок*! Кто вообще возвращает подарки? Почему с ней всегда так сложно? Лучше бы Хартли осталась в той школе-пансионе. Тогда ее здесь не было бы, и она не смогла бы сводить меня с ума.

И почему она *вернулась*? Разве кто-то не захотел бы остаться в пансионе? Только подумайте обо всей этой свободе! В смысле... конечно, я бы скучал по своей семье, но был бы совершенно не против, если бы меня отправили подальше от дома.

Что-то беспокоило Хартли. Беспокоило настолько сильно, что она

вернулась в Бэйвью вопреки воле родителей. А что бы я чувствовал, если бы не мог видиться со своими братьями?

Было бы отстойно. Я едва могу вынести день в одиночестве, и мне непременно нужно в чем-то утопить свое горе.

Тут я осекаюсь. Откуда, черт побери, столько жалкого пафоса? Я спокойно могу провести день один. Или даже неделю. Или год, если будет необходимо. Хартли – большой ребенок, если не смогла выдержать учебу в пансионе. Убежать обратно домой, где она никому не нужна, – зачем это? Начала бы новую жизнь сама по себе.

Я делаю большой глоток пива. Какое мне вообще дело? Мне не нужна Хартли, даже как друг. Я могу позвонить любой девчонке, и она бегом прибежит, чтобы потусоваться здесь со мной. Я могу заполучить любую, кого захочу. Девчонки не в силах устоять против меня, в том числе и та темноволосая девушка, которая вдруг появляется в патио, держа за руку моего брата.

Как только мы с Саванной Монтгомери встречаемся взглядами, в воздухе тут же повисает напряжение.

Я неловко ерзаю на шезлонге и делаю еще глоток пива.

– Привет, – бормочу я им.

Саванна одета в купальник, на Гидеоне плавки, на его мускулистой руке висят два полотенца. Теперь, когда они с Саванной снова вместе, он приезжает домой почти каждый уик-энд. Сэв учится в университете вместе с ним, она специально окончила школу на год раньше, но, догадываюсь, здесь, в Бэйвью, у них больше личного пространства, потому что в универе оба живут с соседями по комнатам.

– Привет. Не против, если мы поплаваем? – спрашивает Гид.

– Нет, плавайте сколько хотите. – Махнув рукой в сторону бассейна, я снова растягиваюсь на шезлонге. – А я пока вздремну. Эй, Сэв, как дела в колледже?

– Привет, – натянуто отвечает она. – Хорошо.

Я снова чувствую прилив раздражения, как с мисс Манн, когда она вела себя так, будто в нашей ситуации виноват только я.

В прошлом году я переспал с Саванной, но это было еще до того, как они с Гидеоном снова стали встречаться. Тогда она еще хотела причинить ему боль, ну а я... причинить боль себе, видимо.

Элла сбежала из города из-за Рида, и я был в бешенстве. К тому времени я уже больше не испытывал к ней влечения, но между нами была связь. По правде говоря, хоть у меня и полно друзей, на самом деле настоящих среди них не так уж много. Остальные – лишь приятели.

Но у нас с Эллой не просто дружба. Я доверял ей. И до сих пор доверяю, хотя утром она поступила как настоящая стерва.

И когда идиотские поступки Рида заставили ее покинуть город, я просто слетел с катушек. Покатился по наклонной. Постепенно ускоряясь, падал вниз, как один из экспериментальных летательных аппаратов «Атлантик Эвиэйшн», который не набрал нужную высоту и разбился в пустыне, отчего все папины инженеры побежали за свои чертежные доски, пытаясь выяснить, что за ошибка проектирования привела к этому падению. Я та самая ошибка проектирования в семье Ройалов, немного не похожий на остальных, чаще всех лажающий по полной.

И все-таки никто не заставлял Саванну спать со мной. Да, конечно, я чувствовал себя виноватым после того, что между нами было, но не настолько, чтобы взвалить всю вину на свои плечи. В той кровати нас было двое. Гидеон об этом знает, и он не возненавидел нас. Честно? Я думаю, он так счастлив, что они с Сэв снова вместе, что охотно простит ей все прегрешения. А учитывая его собственный список грехов, он был бы лицемером, если бы начал пенять ей.

– Решил не лететь на игру Рида? – спрашивает Гид, бросая полотенца на шезлонг рядом. Похоже, никто не просветил его по поводу моей поездки в Луизиану, вернее, про запрет на нее.

– Чувствую себя как-то не очень, – вру я. – Жуткое похмелье.

– Наслышан, – сухим тоном отвечает он.

Саванна подходит к мелкой стороне бассейна и трогает пальцами воду.

– Вода приятная, – кричит она Гидеону. – Давай поплаваем, Гид!

– Минутку. – Он снова смотрит на меня. – Сойер сказал, что вчера вечером ваш новый квотербек притащил твою пьяную задницу домой и уложил в кровать.

Я делаю себе мысленную заметку позже настучать по башке Сойеру. Или Себастиану. Да любому из них, потому что эти два засранца как один человек. Можете спросить их девушку.

– Надо тебе завязывать с выпивкой, – советует мне Гидеон. – Ты уже вырастаешь из этого дерьма, Ист. Я думал, ты хочешь снова летать.

Эти слова режут как по живому. Гид иногда может быть очень резким.

– Я буду снова летать. Просто жду, когда смогу выбраться из этого дома, подальше от отца. А если учеба в университете превратила тебя во взрослого, это еще не значит, что я последую по твоим стопам. Я хочу наслаждаться этим подростковым возрастом столько, сколько смогу.

Разочарование в его взгляде задевает меня еще больше.

– Ну ладно, Ист. Продолжай и наслаждайся жизнью.

Гид подходит к Саванне, я откидываюсь на спинку шезлонга, они прыгают в бассейн, и все мы дружно притворяемся, что я никогда не видел голый подружку своего старшего брата.

Глава 22

Выходные пролетают быстро. Я думаю о Хартли чаще, чем следует, и хотя до смерти хочу увидеть ее, мне удастся проявить силу воли. Я решаю, что просто подожду и мы поговорим уже в школе. Извинюсь, что вел себя как кретин, и буду надеяться, что она не станет упрямиться и простит меня.

В воскресенье вечером Элла решает, что ей можно снова разговаривать со мной. Она входит в домашний кинотеатр, где я как раз смотрю фильм Тарантино (жестокий и кровавый), и сразу же воротит нос от экрана.

– Кто-то настроен кровожадно, – поморщившись, замечает она.

Я пожимаю плечами, продолжая смотреть кино.

– О, мы вдруг снова разговариваем?

– Да. – В ее ответе звучит раскаяние.

Я прячу улыбку. В этом вся Элла: она не такая крутая, какой хочет казаться. У нее самое доброе в мире сердце, и она всегда беспокоится о других. И если эта девчонка убеждена, что вы сто́ите ее времени и сил, то она перевернет весь мир, только бы вы чувствовали себя любимыми и важными.

– Я знаю, что в субботу повела себя очень подло, – признается Элла. – Но я сделала это умышленно.

– Да ну? – усмехаюсь я.

Она подходит ко мне и садится рядом.

– Я пыталась доказать тебе кое-что.

– Что у тебя отлично получается устраивать бойкоты?

– Нет. Что твои поступки отталкивают. – Она с досадой качает головой. – Ист, о тебе заботится так много людей! Твой отец, твои братья, я, Вэл, твои товарищи по команде – все мы *любим* тебя.

Я чувствую покалывание в спине, как будто в меня вонзаются сотни игл дикобраза, и машинально наклоняюсь взять стакан, не сразу вспоминая, что там обычная газировка. Черт, мне нужно что-то покрепче.

Я уже поднимаюсь, когда Элла хватает меня за руку.

– Нет, – словно читая мои мысли, мягко произносит она. – Тебе не нужен алкоголь.

– Очень даже нужен!

– Каждый раз, когда ситуация становится эмоционально сложной или когда в разговоре начинают затрагивать серьезные темы, ты пытаешься отстраниться от этого, притупить свои чувства...

– Я не собираюсь выслушивать очередную лекцию.

– Это не лекция. – В ее взгляде застыло отчаяние. – Просто не хочу видеть, как ты снова напьешься и будешь разговаривать со своими друзьями так, словно они какой-то мусор...

Внезапно Элли перебивает голос Сойера, раздающийся по внутренней связи.

– Йоу, Ист, здесь Хартли.

Я испытываю удивление и радость одновременно. Она здесь? В самом деле?

Не мешкая ни секунды, я встаю и бросаюсь к двери.

Уже на пороге до меня доносятся слова Эллы.

– Я люблю тебя, Истон, и очень волнуюсь.

Искренняя тревога в ее голосе заставляет меня задержаться. Мне не нравится расстраивать Элли. Она из числа самых дорогих мне людей.

Я медленно поворачиваюсь к ней.

– Прости, что наговорил тебе всяких гадостей на той вечеринке, – бормочу. – Я не хотел тебя обидеть.

– Знаю. – Она ненадолго замолкает. – Просто я хочу, чтобы ты оставался рядом со мной как можно дольше, так что... береги себя.

Я беззаботно салютую ей одним пальцем.

– Заметано!

Выйдя в холл, сразу вижу Хартли, которая заглядывает в гостиную, где над камином висит мамин портрет.

– Это мама, – говорю я ей.

– Она красивая.

– Хочешь зайти?

– Конечно.

Я толкаю дверь. Эта гостиная была одним из любимых маминых мест в доме – огромная комната с двумя окнами от пола до потолка с одной стороны и камином – с другой. Когда я был здесь в последний раз, папа объявлял о своей помолвке с Брук.

– Вы с ней очень похожи, – замечает Хартли, по-прежнему не сводя с портрета взгляда своих серебристых глаз.

Я смотрю на мамино изображение.

– Мы все унаследовали цвет ее волос и глаз.

Хартли качает головой.

– Нет, еще у тебя ее овал лица и брови. У твоей мамы идеальные брови, и у тебя – тоже.

– Наверное. – Я никогда об этом не задумывался. – А ты на кого

больше похожа: на папу или на маму?

И я тут же хочу забрать свои слова обратно. Она же не любит говорить о своих родителях!

– Забудь, что я спросил.

– Нет, все нормально. – Хартли пожимает плечами. – Я больше похожа на папу. Паркер, моя сестра, похожа на маму: нежная, милая.

Я фыркаю.

– Тогда, в кафе, она что-то не показалась мне нежной и милой.

И мне снова хочется прикусить себе язык. Ну зачем я продолжаю болтать что попало?

Но Хартли удивляет меня. Она облокачивается о каминную полку, поглаживая кончиками пальцев нижнюю часть рамы из красного дерева.

– Вся эта нежность – ее оружие. Ты просто побоишься разозлить ее именно потому, что она такой ангел, и будешь стремиться получить ее одобрение, любовь и внимание.

Ух ты, она как будто говорит о моей маме. Настал мой черед удивлять Хартли.

– Но ты никогда этого не добьешься, потому что она занята только собой и своими проблемами.

– Знаешь кого-то похожего?

Я указываю на портрет.

Хартли кривит красивые губы.

– Отстой.

Она поворачивается ко мне, ее руки сложены на груди, словно она что-то держит, но непонятно, что именно.

– Прости меня за тот вечер. Я просто была не в настроении и разозлилась на тебя безо всяких на то причин.

Я выдыхаю так, будто внутри меня только что лопнул гигантский воздушный шарик.

– Нет, это ты меня прости. Я давил на тебя.

Хартли поднимает руку, чтобы я замолчал.

– Давай сначала я извинюсь, а потом ты скажешь?

– Хорошо. – Я жестом показываю, что застегиваю рот на молнию.

Она усмехается.

– Мне очень стыдно, что тем вечером я повела себя как избалованный ребенок. Прости, что накричала на тебя, порвала цепочку. Это было ужасно. – Она берет меня за руку и кладет что-то на мою ладонь.

С любопытством и немалым волнением я перевожу взгляд на подарок. Это тонкий кожаный браслет с серебряной пряжкой.

– Он не слишком...
– Он суперский, – перебиваю я Хартли и протягиваю ей украшение. – Надень его мне на руку.

Ее пальцы дрожат. Мне хочется притянуть ее к себе и обнять, но лучше я подожду, пока она справится с застежкой.

Красно-коричневая кожа отлично смотрится на загорелом запястье, и мне нравится вставка из серебра.

– Классно!

– Знаю, что ты не носишь ничего, кроме часов, но...

– Он потрясающий. И больше не говори ничего, потому что этот браслет мне очень нравится, и я не потерплю, чтобы кто-то хаял его, даже ты. – Я вытягиваю руку. – Обалденно.

Хартли улыбается.

– Обалденно или нет, но я рада, что он тебе понравился. О, у меня есть для тебя еще один подарок.

– Да? – осторожно спрашиваю я, боясь испугать ее своим пылом.

– Вот он: я кое-что сделала, мои родители очень разозлились и выгнали меня из дома. – Ее пальцы рассеянно поглаживают раму портрета. – У меня есть еще одна сестра. Я тебе говорила?

Я качаю головой.

– Нет, но я видел ее фотографию в той статье, которую нашел в Интернете.

– Ее зовут Дилан. Ей тринадцать. За три года я смогла поговорить с ней только восемь раз.

Хартли умолкает. Судя по ее виду, она вот-вот заплачет.

Я делаю шаг к ней, но она поднимает руку.

– Нет. Сейчас я не вынесу сочувствия. У меня начнется истерика, а я этого не хочу.

– Я разговариваю с Ридом как минимум раз в неделю, – неожиданно для себя признаюсь я. – И, наверное, сильно переживал бы, если бы мог видиться или разговаривать со своими братьями не больше двух раз в год.

– Да... это очень тяжело. – Хартли отворачивается и опускает голову. Подозреваю, что она тайком вытирает слезы, но притворяюсь, будто ничего не замечаю.

– Нам надо похитить ее, – предлагаю я.

– Мою сестру?

– Ну да. Поедем в ее школу, выкрадем девчонку прямо среди бела дня, а потом отправимся на пирс. Что скажешь?

– Хотелось бы.

– Seriously! Я великий махинатор. Устрою все без сучка без задоринки. Накупим себе фанел-кейков, которые ты, как я теперь знаю, очень любишь, ободки с ушами животных: вам с Дилан – с заячьими, а мне – с тигриными.

Хартли улыбается.

– А почему не наоборот? Ты мило бы смотрелся в розовом.

– Я был бы таким милым, что все аттракционы в парке остановились бы и Дилан не смогла бы на них покататься. – Я подмигиваю ей.

Улыбка Хартли становится еще шире, и тревога, беспокойство и раздражительность, которые снедали меня последних двадцать четыре часа, исчезают.

– Я хочу увидеться с ней! – крик доносится из холла.

Услышав знакомый мужской голос, я словно прирастаю к полу.

– Эллы нет дома, – доносится ледяной ответ моего отца.

– Чушь! Я знаю, она здесь, – рывкает Стив. – Отойди с дороги, Каллум. Она моя дочь, и я должен поговорить с ней.

Хартли постукивает пальцем по моему плечу.

– Наверное, мне пора.

Ей так же неприятно все это, как и мне, только по другой причине. Хартли думает, что мне неловко, но на самом деле я переживаю за Эллу.

– Нет, останься, – шепчу я.

– Ты должен держаться от нее подальше, вот что, – кричит в ответ папа. – Мы не стали запрашивать запрет на приближение только потому, что решили, тебе хватит ума не соваться сюда.

– Ты сам открыл мне ворота, – язвительно отвечает Стив.

Я чуть приоткрываю дверь, и голоса Стива и папы звучат еще громче. Мне непонятно, почему папа впустил Стива. Будем надеяться, что Элла далеко и не знает, что ее отец здесь.

Я достаю из кармана телефон и набираю сообщение Риду.

«Стив у нас дома».

«Знаю. Элла написала мне».

Черт.

«Ты где?» – спрашивает у меня Рид.

«В гостиной. А где Элла?»

«Сверху, на лестнице».

– Дерьмово, – бормочу я себе под нос.

Хартли встает рядом со мной.

– Что случилось?

– Биологический отец Эллы явился и устроил скандал.

Я показываю большим пальцем в сторону холла, где спор становится еще ожесточеннее.

– А у меня был выбор? – говорит папа. – Ты бы перебудил всех соседей, давя на клаксон как сумасшедший. Скажи спасибо, что я не стал вызывать полицию.

– А почему ты не стал? – насмешливо спрашивает Стив.

– Потому что Элла и так уже прошла через многое. Не хватало ей еще смотреть, как ее отца снова уводят в наручниках. Но я серьезно, Стив. Держись подальше от нашего дома. Ты больше не являешься ее законным опекуном, теперь это я. Суд...

– К черту суд!

Хартли вздрагивает. Я кладу руку на ее плечо, чтобы успокоить.

– Она моя дочь, Каллум. И я не знаю, что за лапшу вешают тебе на уши твои юристы, но Элла будет выступать свидетелем защиты, а не обвинения. Моя дочь *не* станет давать показания против меня.

Хартли ахает и тут же прикрывает рот ладонью.

Я наклоняюсь к ее уху.

– А ты думала, что скелеты в шкафу есть только у *тебя*? Поверь мне, нет секретов грязнее, чем секреты Ройалов.

– Вы, Ройалы, во всем должны быть самыми лучшими, – слабым голосом шутит она. Ее лицо побледнело, а в глазах испуг.

– Добро пожаловать в мой мир.

Я крепко сжимаю ее руку. В ответ она сжимает мою.

В холле продолжают спорить отцы, а в гостиной мы пытаемся успокоить друг друга.

– Ты больше не член нашей семьи, – холодно говорит папа. – Ты не отец Эллы. Ты не крестный отец мальчиков. Ты мне не друг, не мой партнер по бизнесу. И в следующий раз мы увидимся на суде, когда твоя дочь будет давать показания против тебя.

– Еще увидим, – парирует Стив.

Входная дверь хлопает. Я жду, пока папины шаги по мраморному полу не стихнут совсем, а потом выглядываю в холл. Там никого.

– Пойдем, – говорю я Хартли и тяну ее за собой.

– Куда мы идем?

– Искать Эллу.

Хартли качает головой.

– Иди один. Мне будет неловко говорить с ней на эту тему.

– Она будет не против...

– Это не мое дело, – решительно отвечает Хартли. – К тому же мне

правда пора. Нужно доделать домашнее задание на завтра. Я приехала сюда сразу после работы.

Я хватаю ее за руку, когда она устремляется к выходу.

– Подожди. – Я морщю лоб. – Я хочу знать больше о твоей сестре и о том, что происходит в твоей семье. Расскажешь мне завтра еще что-нибудь? Может, во время ланча? – Хартли молчит, а я чувствую разочарование. – Хотя, если хочешь, продолжай хранить все в тайне.

Хартли краснеет.

– Прости. Ты прав. Я действительно все скрываю. Но это не специально. Я никогда особо не любила говорить о себе. Еще даже до учебы в пансионе была одиночкой. В смысле, у меня были парни...

– Имена и адреса, – приказываю я. – Мне нужно знать, кого бью.

В ответ звучит смешок.

– Ой, расслабься. Они остались в далеком прошлом. Но да, кроме них, я больше почти ни с кем ничем не делилась. Не думаю, что у меня это хорошо получается.

– Очевидно.

Хартли слабо улыбается.

– Я еще молодая: учусь, расту и все такое. – Она пожимает плечами. – Но постараюсь быть хорошим другом. Вообще-то, именно это я и пришла сказать.

Она протягивает ладонь для рукопожатия, но вместо этого неожиданно для самого себя я обнимаю ее и тут же понимаю, что мне следует ответить на ее дружеский жест, поэтому беру ее руку в свою и держу дольше, чем следовало бы, но я тоже еще молод: учусь, расту и все такое.

Кажется правильным делать это вместе с той, кто держит меня за руку, особенно если на моем запястье ее подарок.

Глава 23

На следующее утро я еле-еле волочусь на тренировку. И не потому, что у меня похмелье, а потому, что вчера до поздней ночи смотрел кино с Эллой. Она была расстроена из-за Стива, вот я и пытался отвлечь ее. И теперь мне приходится хоть как-то функционировать после четырех часов сна. Тренер говорит, что если я не проснусь, то он заставит меня бегать до тех пор, пока я не заблую все гребаное футбольное поле.

Тренер Льюис не боится использовать крепкое слово.

Я выпиваю бутылку *Gatorade*, надеясь получить заряд энергии. Не помогает, но и тренер Льюис больше не обращает на меня внимания. Он занят с Брэном: они обсуждают новые схемы, по которым мы будем играть в пятницу.

Учебный день пролетает так быстро, что я не успеваю и глазом моргнуть, как звенит звонок на последний урок. Войдя в класс, я сразу же замечаю отсутствие мисс Манн. Вместо нее за столом сидит заменяющий учитель. В любое другое время я бы запрыгал от радости, потому что смог бы спокойно болтать с Эллой и Хартли и ничего не делать, не боясь последствий. Но сегодня я чертовски устал, чтобы радоваться.

Я тяжело опускаюсь на стул и громко вздыхаю.

– Посмотрите-ка, кто у нас тут такой бодрый и веселый, – с кривой усмешкой говорит Элла.

– Я хочу спать, – ворчу я. – Потому что уснул в два, а проснулся в половине шестого.

– Я тоже, – щебечет Элла, которая каждый день встает ни свет ни заря, чтобы успеть на работу в пекарню «Френч-Твист». – Но у меня все прекрасно.

– Рад за тебя.

Она усмехается.

– Кстати, классная штука.

Я поднимаю руку, чтобы похвастаться кожаным браслетом.

– Эта? Подарок моего лучшего друга. – Я поддеваю локтем Хартли, которая смущенно улыбается.

– Где ты был во время ланча? – спрашивает она.

– На собрании команды. Нам нужно разучить много новых игровых схем до пятницы. Тренер гоняет нас как проклятых.

Хартли собирается что-то сказать, но ее перебивает заменяющий

учитель.

– Истон Ройал! – громко говорит он, осматривая класс из-под хипстерских очков в черной оправе. В руках он держит *iPad*, который есть у любого учителя нашей школы – это их основная форма общения.

Я поднимаю руку и показываю на себя.

– Это я, учитель. Что случилось?

– Вас вызывают к директору. Пожалуйста, соберите свои вещи и пройдите в его кабинет.

– О-хо-хо, – еле слышно произносит Хартли.

Элла же смотрит на меня со смиренным выражением на лице:

– Что ты опять натворил, Ист?

Черт, это даже обидно: ну почему все, кого я знаю, такого невысокого мнения обо мне? Они всегда думают, что я что-то натворил, даже когда это совершенно не так.

Но у Эллы, к несчастью, есть полное право задать этот вопрос, потому что я, несомненно, кое-что сделал.

Вернее, кое-что кое с кем.

Пять минут спустя я вхожу в кабинет директора и сразу же замечаю мисс Манн.

Берингер сидит за своим столом, в соседнем с мисс Манн кресле для посетителей расположился мой отец.

Блин.

– Присаживайся, Истон, – не терпящим возражений тоном приказывает Берингер.

Я еще никогда не видел, чтобы его глаза-бусинки так сурово блестели. Обычно на его лице выражение покорности, как у заключенного-смертника, который наконец смирился с тем, что его отправят на электрический стул. Берингер прекрасно понимает, что не он управляет этой школой, а родители-мультимиллионеры, которые выписывают ему банковские чеки. Но, судя по его лицу, складывается такое впечатление, что сегодня все в его власти.

Мой взгляд останавливается на мисс Манн. Нет, у него есть власть только над *ней*. Мой папа вытащит меня из любой передраги – а я уверен: именно поэтому мы все здесь сейчас и собрались, – но пока Берингер взял ситуацию под свой контроль. Он удерживает лезвие гильотины, а на колоде – голова мисс Манн.

– В чем дело? – спрашиваю я. На Берингера я смотрю с недовольством, на папу – обиженно. Я хорошо умею врать, когда нужно.

– Да, Франсуа, в чем дело? – повторяет за мной отец.

Обожаю, когда папа начинает демонстрировать свою силу, называя людей по имени.

Берингер скрещивает руки на блестящей столешнице из красного дерева.

– До моего сведения дошли кое-какие весьма серьезные заявления, которые, боюсь, я не в силах проигнорировать... – Он зловеще умолкает, как какой-то бездарный детектив в сериале про полицейских. Не хватало еще пугающей музыки. *Там-дам-дам.*

– Давайте уже, выкладывайте, – рявкает папа, которого тоже раздражает весь этот пафос. – Меня все-таки вызвали с важной встречи. – Он поворачивается к мисс Манн. – Вы учительница математики моего сына?

Она слабо кивает. Еще чуть-чуть – и она будет такой же белой, как лист бумаги.

– И что же мой сын натворил на вашем уроке? – спрашивает ее папа. – Списывал? Достал ответы на контрольную и разослал всем своим одноклассникам?

Он перечисляет мои прошлые прегрешения.

– Нет, Каллум. Эта ситуация куда более серьезная, – мрачно объявляет Берингер.

И тут до папы доходит. Уже с тревогой он снова смотрит на мисс Манн, как будто впервые видит ее красивое лицо, только сейчас заметив, какая она молодая.

Когда он переводит взгляд на меня, в его глазах читается разочарование.

– От анонимного источника нам стало известно, что ваш сын и мисс Манн вступили в непозволительные... – он тактично делает паузу, – *отношения.*

Мисс Манн тяжело вздыхает. Ее глаза на секунду встречаются с моими, и я понимаю, что сейчас мы оба думаем о том, о чем недавно договорились: все отрицать.

Я решаю действовать первым.

– Что за чушь! – Я смотрю на Берингера в чистейшем изумлении, как будто отношения между учеником и его горячей училкой – это что-то из ряда вон выходящее. – Я и пальцем ее не тронул!

Берингер, кажется, ошарашен моими словами. А что, он думал, я вот так возьму и во всем признаюсь? Придурок.

– Понятно. – Помолчав, директор обращается к мисс Манн. – А что вы на это скажете, Кэролайн?

Ее зовут Кэролайн? Никогда бы не подумал.

– Что я на это скажу? – повторяет мисс Манн, и, черт, я впечатлен, каким спокойным, ровным тоном она это произносит. – Я скажу вот что, Франсуа. Я шокирована и возмущена. И, если честно, то, что вы вызвали меня к себе и обвиняете в сексуальной связи с *учеником*, – плевков в лицо!

– Значит, вы все отрицаете? – спрашивает Берингер.

– Конечно, отрицаю!

Я прячу улыбку. Забудьте про математику: она должна преподавать театральное искусство.

– Это стопроцентная ложь, – встречаю я, копируя ее рассерженный тон. – Я бы никогда не стал спать с женщиной такого возраста... Без обид, мисс Манн.

– Все нормально, – натянуто отвечает она.

– Поверьте, мне хватает внимания со стороны девушек моего возраста. Повисает пауза.

Папа снова смотрит на мисс Манн.

– Сколько вам лет, Кэролайн?

– Двадцать четыре, сэр.

Папа поворачивается к Берингеру.

– Истону восемнадцать. Даже если между ними что-то и было, здесь нет никакого преступления.

– Вы правы, никакого преступления. Но, к несчастью, это нарушает этические нормы. Если все это правда...

– Нет, не правда, – гневно в унисон отвечаем мы с мисс Манн.

Это просто спектакль века! Меня так и подмывает дать ей пять.

– Если честно, – говорю я, как будто эта мысль только что пришла мне в голову, – я бы хотел знать, кто распускает эти слухи, потому что если уж с кем вы и должны разговаривать, то только с *этим* человеком. – Я поднимаю брови, продолжая смотреть на Берингера. – Ну, вы понимаете, о распространении ложных слухов и попытке навредить репутации преподавателя «Астор-Парка».

Я театральным жестом показываю в сторону мисс Манн. Уже вошел в роль.

– Мисс Манн – классная учительница, – заявляю я. – Вы не поверите, но у нее получается преподавать математику интересно. Вы же знаете, как трудно завладеть моим вниманием...

Папа тихо усмехается.

– Но ей удалось увлечь меня, да так, что я каждый день с нетерпением жду урока математики. – Когда Берингер прищуривается, я быстро

поднимаю руку. – Чтобы *получить знания*, сэр. И ничего более.

– Итак, – быстро начинает отец. – Мой сын и эта молодая женщина высказались предельно четко. Кроме вашего анонимного источника, есть ли еще какие-то доказательства, что они были замешаны в неподобающих отношениях?

Директор нерешительно молчит. Затем его плечи опускаются. У него нет никаких доказательств, и мы все прекрасно это знаем.

– Очевидцы? – продолжает папа. – Кто-нибудь, кто может поклясться, что видел их вместе?

Берингер качает головой.

– Нет, у нас есть только слово одного из учеников...

Одного из учеников?

Я сразу весь внимание. Интересно, что это за крыса сдала меня Берингеру?

Это точно не Элла и не Вэл. Не Хартли и не кто-то из моих товарищей по команде. Хотя кое-кто из парней мог проболтаться кому-то еще. И этот аноним рассказал все Берингеру.

Значит, так. Кто у нас настолько жесток, что не постесняется подставить под увольнение мисс Манн, и настолько коварен, чтобы попытаться втянуть меня в неприятности?

Ага, я знаю, кто это может быть.

К счастью, эта дурацкая встреча заканчивается почти сразу же после того, как Берингер признается, что у нет никаких доказательств. Но, прежде чем отпустить нас, он все равно объявляет, что будет следить за этой ситуацией. Мисс Манн пыхтит, сердито и оскорбленно вздыхает и требует разговора с директором наедине.

Мы с папой молча выходим из кабинета. Он кладет руку мне на плечо, и мы оба вежливо киваем секретарше Берингера. Но, оказавшись в вестибюле, где никто не может нас услышать, папа тихо ругается.

– Господи, Истон! *Учительница?*

Я невинно хлопаю глазами.

– Я понятия не имею, о чем ты говоришь.

– Пусть ты и считаешь иначе, сынок, но лжец из тебя так себе. – Он раздосадованно качает головой. – По крайней мере, успокой меня и скажи, что это закончилось.

– Что закончилось?

– Истон. – Он делает глубокий вдох. – Ладно, знаешь что? Ничего не говори. Просто кивни, если это безответственное помешательство больше не продолжается.

В этот раз я решаю не строить из себя дурачка и быстро киваю.

Папа облегченно выдыхает.

– Хорошо. Позаботься о том, чтобы так оно было и дальше.

Спешно попрощавшись со мной, он выходит через парадные двери школы.

Я смотрю через окна вестибюля, как отец спускается по ступенькам и садится в ожидающий его перед входом лимузин. Дюран, шофер, закрывает заднюю дверь и садится за руль. Лимузин уносится прочь, наверное, чтобы доставить Каллума Ройала в центральный офис «Атлантик Эвиэйшн».

Цоканье каблучков по начищенному паркету заставляет меня обернуться. И я тут же хмурюсь.

– Все в порядке? – спрашивает Фелисити, но в ее голосе безошибочно угадываются нотки неопишуемого ликования. – Слышала, тебя вызывали в кабинет Берингера. И еще мне сказали, что какую-то учительницу – тоже. Какое совпадение!

– Хватит прикидываться. Я прекрасно знаю, что за всем этим стоишь ты, – тихо говорю я.

– За чем стою я? – Она хлопает глазами.

– Эта женщина могла потерять работу, Фелисити!

Но ее это ничуть не трогает. Она равнодушно закатывает глаза.

– Эй, сама заварила эту кашу. Развлеклась с учеником, а теперь пусть отвечает за свои поступки.

Я и сам так думал некоторое время назад. Но теперь мне не дает покоя страх, застывший в глазах мисс Манн, когда она столкнулась с возможным увольнением. *Мое* глупое, озабоченное поведение могло разрушить карьеру этой женщины, и из-за этого меня мучает совесть.

Я смотрю на торжествующее выражение лица Фелисити. Похоже, она очень довольна собой.

– Поздравляю, тебе удалось поквитаться со мной за испорченную пятничную вечеринку, – сквозь зубы говорю я. – Теперь мы можем объявить перемирие?

– О, милый, какое перемирие? – Она громко смеется, и ее хохот эхом проносится по огромному пустому вестибюлю. – Жаль тебя огорчать, но война только началась.

Глава 24

К моему удивлению, у шкафчика меня ждет Хартли. На ее лице читается тревога.

– Все в порядке? – прижимая к груди учебник по математике, спрашивает она.

– Да, все отлично. – Я запикиваю свои вещи в шкафчик и беру ее за руку. – Не хочешь чего-нибудь перекусить?

Я жду, что Хартли откажется, но она молча следует за мной.

– Истон, что случилось? – Когда мы выходим из главного корпуса школы, к нам подходит Элла. – Мне сказали, что видели здесь Каллума.

– Потом расскажу. Мы с Хартли торопимся. – Я тяну Хартли за руку. – Пойдем.

Мы залезаем в мой пикап. Хартли по-прежнему не говорит ни слова. Я же боюсь рассказывать ей о том, что было в кабинете директора. Она возненавидит меня.

Но мой язык без костей сам по себе начинает болтать.

– Кто-то разнюхал про меня и мисс Манн и рассказал Берингеру.

Хартли вздрагивает.

– О, нет.

– О, да. Я ни перед кем этим не хвастался.

– Я так и подумала. Но как все это всплыло? Я единственная, кто открывал дверь в класс. – Она на секунду умолкает, как будто вспоминает тот день. – Наверное, в коридоре были и другие люди, которые могли что-то видеть, но зачем ждать так долго?

– Мне кажется, нас больше никто не видел.

– Тогда как они узнали?

Я смотрю прямо перед собой. Мне не хочется видеть выражение ее лица, когда я признаюсь.

– Я мог ляпнуть что-нибудь сам, не подумав. Это было глупо. Паш доставал меня расспросами о том, не собираюсь ли я замутить с девчонкой из «Астора», а когда я ответил «нет», то, наверное, каким-то образом намекнул, что мне нравятся сложности.

– Значит, это Паш рассказал?

– Ну точно не Элла и не Вэл.

– Истон Ройал! Скольким людям ты об этом проболтался?

– Многим, – скорбным голосом отвечаю я.

– Зачем? Зачем, ради всего святого, ты это сделал? Ты гордишься тем, что было между тобой и мисс Манн? Ты рад, что ее собираются уволить?

– Никто ее не уволит. Мы оба все отрицали. И нет, я не горжусь этим, и еще раз нет, я бы не стал радоваться, если бы ее уволили. Я просто... я хотел оттянуться.

Мой ответ звучит ужасно, потому что единственное мое оправдание – это то, что я Истон Ройал, и моя единственная цель в жизни – делать так, чтобы мне было хорошо. Все было бы нормально, если бы от этого не страдали другие. Но в этом-то и проблема: кто-нибудь обязательно пострадает.

Я жду, когда Хартли напустится на меня (совершенно справедливо, хочу отметить), но она удивляет меня.

– Ладно, что ж. Что было, то было, и сейчас нет смысла заикливаться на этом, верно?

Верно. Я бросаю на нее полный благодарности взгляд и завожу двигатель.

– Куда поедем? – спрашиваю я, когда школа остается позади нас.

– А мы можем заехать ко мне домой?

Неуверенность в ее голосе вызывает у меня улыбку. О чем она так переживает? О том, что мне не понравится у нее? Но я уже дважды бывал там.

– Конечно. Как поступим: заедем куда-нибудь за едой, а потом поедим у тебя?

– Я не про квартиру. – Она вздыхает. – Я про дом... свой старый дом.

– Ой. – Мне хочется шлепнуть себя по лбу за то, что так сглупил. – Конечно, не вопрос.

Десять минут мы едем в полной тишине. Мне хочется задать ей тысячу и один вопрос, но я каким-то образом умудряюсь справиться с собой.

– Осторожно, там крутой поворот, – тихо говорит Хартли, когда мы приближаемся к ее дому.

– Знаю. Я чуть не врезался в своих братьев, когда ехал сюда в первый раз.

– Лорен живет дальше по улице. – Хартли показывает куда-то вдаль.

– Так и думал.

Я проезжаю мимо ее подъездной дорожки, потом разворачиваюсь и останавливаю машину через улицу, напротив входной двери Райтов.

– Хорошо, что у меня пикап, а не фургон. А то люди подумали бы, что мы собираемся кого-нибудь похитить. Но мы же не будем этого делать, правда?

Я говорю это полушутя-полусерьезно и бросаю на Хартли быстрый взгляд. Она едва обращает на меня внимание. Ее глаза, будто загипнотизированные, следят за домом.

Слева от дома, ближе к черному входу, стоят две машины. Одну из них, кроссовер марки «мерседес», я уже видел у «Хангри Спун Дайнер». Должно быть, это тачка Паркер. Окно, выходящее на улицу, плотно закрыто шторами, так что нам не видно, что творится внутри.

Вдруг ни с того ни с сего Хартли говорит:

– Я бы хотела рассказать тебе о том, что произошло, но не могу.

Я хмурюсь.

– Почему не можешь?

– Потому что я пытаюсь вернуться в свою семью. Надеюсь, что смогу уломать маму встретиться со мной. Но если я начну болтать о прошлом, то мое наказание будет длиться вечно.

Я умираю от любопытства, но решаю не давить на нее.

– Хочешь, я пойду и проверю, дома ли твой отец? Вдруг он вышел за молоком.

Она фыркает.

– Даже если бы отец умирал и это могло бы спасти ему жизнь, он все равно отправил бы маму. Но его нет дома. – Хартли показывает на машины. – Потому что нет его «БМВ». Зато Паркер здесь...

Она умолкает, потому что из дома начинают выходить люди. Я узнаю Паркер, которая несет на руках темноволосого мальчика. Рядом с ней идут Джоани Райт и высокий мужчина с блестящими черными волосами. Следом за ними, держась за руки, показываются маленькая девочка в красивом платье и лакированных туфельках и угрюмая школьница в рваных узких джинсах и обтягивающем укороченном топе.

Хартли поднимает руку к стеклу и всхлипывает. Честное слово, мрачная девочка-тинейджер как будто ее слышит. Она останавливается и смотрит в нашу сторону.

Я не хочу, чтобы Хартли поймали, поэтому наклоняюсь над консолью и тяну ее вниз. Ее тело в моих объятиях дрожит от беззвучных всхлипов.

Я провожу рукой по ее щеке и тихо описываю происходящее.

– Они рассаживаются по машинам. Дилан и какой-то парень...

– Муж Паркер.

– Муж Паркер и Дилан садятся в тачку Паркер. Паркер на пассажирском сиденье. Маленькая девочка поедет с твоей мамой.

– Мэйси – мамина любимица.

Хлопают двери машин, загораются красные стоп-сигналы.

– Эти девочки там в безопасности?

Хартли отвечает не сразу.

– Наверное. – И потом более уверенно: – Да. То, что происходит между мной и моим отцом, – это единичный случай.

Мне не нравится ее нерешительность, но я ничего не говорю. Вместо этого соскальзываю вниз по сиденью, когда машины начинают отъезжать от дома. Шум двигателей затихает.

Теперь, когда мы в безопасности, я выпускаю Хартли из объятий.

– Если хочешь, могу поехать за ними.

– Нет.

– Ладно. Тогда что будем делать дальше?

Хартли встречается со мной взглядом.

– Что ты думаешь про взлом с проникновением?

Я стараюсь не обращать внимания на ее поблескивающие от слез глаза и широко ухмыляюсь.

– Одно из моих самых любимых времяпрепровождений.

– Даже не сомневалась.

Мы выпрыгиваем из машины и бежим к черному входу, из которого только что вышли родственники Хартли. Она проходит мимо него. Я догоняю ее уже на заднем дворе.

У каждого добротного южного дома есть веранда, и особняк Райтов не исключение. Широкая деревянная терраса тянется вдоль всего дома. Две французских двери: одна ведет на кухню, вторая – в гостиную – обрамляют высокие, от пола до потолка, окна.

Хартли пробует первую дверь. Она оказывается закрытой, в отличие от второй. Я слышу короткий звуковой сигнал, когда дверь открывается, и замечаю красную лампочку над наличником. Охранная система отмечает, когда двери открываются и когда закрываются.

– А, не обращай внимания, – говорит мне Хартли. – Это для вида. Папа установил ее, еще когда я была маленькой, но потом поссорился с охранной фирмой из-за того, что они недостаточно быстро приехали после его звонка, и отказался от обслуживания.

Я киваю и оглядываюсь по сторонам. Хороший дом, как и подобает. Пахнет средством для чистки. Всюду царит идеальный порядок.

Хартли проходит через гостиную и поднимается по лестнице. Я следую за ней и, как и она, останавливаюсь у последней ступеньки.

– Где твоя комната?

Она показывает на последнюю дверь слева.

– Не против? – спрашиваю я, потому что сгораю от любопытства.

Хартли слабо улыбается.

– Ни в чем себе не отказывай.

Странно, но сама она входит во вторую комнату справа. Я же продолжаю свой путь к спальне Хартли. Черт, я в предвкушении. Наконец-то мне выпал шанс узнать ее поближе.

Облом.

Когда я открываю дверь, меня встречает пустота.

В центре на полу стоит несколько коробок. Белые голые стены. Ни кровати, ни какой-то другой мебели.

Как будто в этой комнате никто никогда не жил.

Обескураженный, я возвращаюсь в коридор, к лестнице. Проходя по нему второй раз, замечаю на стенах семейные фотографии, но на них у этой семьи две дочери, а не три. Как будто они стерли ее из своей жизни. Блин, это жестоко.

Интересно, знает ли Хартли? Должно быть, знает.

Я стучусь в открытую дверь и распахиваю ее еще шире. Хартли сидит на кровати, сжимая в руках фиолетовую подушку. Стены здесь тоже фиолетовые. На кровати валяются игрушечные собаки и медведи. На постерах изображены мальчишки с волосами, выкрашенными в цвета пасхальных яиц. Эта комната принадлежит ее младшей сестре, той самой, которую она не видела три года.

Я оттягиваю ворот рубашки. Мне вдруг становится тяжело дышать.

– Пойдем отсюда, – осипшим голосом говорю я.

Хартли поднимает на меня глаза и слабо кивает.

Я не собираюсь ждать, пока она передумает, ставлю ее на ноги и тяну вниз по лестнице.

Так мы оказываемся на пирсе. Фонари уже зажглись, сумерки уступают место темному вечеру. Я ставлю машину на парковку и оббегаю пикап. Хартли позволяет мне помочь ей спуститься. Взять ее за руку. Отвести к палатке с едой и купить горячий шоколад и фанел-кейк.

Выпив шоколад и съев половину пирожного, Хартли уже меньше напоминает зомби.

– Спасибо за ужин.

– Всегда пожалуйста. Хочешь прокатиться на колесе обозрения? – предлагаю я. – Ты говорила, что не каталась лет с двенадцати.

– Ты запомнил?

– Конечно.

Не давая ей времени на раздумья, подбегаю к киоску, покупаю билеты и веду ее к огромной ржавой груде металлолома. Ради этой девчонки я

готов на все.

– Знаешь, почему я так люблю колесо обозрения? – спрашивает она, залезая в покачивающуюся металлическую кабину и размещаясь на сиденье.

– Потому что хочешь побыстрее умереть? – Я залезаю вслед за ней и жду, когда опустится защитная дуга.

– Потому что сверху можно увидеть весь мир.

– Тебе нужно попробовать полетать на самолете. Это в тысячу раз лучше и безопаснее.

Наша жестянка начинает раскачиваться. На лбу у меня выступают капельки пота, внутри все замирает. Я прислоняюсь головой к тонкому металлическому столбику и начинаю считать от тысячи в обратном порядке. Нет, это было ошибкой. Мне нужно срочно выбираться отсюда. Я дергаю дугу, но она не поддается.

– Ты в порядке? – слышу я голос Хартли.

Она кладет руку мне на спину.

Так, ладно. Я передумал. Я смогу с этим справиться.

– Да.

– Ты весь взмок.

– Здесь жарко.

– На улице около пятнадцати градусов, и на тебе одна футболка.

– При любой температуре выше нуля мне уже жарко.

– У тебя гусиная кожа.

Кабина снова качается, и от металлического лязга мое сердце начинает колотиться как бешеное.

– Это потому, что я сижу рядом с тобой, – удается выдавить мне сквозь стиснутые челюсти.

Хартли прижимается ко мне.

– По-моему, в прошлый раз, когда мы здесь были, я наступила в какашку в комнате смеха.

– Это место давно уже пора закрыть. Вэл вляпалась в чью-то антиникотиновую жвачку.

Уф, и если они не могут привести в порядок комнату смеха, что уж говорить об этом орудии пыток? Я начинаю подстраивать дыхание под свой счет.

– Ты боишься высоты? – мягким голосом спрашивает Хартли. Рукой она нежно поглаживает мою ладонь. – Я думала, ты обожаешь летать.

– Я обожаю летать. Но я ненавижу ненадежность. В воздухе у меня все под контролем. Я знаю, кто сконструировал самолет. Я знаю приборы. Я

ими управляю. Но эта штука, похоже, держится на проволоке и жвачке. – Кабинка снова качается. – И это я еще их, наверное, переоценил.

– Тогда зачем ты полез сюда?

– Потому что ты хотела покататься.

Она молчит, кажется, целую вечность. Я закрываю глаза. Может, если не буду ничего видеть, то перестану представлять себе, как эта расхлябанная кабинка падает на землю.

– Мы уже наверху?

– Почти.

– Я не буду целовать тебя там. Даже если так нужно. Я не такой доступный.

Хартли усмехается.

– Никогда бы не подумала, что ты доступный.

– А вот это ложь. Ты считаешь меня кобелем.

Она снова смеется.

– Думаю, лучше употребить термин «свободным в выборе партнеров».

Теперь моя очередь смеяться.

– Ладно. Беру свои слова назад. Так и быть, я поцелую тебя на самом верху.

– Ну нет, лучшие друзья не целуются.

– С каких это пор? – возражаю я. – Наоборот, ты можешь целоваться *только* со своими лучшими друзьями. Это один из плюсов крепкой дружбы.

– Значит, ты целуешь всех своих лучших друзей?

Кабинка, дернувшись, останавливается.

– Нет. Я думаю, ты мой единственный лучший друг.

И, наверное, единственный настоящий друг, если не брать в расчет членов моей семьи. Но этого я ей не говорю, и без того чувствуя себя жалким неудачником.

К моей щеке что-то легко прикасается, словно перышко. Я задерживаю дыхание. Прикосновение становится уверенным. Я поворачиваюсь к Хартли. Ее глаза открыты, и она улыбается. Я ощущаю эту улыбку своими губами.

– Не волнуйся. Тебе не придется меня целовать, – шепчет она. – Я тебя поцелую.

Мой рот приоткрывается. Ее язык проскальзывает внутрь. Здесь, наверху, время останавливается. Стоп-кадр: я, она и бесконечное небо.

В этой нескончаемой пустоте ее поцелуй говорит мне, что я не один. Она касается своим языком моего, и раздается стон. По-моему, мой.

Кружится голова, я забыл, как дышать, меня переполняют странные эмоции, которые я не могу объяснить, да и не хочу. Я знаю суть, этого достаточно. Я счастлив. И это тот кайф, который я никак не мог получить ни от таблеток, ни от выпивки, ни от других людей.

Хартли тихо и хрипло стонет, и этот звук сводит меня с ума. Руками я обхватываю ее бедра, притягивая ближе. Наши языки снова встречаются, и, клянусь, мое сердце чуть не разрывается от бешеного ритма.

Это просто потрясающий поцелуй. Я хочу схватить ее, прижать к себе и сделать все, чтобы это мгновение длилось вечно.

Но механизмы колеса смерти снова начинают вращаться, и кабина опускается вниз.

Хартли отпускает меня и отодвигается в сторону. Недалеко, но достаточно, чтобы я понял: стена, которую она так любит воздвигать между нами, снова на месте.

– Спасибо, что отвлекла меня, – говорю я, пока она не придумала что-нибудь язвительное.

– Не за что. – Ее голос звучит бесстрастно.

Я разозлил ее?

Когда колесо останавливается и дуга поднимается, Хартли тут же выпрыгивает из кабинки. Я же не тороплюсь. Черт, мне хочется купить всю эту колымагу и отвезти домой, чтобы покрыть бронзой нашу кабинку. Это был такой момент, который хочется набить на себе чернилами, чтобы потом вспоминать его снова и снова.

Я слезаю на землю.

– Хартли...

– Да?

Легкий ветерок раздувает ее темные волосы. Я прижимаю их ладонью к ее голове. Она берет меня за запястье чуть выше кожного браслета, но не отталкивает, а притягивает ближе.

Я глубоко вздыхаю.

– Я хочу...

– Вы такая милая парочка! Улыбнитесь!

Мы с Хартли поднимаем удивленные глаза. Меня ослепляет вспышка, а когда белые точки исчезают, я вижу убегающую злодейку. Вернее, двух злодеек. Блондинки пронзительно верещат и даже не пытаются скрыть свою радость.

– Фелисити придет в ярость, когда это увидит!

– Сделай пост в «Инстаграме», а потом создай историю в «Снэп-чате».

Вот черт!

Я хмуро смотрю на их удаляющиеся спины. Хартли наконец решилась разрушить свои стены, и этот момент запечатлели две сплетницы из «Астор-Парка».

– Мне нужно волноваться? – Ее сухой тон вырывает меня из моих размышлений.

Я поворачиваюсь к ней и выдавливаю беспечную улыбку.

– Нет, не думаю.

Ее взгляд говорит мне, что она в этом не уверена.

Да я и сам не уверен.

Глава 25

– Вот твои конспекты, – говорит мне Хартли, когда на следующий день я подхожу к ее столу. – Я и забыла про них.

– Они мне все равно не нужны.

– Знаю.

– Знаешь?

– Конечно. Ты, наверное, запомнил наизусть весь учебник. Не так уж сложно разглядеть тебя настоящего за этой маской плохого парня, который ненавидит школу. – Она отворачивается, но я все равно успеваю заметить, как покраснели ее щеки.

Думает ли она о том, как вчера поцеловала меня? Я – да. *Только об этом* я и могу думать с тех пор, как открыл сегодня глаза. И только об этом я думал, когда вернулся вчера домой. Чертовски сложно спать с непроходящим стояком, поэтому у меня снова выдалась дерьмовая ночь, и на тренировке я снова был как зомби.

Я вкладываю листы в свою тетрадь.

– Это не маска. Я плохо пишу контрольные.

– Просто тебе сложно сосредоточиться.

– И это тоже.

Сегодня я решил сесть за ней, вытянув ноги по обе стороны от ее стола. Мне нравится наблюдать за Хартли со спины. Я вижу, как напрягаются и расслабляются ее плечи. Когда она наклоняется, мне виден изгиб ее шеи. Маленькие бугорки ее позвонков вдруг стали казаться мне самыми милыми на свете. Мне хочется укусить их.

Я ерзаю на стуле, потому что мои школьные брюки вдруг стали тесными.

– Где Элла? – Хартли разворачивается ко мне и показывает на пустой стол Эллы.

– Она сегодня отпросилась. Они с моим папой встречаются с нашими юристами.

На лице Хартли появляется сочувственное выражение.

– Ей правда придется давать показания в суде против собственного отца?

Я киваю. Наконец-то можно сосредоточиться на чем-то еще, кроме изящной шеи Хартли. И вообще... шеи? Теперь они меня возбуждают?

– Да. Когда Стив признался во всем, она тоже была там.

– Жесть.

Мне не очень хочется снова пересказывать все, что сделал Стив, поэтому я меняю тему.

– У меня вопрос получше: где мисс Манн?

Тоня Харрисон, которая сидит через два ряда от нас, отвечает:

– Она в кабинете Берингера. Второй раз за неделю.

– У кого-то неприятности, – напевает мой товарищ по команде Оуэн.

Кое-кто из класса поворачивается и смотрит на меня. Я же метая гневный взгляд на Оуэна, но он либо и правда ничего не понимает, либо отличный актер. Я провожу тыльной стороной ладони поперек горла, предупреждая, что ему лучше держать язык за зубами. В ответ он лишь морщит лоб.

Внезапно дверь резко распахивается.

– Боже мой! Кто-то сегодня спалился! – восклицает Глори Берк, капитан девчачьей команды по хоккею на траве.

На нее обрушивается град вопросов.

– В смысле? – спрашивает Тоня.

– Берингер и офицер Нэфф обыскивают чей-то шкафчик, – отвечает Глори.

– А они могут так делать?

– А как же права учеников?

– Согласно кодексу чести, если есть основание подозревать, что было совершено преступление, шкафчики можно досматривать, – отвечает Ребекка Локхарт. Кому еще знать, как не ей. Она президент нашего класса.

Мои одноклассники взволнованно перешептываются и обсуждают, кто же оказался под подозрением. Кто-то сидит на кокаине. Кто-то принимает стимуляторы. Кто-то трахается направо-налево. Кто-то напивается. Кто-то делает все и сразу.

И только у одного был секс с собственной учительницей.

Сейчас мне тесно уже в пиджаке, потому что меня накрывает чувство вины. Черт. Зачем я вообще соблазнился на мисс Манн? Это было так глупо! Очень глупо. И зачем, самое главное? Чтобы получить пятиминутное наслаждение? Какой же я идиот!

Скрестив руки на груди, я съезжаю по стулу. Обернувшись, Хартли сочувственно смотрит на меня, но я избегаю встречаться с ней взглядом и тарашусь на свой стол.

Я знаю, что она думает. *Истон Ройал – самый тупой придурок в мире. Что я вообще с ним делаю?*

Хотя... мы же не *вместе*, верно? Она поцеловала меня на вершине

колеса обозрения. Это что-то значит? Наверное, ничего.

В разгаре этого прилива жалости к самому себе я вдруг распрямляю плечи. Потому что... да пошло оно все! Какое мне дело до того, что думает обо мне Хартли, изгой, с которым не разговаривают даже члены ее собственной семьи? Какое мне дело до того, что думает кто-то из «Астора»? Я даже не трахнул мисс Манн. Так что, если уж меня собираются распать за секс с учительницей, мне стоит по-настоящему переспать с ней.

Встряхнувшись, я лениво растягиваю слова:

– Что? У нас тут появился еще один мятежник? Встань и покажи себя. В «Асторе» есть место только для одного подонка, и оно уже занято мной.

Среди перешептываний доносится нервный смех.

– Вообще-то, я думаю, что обыскивают ее шкафчик. – Глори неловко показывает на Хартли.

– Мой?!

– У тебя номер четыреста шестьдесят пять, верно?

Хартли осторожно кивает.

– Тогда точно твой.

Шепот перерастает в ровный гул, когда мои одноклассники принимаются обсуждать, что такого натворила Хартли. Она по-прежнему остается загадкой для многих: появилась из ниоткуда спустя три года отсутствия. Не участвует ни в каких школьных событиях. Обязательным факультативом выбрала музыку и репетирует отдельно от всех в музыкальной комнате.

Если не брать во внимание пару футбольных матчей, на которых она сидела с Эллой и Вэл, Хартли почти не участвует в общественной жизни «Астора».

До меня доносятся обрывки разговоров:

«...она общается с Эллой. Наверное, ее давняя подруга из стриптиз-клуба».

«...разве не ее отцу пришлось отказаться от гонки за кресло мэра из-за разразившегося скандала?»

«...ходят слухи, что они с Ройалом занимались сексом в музыкальной комнате».

Если я их слышу, то и Хартли – тоже. Протянув руку, я сжимаю ее плечо, чтобы приободрить. Она замирает, ощутив мое прикосновение, и я тут же чувствую это: легкое движение плечом, молчаливое «отстань от меня».

Уязвленный, я опускаю руку на стол.

Дверь снова открывается. Все дружно оборачиваются.

Когда в кабинет входит мисс Манн, я уже мысленно готов снова встретиться с ее несчастным взглядом. Но учительница всплывает в класс, высоко подняв голову, и смотрит на всех нас сверху вниз, как будто она королева, а мы – ее никчемные прислужники. Затем она отступает в сторону, и появляется директор Берингер.

В классе повисает мертвая тишина.

– Мисс Райт, – рявкает директор, – будьте любезны собрать свои вещи и проследовать за нами.

Он машет рукой Хартли.

Она не двигается.

Берингер откашливается.

Испуганно всхлипнув, Хартли вскакивает из-за стола, собирает свои вещи и идет к двери с прямой спиной, прижимая к груди учебники. Берингер придерживает для нее дверь. Они уходят, но мисс Манн остается в классе.

– Откройте ваши учебники на четвертой главе и ознакомьтесь с правилом дифференцирования сложных функций, – объявляет она. – А затем решите задачи с первой по двадцать вторую.

– Двадцать вторую? – возмущается Оуэн. – Тут на одно-то уравнение уйдет минут десять!

– Тогда вам лучше начать прямо сейчас, если не хотите получить пятьдесят задач к завтрашнему дню, – огрызается мисс Манн.

– Да, мэм.

Мы дружно открываем учебники, потому что с мисс Манн сегодня лучше не связываться.

Я едва успеваю решить все задачи до звонка, потому что все время отвлекаюсь на дверь, гадая, когда вернется Хартли. Но она не возвращается.

Стоит мне выйти из класса в коридор, как меня чуть не сбивает с ног Паш. Он уже ждал меня рядом с дверью.

– Чувак, Оуэн написал мне, что Хартли Райт арестовали.

Я вздыхаю.

– Ее не арестовывали, но обыскали ее шкафчик.

– Seriously? Но почему?

– Понятия не имею. – Я подхожу к своему шкафчику и убираю учебники.

– Она совершила что-то противозаконное?

– Нет, насколько я знаю.

Из шкафчика вылетают листы бумаги, и я наклоняюсь, чтобы поднять их. Это мои конспекты по математике.

Носок темно-синей женской туфли прижимает листы к полу.

– Что это, мистер Ройал?

Я поднимаю глаза на мисс Манн.

– Конспекты.

– И они очень похожи на конспекты по моему предмету. Более того, они даже похожи на ответы к двум последним тестам. – Она протягивает руку ладонью вверх.

Я складываю бумаги, поднимаюсь и засовываю листы в свой шкаф.

– Во-первых, это не ответы на ваши тесты, а во-вторых, даже если это они, какая разница? Все контрольные уже прошли.

– И почему я должна вам верить?

– Потому что это правда. – Я захлопываю дверцу шкафа.

– Вы давали эти конспекты мисс Райт?

В голове загорается огромная красная лампочка. Я не могу соврать, потому что у Хартли, вероятно, большие неприятности. Но сказать правду я тоже не могу, потому что не знаю, как это повлияет на ситуацию.

– Я учусь на одних С, так что списывать у меня решится, пожалуй, только дурак. И еще я не знал, что нам нельзя делиться конспектами со своими одноклассниками. Спасибо, что просветили. – Я поворачиваюсь к Пашу. – Подстрахуешь меня? Сегодня собираюсь поработать над бицепсами.

Бросив быстрый взгляд на мисс Манн, Паш отвечает:

– А я сегодня занимаюсь ногами.

– Не слишком ли холодно, чтобы носить шорты, мистер Бхара? – едко спрашивает мисс Манн.

Фактически нам разрешено ходить в школу в шортах, только когда на улице тепло. Но «тепло» для Паша – понятие относительное. Он круглый год гоняет в шортах и «тимбах». И неважно, что на улице всего четыре градуса тепла.

– Нет, мэм. Ноги должны загорать. – И он выставляет ногу вперед, как модель на подиуме.

– Очень плохо, что школьная администрация не делает ничего, чтобы наказывать тех, кто нарушает школьные правила, – доносится до нас тошнотворно-сладкий голос.

Развернувшись, я вижу, что к нам приближается Фелисити. Просто отлично!

Не сводя глаз с Паша, она продолжает:

– Скоро от нашей репутации лучшей школы в стране не останется и следа, а никому и дела нет. Стыд и позор.

Мисс Манн царственно кивает.

– Согласна с вами, мисс Уортингтон. Это стыд и позор.

Вместо того чтобы язвительно ответить Фелисити, как она того заслуживает, я подталкиваю Паша вперед.

– Что происходит? – озадаченно спрашивает он.

– Спасибо, что прикрыл меня.

– Всегда пожалуйста.

Я закусываю губу.

– По-моему, у Хартли действительно большие проблемы.

– Что?

– Даже не знаю. Как я уже говорил, ее шкафчик обыскали, а потом, перед началом урока, пришел Берингер и забрал ее. – Я искоса смотрю на него. – Ты же ничего никому не говорил про меня и мисс Манн?

Он хмурится.

– Конечно, нет. Зачем мне это?

– Верно. – Я останавливаюсь у входа в приемную директора. – Но все вскрылось.

– Да ты как-то не особо и секретничал, – замечает Паш.

– Знаю.

Я потираю лоб. В висках появилась тупая боль, но, прежде чем я начинаю биться головой о стену, двери приемной открываются, и выходит Хартли.

– Что произошло?

– Я... – На ее лице выражение полного непонимания. – Я даже не могу...

Я тут же беру ее за руку и веду к черному входу. Паш идет за нами, но Хартли, похоже, его даже не замечает. Она продолжает потрясенно качать головой.

– Меня отстранили от занятий до конца недели, и это запишут в мое личное дело.

Паш присвистывает.

– За что? – настойчиво спрашиваю я.

Она тяжело вздыхает.

– За списывание. У меня и правда очень хорошая оценка за последний тест. Но это потому, что я готовилась по твоим конспектам. Не знала, что это означает списывать.

– Это не списывание. Они в этом тебя обвиняют? – охваченный

гневом, спрашиваю я. – Это чушь какая-то! Мой папа обо всем позаботится.

Я вытаскиваю телефон и начинаю одной рукой печатать сообщение.

– Нет, – протестует Хартли. – Пожалуйста, не надо.

Я неохотно убираю телефон обратно в карман. По-прежнему сжимая челюсти от злости, спрашиваю:

– Что именно сказал Берингер?

– Что мои оценки стали гораздо лучше по сравнению с тем, какими они были раньше, и что это, скорее всего, результат помощи посторонних. Он спросил, не занималась ли я с репетитором. Я ответила, что нет. Он спросил, помогал ли мне кто-то. Я снова сказала «нет». И я совершенно забыла о твоих конспектах, потому что, когда меня спросили, помогали ли мне, я представила себе человека, который сидел бы рядом со мной, типа того же репетитора, понимаете?

Мы с Пашем киваем.

– Тебя просто ввели в заблуждение, – мягким голосом говорит Паш.

– Но потом мой консультант по обучению – он тоже там был – вытащил бланк с ответами.

– К тесту? – спрашиваю я.

Хартли с несчастным видом кивает.

– Они нашли его в моем шкафчике сложенным и приклеенным скотчем к одному из учебников, – бормочет она.

Мысли завертелись. Кусочки мозаики стали складываться. Мисс Манн, которая вдруг выглядит самодовольной, а не испуганной. Фелисити, которая болтает про сомнительную репутацию «Астора».

Черт! О, нет!

– Пойдем, – взяв Хартли за руку, рычу я.

– Куда? – пищит она.

– Да, куда? – спрашивает Паш.

– Вернуть Хартли ее доброе имя.

Найти Фелисити оказывается легче легкого. Она по-прежнему у своего шкафчика – как будто только меня и ждет. По обе стороны от нее стоят ее заклятые подружки. Одна из них – Клэр.

Я выгибаю бровь, но Клэр в ответ задирает подбородок. Меня как-то должно задеть это демонстративное презрение? Поборов желание закатить глаза, я отворачиваюсь от нее к Фелисити.

– Фелисити. – Я обнажаю зубы в совсем не приветливой улыбке.

– Истон. – Она улыбается так же холодно.

– Не знаю, какого черта ты все это вытворяешь, но тебе пора

остановиться.

– Да ну?

Я изумленно молчу. Я-то был уверен, что она начнет все отрицать.

– погоди минутку. – Хартли отталкивает меня с дороги. Видимо, она поняла, почему я сразу пошел к Фелисити. – Так это ты подложила банк с ответами в мой шкафчик? – Потом Хартли поворачивается ко мне. – Это она мне его подложила?

Я мрачно киваю. Фелисити снова улыбается.

В серых глазах Хартли сначала шок, а затем гнев, отчего они становятся похожи на хмурое грозное небо.

– Зачем?! – рычит она на Фелисити. – Зачем ты, черт побери, это сделала? Меня могли выгнать из школы!

– И что с того?

Хартли бросается вперед, и только вдвоем нам с Пашем удастся оттащить ее от Фелисити. Драки между девочками – это, конечно, горячее зрелище, но не когда одна из них – Фелисити Уоррингтон, и точно не когда Хартли вот-вот расплачется.

– Хватит! – Я тычу пальцем в Фелисити. – Ты за это заплатишь, слышишь? Нельзя вот так просто брать и чернить имя других людей...

Фелисити перебивает меня громким и искренним смехом.

– О боже! Ну ты и лицемер! – Она продолжает смеяться, и у меня в жилах вскипает кровь. – Вы с Ридом уничтожили репутацию Эллы еще до того, как она переступила порог «Астора»! И ты пытался уничтожить мою репутацию своей пьяной выходкой на моей же вечеринке!

Вот дерьмо! Эта пьяная ошибка будет преследовать меня до конца моих дней. Мне больше нельзя напиваться. Никогда.

– Так что мне совершенно плевать, если тебя, – Фелисити презрительно ухмыляется Хартли, – отчислят из школы. Вообще-то, я даже разочарована, что Берингер позволил тебе так легко отделаться. – Она отходит от шкафчиков и проходит мимо нас, бросив через плечо: – Кстати, это только начало.

Ее подружки следуют за ней, в том числе и Клэр, которая, поровнявшись с Хартли, насмешливо улыбается:

– На той фотке у тебя задница как у коровы, – язвительно говорит она. – Тебе стоит прикупить абонемент в спортзал.

Клэр убегает быстрее, чем Хартли успевает ответить. Она догоняет Фелисити и остальных, и их смех эхом прокатывается по коридору. Я слышу его, даже когда они повернули за угол.

Глава 26

Лицо Хартли красное как помидор. Паш открыв рот смотрит вслед Фелисити и ее свите.

– Что на нее нашло? – изумляется он.

Я тяжело вздыхаю.

– Понятия не имею.

– Она так и напрашивается, чтобы ее хорошенько...

Я скорее чувствую, чем вижу, что Хартли вот-вот взорвется, и торопливо прикрываю Пашу рот рукой, пока он не втянул нас обоих в неприятности.

– Не говори этого, – предостерегаю я его.

– Что? – бурчит он и отталкивает мою руку. – Я собирался сказать, что ей не помешает хороший пинок под зад.

Я скептически смотрю на него, а затем поправляю пиджак. Паш достает телефон и утыкается в него.

– Ты унизил ее, – наконец подает голос Хартли. – Вернее, мы. Она утверждала, что встречается с тобой, но ты продолжал это отрицать. Потом ты сказал ей, что она может бросить тебя, а сам заявился к ней домой, на ее вечеринку, и выставил на посмеище перед всеми друзьями.

– По-моему, именно это добило ее, – замечает Паш.

Мы с Хартли поворачиваемся к нему в ожидании разъяснений. Он протягивает нам свой телефон.

Проклятье! Я смотрю на фотографию с пирса, которую вчера сделала та девчонка. Она добавила хэштег «Астора», и хотя публикация была размещена только сегодня утром, под ней уже куча лайков. Снимок нас с Хартли, где мы томно смотрим друг другу в глаза на фоне колеса обозрения, понравился более чем тысяче человек.

Хартли стонет.

– О боже! Это топовый пост в ленте. Если это не соль на рану Фелисити, то даже не знаю... Я бы тоже захотела отомстить.

– Классная фотография, – комментирует Паш.

– Классная фотография? – переспрашиваю я, не веря своим ушам.

– Ну да. Классная фотография. Тот, кто ее делал, использовал длинную выдержку и смог уловить свет. Похоже на работу профессионала. – Он хмуро смотрит на меня. – Она в топе только потому, что отлично снята, а не потому, что на ней вы двое. Прости, если задел твое раздутое эго.

Я тоже смотрю на Паша с хмурым видом.

– Она нацелилась на Хартли из-за меня. Дело совсем не в моем раздутом эго. Дело в нас с ней.

– Может, вы двое перестанете ссориться? – вмешивается Хартли. – Разве так уж важно, почему эта фотография набрала столько лайков?

– Она права, – соглашается Паш. – Вопрос в том, как нам теперь успокоить Фелисити?

Я выгибаю бровь.

– Нам?

– Ну да. Я не собираюсь смотреть сложа руки, как Хар... – он легонько толкает ее в плечо, – отвечает головой за то, чего не делала. Так что давайте-ка усмирим Фелисити.

Хартли удается улыбнуться.

– Спасибо.

– Зачем нам усмирять ее? – спрашиваю я.

– Потому что ты не можешь побить ее.

– Есть другие способы.

– Какие, например? – с подозрением спрашивает Хартли.

Я открываю рот, но продолжаю молчать, потому что понятия не имею, что делать. Когда в последний раз одна из школьных стерв попыталась связаться с моей семьей, ответом *было* насилие.

– Помнишь, как Джордан Каррингтон приклеила к школьной стене скотчем какую-то девчонку? – наконец выдаю я. – Элла навала ей.

Паш и Хартли смотрят на меня как на сумасшедшего.

– По-моему, тебя слишком часто били по голове, – говорит Хартли и толкает локтем Паша. – Тебе необязательно впутываться во всю эту мерзость. Даже я не хочу иметь с этим ничего общего.

Он пожимает плечами.

– Это наш последний год в школе. Мне все равно больше нечем заняться. А кроме того, кто даст гарантию, что я не буду следующим? После Истона я второй любимчик в «Асторе».

Хартли улыбается.

– Да? А кто тогда на первом месте?

– Ты, конечно. Потом Элла. Но мы с ней связаны. Только я буду очень тебе признателен, если это останется между нами, потому что у нее отличный удар правой. – В притворном испуге он потирает руки.

– Как человек, которому не раз доставалось от Эллы, могу подтвердить, что Паш прав, – подхватываю я, благодарный другу за то, что он пытается разрядить обстановку.

Когда выражение лица Хартли светлеет, я решаю, что Паш двинулся в правильном направлении. Нам нужно больше шутить и смеяться. В жизни наступила черная полоса, так что плохого в том, чтобы немного повеселиться?

– Давайте устроим вечеринку, – заявляю я.

У Хартли так и отвисает челюсть.

– Что, прости?

– Вечеринку. Ну, типа «мне больше не нужно ходить в школу», что-нибудь в таком духе.

– Я «за». – Паш поднимает руку, и мы даем друг другу пять.

Но Хартли уходит.

– погоди, – кричу я, оставляя Паша одного и бросаясь вслед за ней. Паш тоже бежит за нами. – Тебе не понравилась идея с вечеринкой?

– Мне нужно на работу. – Ее голос звучит бесстрастно, лицо как каменное.

– Мы можем устроить вечеринку после того, как ты вернешься с работы.

Она внезапно останавливается.

– Вечеринку? Истон, ты издеваешься? Меня только что отстранили от занятий! Тут нечего праздновать!

Паш сразу же принимает серьезный вид.

– А что твои предки? Они не убьют тебя? Потому что мои меня точно убили бы, – признается он.

Хартли становится белой, как привидение.

Черт.

– Да, думаю, вечеринка – это плохая идея, – мямлю я, чувствуя себя последним дураком.

Мне и в голову не приходило, какими могут быть последствия ее отстранения. Думаю, и сама Хартли вспомнила об этом только тогда, когда Паш затронул эту тему. Директор, конечно же, первым делом позвонит ее родителям. А раз ей уже нельзя по каким-то таинственным причинам видаться с членами своей семьи, то страшно представить, что начнется теперь.

– Хочешь, я поговорю с твоими предками? – предлагаю я. – Объясню им...

– Нет. – Она становится еще бледнее, если такое вообще возможно. – Ты не скажешь им ни слова. Ни единого слова. – Хартли хватает меня за пиджак, ее пальцы впиваются в мою руку. – Пожалуйста.

– Хорошо, хорошо, – заверяю я ее.

Она отпускает меня.

– Мне пора.

Я и глазом не успеваю моргнуть, как она уносится прочь. Я пытаюсь догнать ее, но Паш тянет меня назад.

– Дай ей побыть наедине со своей семьей, мужик.

– У нее не... – Я закрываю рот, чтобы не разболтать то, о чем мне вообще не следует говорить. Но мне не нравится смотреть, как убегает Хартли. – Я не могу просто стоять и ничего не делать, чувак. Мне нужно чем-то заняться.

– Отлично, тогда езжай домой, – советует Паш. – Поговори с Эллой. Кто знает, может, она придумает, как разрулить эту ситуацию.

Как бы сильно мне ни хотелось догнать Хартли, я все же решаю воспользоваться советом Паша. Приехав домой, отправляюсь на поиски сводной сестры и нахожу Эллу в комнате за учебниками.

– Есть минутка? – спрашиваю я, постучав в открытую дверь.

Элла отрывается от книги.

– Конечно, входи. Что случилось?

Я выкладываю ей все как есть:

– Фелисити подставила Хартли, и ту обвинили в списывании на контрольной по математике, а потом на время отстранили от занятий.

– О господи! – вздыхает Элла. – Зачем Фелисити так поступила с Хартли?

– Чтобы отомстить мне. Она злится только на меня.

– Еще бы она не злилась. Ты опозорил ее на ее же вечеринке. Но почему она решила действовать через Хартли? Почему не выбрала кого-то из твоих близких друзей: меня, Вэл или Паша?

– Я так понимаю, сегодня ты еще не открывала ни «Инстаграм», ни «Снэп-чат».

– Нет. Мы с Каллумом провели целый день у юристов. – Элла откладывает учебник и берет свой телефон, валяющийся под рукой.

Я опускаюсь на кровать и прислоняюсь к мягкому изголовью. Догадаться, что она уже нашла нужную фотографию, несложно: Элла опять вздыхает.

– Вы что тут, целуетесь? – восклицает она.

– Не совсем. Но мы целовались на колесе обозрения.

Элла поражена.

– А что случилось с правилами? Ведь Хартли говорила, что тебе нельзя приставать к ней.

– Я и не приставал. Это *она* поцеловала *меня*, если хочешь знать.

Элла надолго замолкает. Своим взглядом эта девчонка вот-вот просверлит во мне дырку – так сильно она хочет залезть мне в голову. И что дальше? Я не знаю, почему она так смотрит на меня, и начинаю нервничать.

– Короче, – начинаю я.

– Ну уж нет! Давай мне тут без своих «короче». Мы еще не закончили с вашим поцелуем. – Элла проводит рукой по своим золотистым волосам. – Так вы, ребята, теперь пара?

– Не знаю, наверное...

Она открывает рот.

– Так ты хочешь этого или нет? Ты ведь не встречаешься с девушками, забыл?

– Я только *трахаюсь* с ними, – отвечаю я, вальяжно растягивая слова, и провожу языком по нижней губе. Может, если скатиться в пошлятину, Элла почувствует отвращение и бросит этот разговор.

Мой план срабатывает.

– Фу, Ист! Ладно, но зато сейчас мне все стало понятно. Если Фелисити думает, что между тобой и Хартли что-то есть, тогда ясное дело, почему она нацелилась на нее, чтобы отомстить тебе. – Элла на секунду умолкает. – И, если честно, ты заслужил это.

– Большое спасибо. – Я хмурюсь. – Обязательно нужно втаптывать меня в грязь?

– Ой, это правда тебя так рассердило? Прости. Может, тебе просто не стоило напиваться, заявляться к Фелисити и унижать ее перед всеми нашими друзьями и одноклассниками? Вот что бывает, когда не думаешь о последствиях.

– Господи. Тебе что-то залезло в задницу и умерло там? – Стоит мне это произнести, как я тут же жалею о сказанном.

Элла подскакивает ко мне и бьет по руке.

– Черт! – Я потираю ушибленное место и обращаю к ней полный обиды взгляд, но это не срабатывает.

Она скрещивает руки на груди и сердито смотрит на меня.

– Прости за слова про задницу, но можно мы больше не будем ворошить мое прошлое? А то это может продолжаться до следующей недели.

– Ладно. Но я извиняться не буду. Ты заслужил.

– Согласен. – Девчонка умеет драться. Неудивительно, что Джордан отступила.

– А ты можешь отделать Фелисити, чтобы она остановила весь этот

бред?

Элла усмехается.

– Нет.

– Ну почему? С Джордан-то сработало.

– Сработало не это, а то, что мы все объединились и дали отпор буллингу.

– Так давай снова объединимся и дадим отпор Фелисити.

– У тебя есть доказательства, что именно она подставила Хартли?

– Ну да. Она призналась в этом в присутствии Клэр и еще парочки девчонок.

Элла качает головой, взвешивая эту информацию.

– Значит, Фелисити твердо уверена, что они ничего не скажут, – наконец решает она. – И значит, это ее слово против твоего, а на твое слово положиться нельзя, ты постоянно притягиваешь к себе проблемы. Фелисити же состоит в обществе почета, она прилежная ученица, и у нее достойная семья.

– Спасибо за такую мощную поддержку, – ворчу я, но мы оба знаем, что Элла права. Проблемы – мое второе имя. – Может, мне стоит позвонить ей?

– И что ты скажешь?

– Попрошу прощения.

Элла бросает на меня сердитый взгляд.

– Шутишь, что ли? Ты до сих пор не извинился перед ней? Это первое, что ты должен был сделать!

– Может, и извинился. – Я задумываюсь и тут же морщусь: – Я не помню.

– Тогда да, думаю, тебе стоит позвонить ей и попросить прощения. – Элла пару раз качает головой, как будто не может поверить, что живет под одной крышей с таким придурком. – А еще лучше – купи ей цветы, пойди к ней домой и скажи, что повел себя глупо, не соображал, что делал, вообще был настоящим козлом и что все плохое, что она про тебя думала, – это правда, и умоляй ее не вымещать свое зло на Хартли.

Меня даже передергивает.

– Обязательно делать все?

– Да, – суровым тоном отвечает Элла. – Все.

– Ладно. – Грязно выругавшись, я соскакиваю с кровати, но в дверях оборачиваюсь. – Но мне все равно больше нравится идея, что ты отделаешь ее.

Элла кидает в меня подушку.

– Я не стану ее бить!

Я спускаюсь вниз и выбегаю на улицу, к своей машине. Но, съезжая с подъездной дорожки, неожиданно для себя самого поворачиваю не направо, как собирался, а налево.

Мне не понравилось, что Хартли сбежала от меня. А если ее родители приехали и сейчас кричат на нее? Ей наверняка понадобится моральная поддержка.

Я решаю, что сначала заеду проверить, как там Хартли, а на обратном пути разберусь с Фелисити.

Заехав на заправку, покупаю ведро мороженого, пару банок газировки и попкорн. Уже на кассе добавляю к покупкам две шоколадки. У витрины стоит ведро с розами, я решаю взять одну.

– Похоже, кто-то сильно на тебя злится, – говорит кассир, пробивая товар.

– Как догадался?

– Это набор «Прости меня» для чайников, – шутит он.

Я усмехаюсь. Вообще-то, я собираюсь извиняться перед Фелисити только розой, но мне становится любопытно:

– И каковы успехи с этим набором?

– Зависит от того, насколько ты был неправ. Если облажался по полной, придется извиняться по-крупному.

Я забираю все ведро цветов.

– Значит, по-крупному.

Кассир проводит картой по терминалу.

– Удачи!

Но, судя по тону его голоса, он уверен, что мне не повезет.

Спустя десять минут я останавливаю свою машину у дома, где живет Хартли, и глушу двигатель. Взяв пакет с покупками и три розы – Фелисити обойдется, – я поднимаюсь по шатким ступеням, перепрыгивая через одну. Уже собираясь постучать, я вдруг слышу голоса.

– На что бы ты ни надеялась, теперь этому никогда не бывать. Папа уже час как метает громы и молнии.

Я застываю на месте. Черт, это Паркер. Я перегибаюсь через перила, чтобы посмотреть, куда она поставила свой «мерседес», но его нигде не видно. Либо она оставила машину где-то дальше по улице, либо приехала на такси.

– Я этого не делала, – безучастным голосом говорит Хартли.

– Ты всегда находишь кучу отговорок, – презрительно фыркает Паркер. – *«Я не хотела шпионить за тобой, папочка. Я не хотела*

развалить твою предвыборную кампанию. Я не хотела позорить нашу семью. Я не хотела разрушать ее».

Повисает тишина.

Хартли ничего не отвечает. Думаю, что бы она ни сказала, Паркер все равно ей не поверит.

Я хочу постучаться. Хочу взять и войти. Хочу образумить Паркер.

Но какая-то божественная сила останавливает меня.

Я пытаюсь вдохнуть поглубже. Это все моя вина. Я напился и смешал с грязью девчонку, с которой лучше было не связываться, которая только и ждет, чтобы выпустить когти и отомстить. Я тупой баран. И поведу себя совсем тупо, если попытаюсь вмешаться в семейный спор Хартли.

Мне нужно что-то делать с Фелисити. Это пока *единственный* выход. А когда я все исправлю, Хартли сможет вернуть расположение своей семьи, и между нами не будет никаких проблем.

Я смогу все уладить. Смогу.

Глава 27

На следующий день в школе все только и говорят, что об отстранении Хартли от занятий. Можно подумать, в «Астор-Парке» никого никогда не наказывали. Но Хартли не заслужила этого наказания. А вот та, кто определенно его заслуживает, идет по коридору с видом королевы.

Я перехватываю Фелисити перед первым уроком. Она стоит у своего шкафчика, как обычно, со свитой. К счастью, Клэр нигде не видно. Это хорошо. Мне не нравится, что моя бывшая девушка так сдружилась с Фелисити. Кто знает, какой компромат на меня у нее есть: когда мы встречались, я часто напивался.

– А ну испарились! – рывкаю я подружкам Фелисити.

Должно быть, выражение моего лица говорит им, что я не шутики шутить пришел, и они разбегаются, как крысы с тонущего корабля. Забавляясь происходящим, Фелисити остается стоять на месте.

– Посмотрите-ка, какой крутой парень! Распугал всех невинных девушек, – насмешливо произносит она.

Я злобно смотрю на нее.

– Тоже мне, нашла невинных.

Закатив глаза, она захлопывает дверцу шкафчика. Я хватаю ее за локоть, не давая уйти.

– Ты получила цветы? – мрачно спрашиваю я. По дороге домой после визита к Хартли я завернул и к ней, но дверь мне никто не открыл, пришлось оставить цветы на крыльце.

– Да, получила.

– А записку? – Ее я тоже оставил. Там было написано всего три слова: «Прости меня. Истон». – Ты ее прочитала?

– Да.

– Ну и? Теперь мы в расчете?

Фелисити начинает смеяться.

– погоди, с чего ты решил, что твоя жалкая попытка извиниться примирит нас? Ох, Истон!

От досады я едва могу подобрать слова.

– Ради всего святого, Фелисити! То, что ты сделала с Хартли, – неправильно.

– Серьезно? Ты собираешься прочитать мне лекцию о том, что правильно, а что – нет? Ты, Истон Ройал?

– Да, я тот еще подонок, – охотно соглашаюсь я. – Я плохой, эгоистичный человек. Я напиваюсь, дерусь и сплю с девушками, с которыми не должен спать. Мне несложно это признать. Но Хартли ничего тебе не сделала. Так что, пожалуйста, скажи Берингеру, что та ситуация со списыванием оказалась досадным недоразумением и... – Я останавливаюсь, осознав, что попусту сотрясаю воздух.

Фелисити никогда не признается, что это она подложила ответы в шкафчик Хартли. Это будет равноценно признанию в том, что она специально подставила свою одноклассницу, которое будет грозить наказанием ей самой. Так что, как бы мне ни хотелось обратного, придется отпустить эту ситуацию. Хартли отстранили от занятий на три дня. Отстой, конечно, но она справится и в понедельник уже вернется в школу. Корабль «Освободите Хартли» уже уплыл. И сейчас мне остается лишь одно: помахать белым флагом Фелисити, пока она не навредила кому-то еще.

– Что я должен сделать, чтобы искупить свою вину? – спрашиваю я сквозь зубы.

Во взгляде ее голубых глаз вспыхивает сомнение.

– Ничего.

– Да брось! – не отстаю я. – Наверняка есть что-то, что я могу для тебя сделать.

Она выразительно смотрит на мой браслет. Я борюсь с желанием прикрыть его рукой.

– Что-то, что я могу купить тебе.

– Типа цепочки, сделанной на заказ?

– Заметано.

– А сумочка «Диор» из лимитированной коллекции?

– Понятия не имею, что это за фигня, но считай, она уже твоя.

– Она стоит тридцать пять тысяч. – И при этом она все равно умудряется смотреть на меня свысока.

Не знаю, как я буду объясняться с нашими бухгалтерами, но ладно.

– Подумаешь! У каждой девчонки должна быть сумочка из лимитированной коллекции. – Я протягиваю ей руку. – Значит, договорились. И когда Хартли вернется в школу, ты даже не посмотришь в ее сторону.

– Нет.

– Что?

– Это не сделка. Это расплата. И я еще не закончила.

Глядя в ее ледяные глаза, на едва заметную презрительную усмешку, мне хочется ударить кулаком по дверце ближайшего шкафчика. Поверить

не могу, что Фелисити торговалась со мной только ради того, чтобы потом обломать. Это только девчонки из «Астора» наслаждаются местью или они в принципе все такие кровожадные?

– Если хочешь, чтобы я умолял тебя, я буду умолять. Даже встану на колени.

На лице Фелисити расцветает улыбка.

– Было бы здорово на это посмотреть, но... нет, благодарю. Я задумала кое-что получше.

Сказав это, она стряхивает с локтя мою руку и удаляется.

Проглотив готовый вырваться стон, я смотрю вслед Фелисити. Да что, черт бы ее побрал, не так с этой дечонкой? Да, я выставил ее на посмеище, но неужели нельзя забыть об этом и жить дальше? Повзрослеть наконец?

Какая ирония: я приказываю повзрослеть кому-то другому!

Устало вздохнув, вытаскиваю телефон и набираю сообщение Хартли.

«Как ты?»

Она отвечает сразу же.

«Плохо».

Меня начинает мучить чувство вины. Я прислоняюсь к шкафчику Фелисити и набираю новое сообщение.

«Прости, Х. Это все моя вина».

В этот раз ответ задерживается. Я смотрю на экран, мысленно упрощая ее написать мне.

– Ист, – окликают меня.

Я поднимаю глаза и вижу Сойера и Лорен. Себа с ними нет.

– Привет, – рассеянно говорю я и снова опускаю глаза в телефон. По-прежнему ничего. – У меня все отлично. А у вас?

Мой младший брат фыркает.

– Мы не спрашивали об этом, но я рад, что у тебя все отлично.

– Ты опоздаешь на урок, – любезно напоминает мне Лорен. – Первый звонок уже прозвенел.

В жопу звонок и в жопу уроки! Хартли до сих пор не ответила на мое сообщение. Почему она молчит?

Потому что согласна, что ее отстранили по моей вине?

«Конечно», – нашептывает внутренний голос.

Блин, я и сам это *знаю*. Поэтому и извинился перед ней. Но... если честно, я ожидал, что она отмахнется, скажет: «Я не виню тебя, Истон. Это все Фелисити, бла-бла-бла...».

А вместо этого – тишина.

– Да, потом поговорим, – бормочу я своему брату. – Увидимся дома.

Я убегаю, но слышу их удивленные голоса за спиной.

– Он пьян?

– Не знаю.

Я покидаю школу через боковой выход и бегу к парковке. Мне нужно увидеть Хартли и извиниться перед ней лично. Мне нужно, чтобы она простила меня за то, что я втянул ее в эту историю с Фелисити. Я не специально. Мне важно, чтобы она это знала.

Дорога до ее дома занимает совсем немного времени. Но меня, как и вчера, уже кто-то опередил.

С нижней ступеньки я вижу мужскую спину в дорогом сером костюме.

– ...вышвырнули из лучшей частной школы страны. Ты позор для семьи Райтов, – говорит мужчина с отвращением.

Это отец Хартли.

Черт.

Я застываю на нижней ступеньке, надеясь, что тут меня не увидят.

– Меня не вышвырнули из школы, – звучит мрачный ответ. – А временно отстранили от занятий.

– За списывание! – гаркает отец Хартли. – Списывание, Хартли! Да что, черт побери, с тобой случилось? Кого я воспитал?

– Я не списывала, папа. Одна девчонка, которая меня ненавидит, подложила ответы в мой шкафчик. Я не обманщица!

– Директор твоей школы – член моего клуба, ты знала об этом? Теперь все мои знакомые и коллеги в курсе твоего маленького скандала. Во время завтрака меня только об этом и спрашивали.

– Кому есть дело до того, что думает кучка старичков из какого-то загородного клуба? – В голосе Хартли звучит отчаяние. – Правда – вот что важно.

– Ради бога! Ты и это проклятое слово! *Правда*. Довольно, Хартли!

Даже я вздрагиваю от его резкого тона.

– Довольно, – повторяет мистер Райт. – Ты возвращаешься обратно в Нью-Йорк. Сегодня же. Ты меня поняла?

– Нет! – протестует Хартли.

– Да. – Раздается шорох, как будто он что-то ищет в бумагах. – Вот билет. Твой самолет отправляется вечером, в одиннадцать.

– Нет, – снова говорит она, но уже без прежней уверенности.

– Ну ладно. – Помолчав, он продолжает. – Если ты не уедешь, я заберу Дилан из школы и отправлю ее вместо тебя.

– Почему? Ну почему ты все время угрожаешь мне младшей сестрой?

Она еще маленькая, папа!

– Ничего подобного. Ей тринадцать, и она уже поддалась твоему влиянию.

– Она принимает лекарства с восьми лет. У нее хрупкая психика, и ты это знаешь. Ты не станешь отрывать ее от семьи.

Мистер Райт как будто не обращает внимания на ее слова.

– Если ты не уедешь из Бэйвью, тогда мы оградим Дилан от тебя, выслав ее за пределы штата. Выбор за тобой.

Я сжимаю кулаки.

– Если я уеду... ты позволишь нам увидеться? – Хартли говорит так тихо, что я едва разбираю слова.

– Если ты сядешь в самолет, то сможешь провести с ней время по дороге до аэропорта.

Вот урод! Аэропорт в получасе езды отсюда.

– Я... я подумаю.

«Нет! – хочется закричать мне. – Не думай ни о чем. Борись с ним!»

– Я заеду за тобой в десять. Мы с Дилан подвезем тебя до аэропорта, где будем улыбаться и махать тебе, пока ты будешь проходить паспортный контроль.

– А если я не поеду с тобой?

– Я все равно отправлюсь в аэропорт, – невыразительным тоном говорит мистер Райт. – Кому-то придется сесть сегодня в самолет. Либо тебе, либо твоей сестре. – Он умолкает. – Я уверен, ты примешь правильное решение.

Глава 28

Я хочу выждать десять минут и только потом постучать в дверь, чтобы дать Хартли время прийти в себя после разговора с отцом и его жестокого ультиматума. Но проходит от силы минуты две, прежде чем дверь распахивается, и из квартиры, спотыкаясь, выходит Хартли.

Если бы я не оставил машину прямо у ее дома, то она вышла бы на середину улицы. А так Хартли чуть не врежется носом в мой пикап.

– Ты выглядишь так, словно напилась или как будто тебя переехал грузовик. – Я протягиваю ей руку, чтобы было на что опереться.

К моему удивлению, она принимает ее.

– Грузовик. Точно, меня переехал грузовик.

– Поехали покатаемся. – Не давая ей времени на раздумья, я усаживаю ее на пассажирское сиденье и пристегиваю ремень безопасности.

– Есть особые пожелания? – спрашиваю я, усевшись за руль.

– Нет, мне все равно. Просто увези меня отсюда. – С меланхоличным выражением лица Хартли прислоняется головой к окну и закрывает глаза.

– Не вопрос! – Я стараюсь вести себя непринужденно. Как будто меня не выворачивает наизнанку. Ненавижу. Ненавижу это чувство. И мне тяжело видеть Хартли в таком состоянии.

Я не задаю ей вопросов, она молчит, и мы едем в полной тишине. Забавно, что тишина может быть оглушающей. Как там она говорила? Только в тишине можно услышать биение сердца. А еще можно услышать, как оно разбивается. Воздух внутри пикапа становится тяжелым и удушающим.

Мы подъезжаем к старому причалу, расположенному недалеко от пирса. Повернув на усыпанную галькой площадку и остановив пикап, я, бросив беглый взгляд на Хартли, замечаю, что она беззвучно плачет. Слезы бегут по ее щекам нескончаемым потоком и, падая, оглушают, как раскаты грома.

Поэтому я и не глушу двигатель. Чтобы не слышать. Хартли сидит рядом и смотрит в окно. Интересно, она что-нибудь видит сквозь эту пелену слез?

Я делаю попытку поднять ей настроение.

– Папа рассказывал, что в семидесятых это было самое крутое место в городе. А я как-то ответил ему, что даже представить себе не мог, что в их средневековые у них были яхты.

Хартли слабо улыбается.

– Пойдем, погуляем у воды.

Я помогаю ей выбраться из пикапа. Теперь причал в ужасном состоянии. Обшивка из кедрового дерева посерела от песка и морской соли. Над водой возвышается только пара мостков. Остальные осели в воду или сломались.

Утро сегодня пасмурное, под стать нашему настроению. Хартли выглядит совершенно разбитой. Меня тошнит. Мы словно двое выживших после взрыва, которые бродят в оцепенении. Но мы хотя бы вместе, это уже хорошо.

Я беру Хартли за руку. Она тут же смотрит на наши переплетенные пальцы с подозрением.

– Почему ты не в школе?

– Потому что я волновался за тебя.

Потому что хочу, чтобы ты простила меня.

И Хартли, как всегда, видит меня насквозь.

– Ты хотел сказать: волновался, злюсь ли я на тебя.

Я глубоко вздыхаю.

Кажется, она снова права.

– Ты был рядом с моим домом. Видел моего отца?

– Да, – признаюсь я.

– Слышал, что он говорил мне?

Сначала я решаю соврать, но поступаю наоборот.

– Да.

Я снова беру ее за руку, и мы бредем по берегу. Здесь нет никаких ограждений, только каменистый откос шириной около двух метров, ведущий прямо к воде.

– Ты же не собираешься улетать, правда?

– Я... не знаю.

Я подавляю прилив паники.

– Черт, Хартли, что между вами происходит? Почему он так тебя не... – Я замолкаю, чтобы не сказать «ненавидит». Что-то подсказывает мне, что ей не понравится, если я скажу, что родной отец ее ненавидит. – Почему он так разозлился на тебя?

Она неотрывно смотрит на усыпанный галькой берег.

– Это долгая история.

Я раскидываю руки в стороны.

– У нас полно времени.

Она молча глядит вдаль. Мне же хочется двигаться, попинать

камешки, наорать на океан. Нет. На самом деле мне хочется отправиться домой к Хартли, пнуть ее отца и наорать на него. Но я остаюсь стоять на месте, и вскоре меня вознаграждают за терпение.

– Это было четыре года назад – хотя сейчас уже, наверное, все пять. Как-то ночью мне не спалось, и я спустилась вниз, чтобы выпить стакан воды. В гостиной папа разговаривал с какой-то женщиной. Они старались вести себя тихо, но эта женщина явно была расстроена и почти все время плакала. Наверное, поэтому я не стала мешать им и не выдала своего присутствия.

– О чем они разговаривали?

– Он обещал ей, что сможет решить ее проблему, но это обойдется ей в определенную сумму. Женщина сказала, что готова заплатить любые деньги, если он действительно поможет ее сыну.

Я хмурюсь.

– И что ответил твой отец?

– Не знаю. Я незаметно прокралась обратно наверх, чтобы отец не узнал, что я подслушивала. У него довольно вспыльчивый характер, так что все мы по возможности стараемся лишний раз не злить его. – Она сердито хмурится. – Но два дня спустя я услышала, как он спорил со своим боссом о том, что собирается воспользоваться «дискреционными полномочиями», что бы это ни значило, и отклонить обвинения, предъявленные Роки.

– Кто такой этот Роки?

– Ты не знаешь Дрю Роки?

– Нет.

– Он старше нас. Тогда ему было девятнадцать, его арестовали за хранение героина. Это был уже его третий привод, и ему хотели предъявить обвинение в торговле наркотиками из-за того объема, который у него нашли. Предусмотренное наказание – от пяти до двадцати трех лет тюрьмы. – Голос Хартли полон отвращения. – А потом, представляешь, героин, который изъяли у парня, потерялся в хранилище вещественных доказательств, так что мой отец снял с него обвинения.

– Начало мне уже не нравится.

– Мне – тоже, но я постаралась забыть об этом. Тогда мне казалось, что отец не сделал ничего плохого. Он был помощником прокурора и терпеть не мог преступников, связанных с наркотиками. Называл их отбросами, которые вредят обществу, и говорил, что все проблемы в нашей стране: убийства, семейное насилие, воровство – все это происходит именно из-за наркотиков. По его мнению, почти все преступления так или иначе связаны с ними.

– Ясно. Значит, ты не придавала этому значения.

– Да, и все, казалось, шло хорошо, но... это не давало мне покоя. Я стала совать свой нос туда, куда не следовало. Один раз я даже влезла в его компьютер. Он всегда пользуется одним и тем же паролем, только где-то раз в месяц меняет последнюю цифру, так что угадать его было несложно. И тогда я нашла анонимную учетную запись, куда люди писали ему о своих особых просьбах и упоминали того, кто направил их к нему. Там не было никаких деталей, а все исходящие письма содержали одну-единственную фразу: «Давайте встретимся».

Я удивленно поднимаю брови.

– И все они приходили к вам в дом?

По-моему, это чертовски рискованно.

– Нет. Обычно он встречался с ними в каком-нибудь людном месте. Визиты в наш дом были большой редкостью, и, думаю, именно поэтому он так разозлился на ту женщину. Не знаю, сколько именно дел он «уладил», но там было так много писем, Истон! Правда, очень много! – От досады Хартли закусывает нижнюю губу.

– Ты потребовала объяснений?

– Нет. Вместо этого я пошла к Паркер. Она приказала мне перестать выдумывать, держать рот на замке и не говорить никому ни слова.

– Паркер знала, чем занимался твой отец?

– Понятия не имею.

Я думаю, она все прекрасно понимает, только не хочет в это поверить. Я жду продолжения, но Хартли молчит. Наклонившись, она поднимает несколько камешков и бросает их в океан. Я тоже бросаю камешки, и где-то минуту мне удастся сдерживаться. Но потом я все-таки задаю вопрос, который не давал мне покоя еще с нашей первой встречи.

– Как ты сломала запястье?

Мой вопрос пугает ее. Она выпускает из руки камешек, и он с плеском падает в воду.

– Хартли, – не отступаю я, – как ты сломала запястье?

– Откуда ты знаешь, что я его ломала?

– У тебя там хирургический шрам.

– А, это. – Хартли потирает этот самый шрам. После короткой паузы она тяжело выдыхает. – После нашего с сестрой разговора прошло несколько месяцев, когда папа объявил, что собирается баллотироваться на пост мэра. Нам прочитали уйму лекций на тему того, как вести себя на людях. И даже приходила одна женщина, которая учила нас, как правильно стоять, улыбаться и махать рукой.

– Да, у нас тоже так было, – признаюсь я. – Здесь, на юге, очень важно уметь правильно себя преподнести.

Хартли презрительно улыбается.

– Поверить не могу, насколько сильно мне тогда хотелось быть идеальной дочерью. Я даже записывала себя на камеру перед зеркалом. Короче говоря, незадолго до начала девятого класса я порвала струну на скрипке и заказала в интернет-магазине новые. Я постоянно отслеживала посылку и, когда узнала, что ее вот-вот должны доставить, побежала в конец улицы, чтобы перехватить почтальона. И тогда я увидела папу, который сидел в машине с какой-то женщиной.

Хартли вдруг умолкает. Ей явно тяжело рассказывать обо всем этом. И я могу ее понять. Мне до сих пор не по себе от того, каким человеком оказался Стив. Я брал с него пример. Он летал на самолетах, пил как лошадь, у него всегда были самые крутые тачки и классные телки. Стив жил на всю катушку, и мне хотелось быть таким же, как он. Но мой образец для подражания оказался самым ужасным в мире человеком, и я не знаю, как мне теперь быть.

– Я долго наблюдала за ними. – Хартли наконец решает продолжить свой рассказ. – Они поговорили. Женщина отдала ему телефон и какие-то бумаги, а потом он вышел из машины, держа в руках портфель и рюкзак. Рюкзак – вот что было странно. Он никогда не ходил с ним. Я так увлеченно следила за отцом, что не заметила, как машина, за которой я пряталась, уехала. Тогда я побежала обратно к дому. Он поймал меня прямо у входной двери, схватил за запястье и с силой потянул. Папа был очень зол. Поэтому не рассчитал силу.

Она сейчас действительно оправдывает насилие со стороны отца? Это вызывает во мне ярость. Я незаметно сжимаю кулаки. До боли сложно не накричать на кого-то, не ударить что-то, но зато теперь я понимаю, почему она ненавидит насилие и отчего так распсиховалась, когда я потащил ее с собой на бои в доки.

– Он спросил у меня, что я видела. Сначала я все отрицала, но потом боль в запястье стала нестерпимой, и я принялась кричать, что все видела, что это неправильно, что он не должен делать то, что делает, и что я обо всем расскажу маме. – Ее нижняя губа подрагивает. – Он ударил меня по лицу и отправил в свою комнату.

– А как же запястье?

Ее губы дрожат, и Хартли с поникшим лицом отвечает:

– Поэтому оно и не срослось правильно. Меня не сразу показали врачу.

– Не сразу – это через сколько?

– Через три недели.

– *Что?! – взрываюсь я.*

Хартли тяжело сглатывает.

– На следующее утро папа зашел ко мне в комнату и сказал, что я уезжаю. Думаю, тогда я не до конца осознавала, что происходит. Мне было четырнадцать. Может, мне следовало дать ему отпор.

– Тебе было всего четырнадцать, – поправляю я ее. – И ты была напугана. Черт, моя мама забрала у меня таблетки и сказала, что смочит их в унитаз. Но я отдал ей все, хотя знал, что у нее с ними проблемы. Мы хотим, чтобы наши родители были счастливы, даже если ненавидим их.

– Наверное, ты прав. Но... короче, я все поняла, только когда мой самолет приземлился в Нью-Йорке. Уже в общежитии я позвонила домой и стала умолять маму позволить мне вернуться. Но она сказала, что папа – глава семьи и что мы должны во всем слушаться его. – В ее голосе слышен сарказм. – А еще она сказала, что как только я научусь быть хорошей дочерью, то смогу вернуться. Я не поняла смысла сказанного, но согласилась. Наверное, поэтому я не стала говорить про запястье. Но мне становилось все хуже, одна из учительниц заметила это и отвела меня в травмпункт. Понадобилась операция, чтобы оно срослось правильно.

– Что ты сказала им?

Хартли отводит взгляд.

– Что упала.

Я беру ее за подбородок и разворачиваю к себе.

– Тебе нечего стыдиться.

– Это сложно.

– Не нужно.

– Первый год все шло нормально. Мама напоминала мне, что папа участвует в борьбе за кресло мэра и что если я буду хорошо себя вести, то смогу вернуться домой.

– Но он проиграл выборы.

– Да. Паркер сказала, что мой отъезд в пансион заставил людей подумать, что папа не может справиться с собственной семьей, что уж говорить про Бэйвью. – На ресницах Хартли повисли слезинки. – Они так и не позволили мне вернуться домой. Папа не хотел разговаривать со мной. Мама сказала: я не смогла доказать им, что исправилась, а раз я плохая дочь, то меня лучше держать подальше от младшей сестры: я плохо влияю на нее.

– Я не понимаю. Как ты могла плохо влиять на нее? – Хартли очень переживает за свою семью. Гораздо больше, чем ее старшая сестра, как мне

кажется.

– Младшая сестренка... с ней все сложно. Она очень милая девочка, но иногда... – Хартли не продолжает.

Тогда я делаю это вместо нее.

– Иногда ей хочется кричать на весь мир без всякой на то причины? В один день она счастлива, на другой всем недовольна? Она может вдруг ни с того ни с сего стать жестокой и агрессивной?

Во взгляде Хартли застыло удивление.

– Откуда ты... – Она запинаясь, когда до нее доходит. – Ты тоже такой?

– Да, и моя мама. Я унаследовал это от нее. Думаю, твоей сестре тоже не очень нравится принимать таблетки.

Хартли кивает в ответ.

– У нее биполярное расстройство. Ну, по крайней мере, такой диагноз поставил ей детский психолог. Я слышала, как родители ругались из-за этого, потому что папа отказывается верить в то, что психические заболевания – это серьезно. Он думает, ее просто нужно держать в строгости.

Где-то я уже это слышал.

– Бедняжка.

– У тебя такой же диагноз?

Я смотрю на воду, боясь увидеть на лице Хартли осуждение.

– Вряд ли. Мне ставили синдром дефицита внимания и гиперактивности. Я начал принимать адерал с семи лет. Таблетки должны были успокаивать меня, но со временем перестали действовать. Я не хотел рассказывать маме, что они больше не помогают, что в голове все чаще шумит, потому что в то время ей хватало и своих проблем. Эти наркотики легко достать в школе. Кто-нибудь будет только рад поделиться прописанными им препаратами. Ну а потом было легко подсесть и на всякую другую фигню. – Последнее предложение я произношу уже еле слышно.

– Родители должны помогать своим детям, а не причинять им вред.

В глазах начинает покалывать. Я несколько раз моргаю.

– Точно. Когда ты виделась с сестрой в последний раз?

– Три года назад. Несколько раз мы разговаривали по телефону, да и то лишь благодаря тому, что она брала трубку раньше родителей. Иногда она скучает по мне. Но чаще ненавидит за то, что я бросила ее. Нельзя допустить, чтобы они отправили ее в пансион, Истон! Это ужасное место. Мне было там жутко одиноко. Три года без Рождества, Дня благодарения,

дней рождения и тех, кто тебя любит. Знаешь, каково это?

– Нет, – хрипло отвечаю я, – не знаю.

Хартли начинает дрожать.

– Я бы даже Фелисити такого не пожелала, что уж говорить про человека, которого я люблю больше всех на свете. Ее там затравят. Никто не сможет понять ее, никто не позаботится о ней, когда будет нужно.

– Но как ты смогла вернуться домой?

– В прошлом году я узнала, что у меня есть трастовый фонд. Помнишь, я говорила тебе про него? От бабушки. Так вот, им управляет сберегательно-кредитная компания Бэйвью, а не мой отец. Но питание и проживание не считаются образовательными нуждами, и поэтому я работаю в кафе. – Выражение ее лица снова печальное. – Я думала, что, если буду учиться в лучшей школе штата, не совать свой нос куда не надо и не болтать о сомнительных делишках отца, они позволят мне вернуться в семью.

– Но тут тебя отстранили от занятий за списывание. – Во мне снова просыпается чувство вины.

– Да.

– Это я во всем виноват.

Хартли наклоняет голову, чтобы посмотреть мне в глаза.

– Да.

Одно маленькое слово разрывает меня на части. Это жестоко. Очень жестоко.

– Я уже говорила тебе, Истон, проблемы идут за тобой по пятам.

Мне приходится отвести глаза, пока чувство стыда не сожрало меня живьем. Я пристально смотрю на воду и мысленно избиваю себя за все то дерьмо, в которое втянул эту девушку, втягиваю *всех окружающих*: Эллу, братьев, папу. Я жалкий неудачник. Они это знают, но все равно любят меня.

Почему?

– Но это рано или поздно все равно случилось бы, с твоей помощью или без.

Я удивленно поднимаю глаза на Хартли.

– Ты так считаешь?

Она мрачно кивает.

– С тех пор как я перебралась в Бэйвью, моя семья всегда настороже. Паркер наверняка шпионит за мной по папиному приказу. Мама сделает все, чтобы не подпускать меня к Дилан. Ручаюсь, мои родители только и ждали, когда я совершу промах. Ждали любого предлога, чтобы снова

выслать меня из Бэйвью.

Мне становится немного легче. Но я понимаю свою меру ответственности за произошедшее.

– Фелисити не стала бы донимать тебя, Хартли, если бы не я. Значит, это мне нужно все исправить.

– Ты уже не сможешь ничего исправить.

– Еще как смогу!

Хартли с вызовом смотрит на меня.

– И как же?

Помолчав, я отвечаю:

– Пока не знаю. Но я что-нибудь придумаю.

Она невесело смеется.

– Что ж, тебе стоит что-нибудь придумать до десяти вечера. В десять папа собирается заехать за мной, чтобы отвезти в аэропорт.

– Не поедешь ты ни в какой аэропорт, – решительно заявляю я. – Ты вообще никуда не поедешь.

Хартли лишь пожимает плечами.

Черт, она уже решила, что уедет. Я вижу это по ее глазам. Хартли готова на все, чтобы защитить свою младшую сестру, даже если для этого придется вернуться в ненавистную школу-пансион.

– Мне пора возвращаться, – говорит она, отходя от усыпанной галькой кромки воды. – Можешь отвезти меня домой?

Я киваю.

Мы залезаем в пикап и снова едем в полной тишине. Я изучаю ее профиль на каждой остановке на красный сигнал светофора. Когда я впервые увидел ее, то решил, что она вполне себе заурядная. Симпатичная, но ничего особенного. Красивые ноги, аппетитная попка, милые губки.

Сейчас, узнав ее лучше, я понимаю, что именно притягивает меня в ней – ее лицо. Разрозненные черты соединяются и образуют прекрасный облик. Нет, она не заурядная. Она уникальная. Я еще никогда не встречал никого, похожего на нее, и мне трудно поверить, что я могу больше никогда ее не увидеть.

Отчаяние, вызванное этой ужасной мыслью, заставляет меня поцеловать ее. Пикап едва успевает полностью остановиться перед домом Хартли, как я уже притягиваю ее к себе и целую.

– Истон, – начинает протестовать она и вдруг целует меня в ответ.

Все ощущения становятся ярче. Ее теплые губы чуть солоноваты на вкус, наверное, от слез. Я зарываюсь пальцами в ее волосы и притягиваю Хартли еще ближе.

Нежные руки обвивают мою шею. Бусинки сосков упираются в меня. Я протискиваю руку между нами, чтобы обхватить ладонью ее грудь, поласкать пальцами. По телу Хартли пробегают дрожь. Мое вздрагивает в ответ.

Я начинаю целовать ее сильнее. Мои руки отчаянно блуждают по ее телу, пытаюсь удержать его как можно ближе. Каким-то образом Хартли садится на меня верхом. Я провожу рукой вверх по ее бедру, обхватываю ладонью ягодицу, а потом прижимаю к себе.

Сказать, что я до предела возбужден, – ничего не сказать. Но я ведь парень. В возбужденном состоянии парни не всегда делают и говорят то, что нужно, их мозги заблокированы членами. И все же я жалею о сказанных словах сразу же, как только они слетают с моего языка.

– Давай пойдем к тебе, так будет удобнее.

Хартли тут же отстраняется от меня. Ее глаза превращаются в узкие щелочки.

– Удобнее?

– Да. Ну, ты понимаешь... – Я никак не могу отдышаться после наших страстных поцелуев и тупо повторяю: – Удобнее.

– Ты имеешь в виду, что там будет удобнее раздеваться? – спокойно спрашивает Хартли.

– Нет. То есть да, если ты этого хочешь. – *Заткнись, парень. Заткнись, черт бы тебя побрал.* – Я просто... мы сидим в пикапе, у всех на виду, а ты сказала, что твой отец может следить за тобой...

– Ну да. Уверена, именно поэтому ты так сильно захотел подняться ко мне, – бурчит она. Качая головой, Хартли расстегивает ремень безопасности и сдвигает его в сторону. – Просто ушам своим не верю!

Я хмурюсь.

– Ты правда сейчас злишься на меня? Ты же только что целовалась со мной!

– Знаю. Просто я была расстроена, и мне нужно было... утешение, наверное. Но ты все свел к сексу, как всегда.

Я уже начинаю раздражаться.

– Я лишь предложил пойти к тебе!

– Да. Чтобы мы смогли заняться сексом. – Хартли распахивает дверь со своей стороны, но не спешит покидать салон. – Спасибо за предложение, но я вынуждена отказаться. Мне нужно собирать вещи.

– Ты никуда не поедешь! – рычу я. – И сейчас мне плевать на секс. Мы целовались, я предложил пойти к тебе – подумаешь! Не надо все выворачивать наизнанку и вести себя так, будто я сделал что-то не так.

– Из-за тебя меня отстранили от занятий!
Я проглатываю стон отчаяния и безысходности.
– Знаю. И я пытаюсь все исправить, черт побери!
– Каким это образом? Занявшись со мной сексом? Как это может что-то поправить?

Во взгляде ее серых глаз усталость. Вздохнув, Хартли медленно соскальзывает с сиденья.

– Езжай домой, Истон, или возвращайся в школу. Просто... уезжай отсюда.

– А как же угроза твоего отца? Что ты собираешься делать?

– Не знаю, – еле слышно отвечает она. – Но что-нибудь придумаю. Я разберусь с этим сама. Мне не нужна твоя помощь.

– Нет, нужна.

– Нет, не нужна. Мне ничего от тебя не нужно. – Хартли начинает раздражаться. – С нашей первой встречи у меня от тебя лишь одни проблемы. Поэтому я прошу тебя, ради всего святого, не пытайся больше мне помочь. Не помогай мне и уж тем более не пытайся ничего исправить. Ты не в состоянии что-то исправлять. – Она печально качает головой. – Ты можешь только разрушать.

Сказав это, она уходит, оставляя меня с ножом в сердце. Но как бы сильно мне ни хотелось обратного, от этого обвинения не оправдаться.

Мне остается лишь поехать домой. Я не могу вернуться в школу: у меня такое чувство, как будто меня выпотрошили. У меня не осталось сил встречаться с Эллой, товарищами по команде или даже с этой стервой Фелисити. Так что я возвращаюсь домой и сразу же беру выпивку из бара, который папа, к счастью, недавно заполнил. Я не собираюсь напиваться до потери сознания. Мне просто нужно немного расслабиться, прочистить мозги, чтобы придумать решение проблемы, которую создал я, хаоса, который я сотворил.

Это мой долг перед Хартли.

Глава 29

В девять часов вечера меня осеняет.

Вот оно, решение.

Я соскакиваю с кровати, но мне требуется несколько секунд, чтобы перестать шататься из стороны в сторону и чтобы кровь отлила от головы. Ух ты! Так, ладно, наверное, мне не стоило вставать так резко. Я лежал на спине несколько часов подряд, попивая бурбон из бутылки, которую взял в папином кабинете. Надо бы запомнить и в следующий раз принимать вертикальное положение плавно и осторожно.

Но я хотя бы не напился.

Нет, точно не напился. У меня состояние легкого опьянения. Лег-ко-го.

– Истон, с тобой все в порядке? – Элла просовывает голову в приоткрытую дверь, на ее лице застыла тревога.

Увидев ее, я расплываюсь в улыбке.

– Я в полном порядке, сестренка! В охрененском, блин, порядке!

– Я слышала какой-то грохот. Ты упал? Что-то сломал?

– Тебе послышалось, – уверяю я ее. – Потому что я не падал и ничего не ломал.

– Тогда откуда на полу разбитая бутылка?

Ха, она права. На ковре лежит бутылка виски, расколотая на две части. Наверное, ударилась об угол тумбочки и разбилась, пока падала. Но виски? Я же пил бурбон.

Я поднимаю глаза на кровать, где оставил бутылку бурбона. О, должно быть, я пил из обеих.

– Ты куда-то собираешься?

– Не твое дело. – Я отрываю взгляд от бутылки и начинаю искать свои ключи. Вот дерьмо, не могу вспомнить, куда их положил!

Роюсь в куче одежды. Мое внимание привлекает позвякивание в заднем кармане джинсов.

– Ага! – радостно восклицаю я, вытаскивая связку ключей. – Вот вы где.

– Никуда ты не пойдешь! – Элла забирает у меня ключи. – Ты не в том состоянии, чтобы управлять машиной.

– Ну и ладно. – Я не сопротивляюсь и достаю телефон из другого кармана. Несколько раз ткнув в экран, я довольно улыбаюсь. – Ну вот. За мной уже едет машинка.

Судя по маленькой карте, мой водитель приедет через пятьдесят пять минут. Или нет... погодите, через *пять* минут. Хотя, клянусь, я видел две пятерки. Но лучше пусть пятерка будет одна, потому что мне нужно перехватить отца Хартли до того, как он поедет за ней, чтобы отвезти в аэропорт.

– Хорошо, – с видимым облегчением говорит Элла. – Но я хочу забрать и твои ключи от мотоцикла. На всякий случай.

– Они в прихожей у черного входа. Но я не стану брать их с собой, обещаю.

Но Элла все равно идет за мной, как будто ей нужно собственными глазами убедиться, что ключи остаются дома. Я облегчаю ей задачу и бросаю связку, когда мы проходим через прихожую.

– Это вам на хранение, – шучу я.

– Передавай Хартли привет, – сухо отвечает она.

Я пробегаю по подъездной дорожке и оказываюсь у главных ворот одновременно с водителем «убера». Назвав адрес, я поудобнее устраиваюсь на заднем сиденье и набираю номер Хартли.

– Что тебе нужно, Истон? – Наверное, это ее версия приветствия.

– Привет, детка. Я просто хотел сказать тебе, чтобы ты не уезжала со своим отцом, когда он заедет за тобой. – Очередная мысль приходит на ум. – *Если* он заедет за тобой. Может, в этом больше не будет необходимости.

– С чего это?

– Я же не говорю, приедет ли он точно или нет, – продолжаю трепаться я. – Просто если он приедет, не уезжай с ним. Ладно?

– Не понимаю, что ты пытаешься мне сказать, но если я не сяду в его машину, Дилан отправится в пансион. Папа не бросает слов на ветер. Если он что-то обещает, то следует этому до конца.

– Не волнуйся. Я обо всем позабочусь.

Повисает короткая пауза.

– В смысле?

– Я обо всем позабочусь, – повторяю я, улыбаясь сам себе.

– О боже, Истон! Что, черт побери, ты там задумал? Что происходит? Хотя нет. Знаешь что? Не отвечай мне. Я плевать хочу на то, что сейчас происходит, просто ты должен остановиться. Ты должен остановиться прямо сейчас.

– Не могу. Я уже еду.

– Куда едешь?

– В дом твоего отца. Собираюсь потолковать с ним.

– Что?! Истон, нет!

– Не волнуйся, детка, я тебя не подведу. Я все улажу.

– Истон...

Я вешаю трубку, потому что от всех этих криков у меня начинает стучать в висках. Ничего страшного, что она разозлилась на меня. Она успокоится, как только мне удастся убедить ее отца позволить ей остаться в Бэйвью. У меня есть план. Мистер Райт берет взятки. Значит, я дам ему взятку.

Я – Истон Ройал. У меня денег хоть жопой ешь. Мне только нужно будет отстегнуть немного папаше Хартли, чтобы он оставил нас в покое. Раньше деньги всегда решали все проблемы. Деньги и хороший удар кулаком в морду. Я буду только счастлив воспользоваться вторым вариантом, если понадобится. Вот только не знаю, как собираюсь уговорить его оставить в покое и сестру Хартли, но я намерен справиться и с этой задачей.

Водитель останавливает машину на обочине. Я начинаю вылезать из нее, но вдруг подъездная дорожка кажется мне какой-то уж очень длинной. Так зачем идти по ней пешком, когда у меня есть тачка?

Я хлопаю водителя по плечу.

– Подвези до двери.

– Нам нельзя заезжать на частную собственность, – отвечает девчонка.

Я вытаскиваю несколько банкнот и машу ими в воздухе.

– Меня там ждут.

Помедлив, она все-таки трогается вперед. Видите? Проблемы, плюс деньги равны нулю проблем. Ха!

Пошатываясь, я подхожу к двери и всем телом наваливаюсь на звонок. До меня доносится его раздражающая трель, снова и снова. Когда уже кто-нибудь откроет мне дверь?

Заметив в доме движение, я начинаю давить на звонок опять и опять, чтобы привлечь внимание.

Это срабатывает. Дверь открывается, и на меня смотрит мужчина примерно папиного возраста, только у него больше седых волос, чем у отца.

– Как поживаете? – Я киваю ему в знак приветствия. – Есть минутка?

– Кто ты, черт побери, такой? – спрашивает мистер Райт.

Я встаю в полный рост и смотрю на него сверху вниз. А он ниже, чем мне казалось, когда я видел его у Хартли.

– Истон Ройал! – Отсалютовать ему? Нет. Пора уже заканчивать этот цирк. Я залезаю в карман и достаю оттуда папину чековую книжку. –

Сколько это будет стоить, Джон?

Я улыбаюсь своей дерзкой выходке назвать его по имени.

– Кто ты такой, черт побери? – снова спрашивает он.

– Чувак, я же уже сказал тебе. – Что-то парень медленно соображает.

Он точно юрист? – Я Истон Ройал. Я хочу заключить с тобой сделку.

– Спускайся с моего крыльца и проваливай.

Дверь начинает закрываться, но я быстрый малый и успеваю проскочить в холл.

– Все, теперь никаких сделок, Джон. – Я машу чековой книжкой. – У меня здесь много. Назови свою цену.

– Истон Ройал, значит? – Райт скрещивает руки на груди и, прищурившись, пристально смотрит на меня. – Дай-ка подумать. Твоего старшего брата чуть не обвинили в распространении детской порнографии. Твой второй старший брат проходил главным подозреваемым в деле об убийстве пассивности твоего отца, в ходе которого выяснилось, что он и вышеупомянутая пассивность тоже состояли в отношениях сексуального характера. Твой отец чуть не разорил семейную компанию, ведущую свою деятельность больше века. Твоя мать была наркоманкой, которая покончила жизнь самоубийством. И ты заявился сюда, чтобы заключить со мной сделку?

Я стою с открытым ртом.

– Что ты только что сказал? – Ушам своим не верю! Вот козел! Я пришел сюда исключительно с благими намерениями, а ему хватило наглости оскорбить всю мою семью?

– Ты меня слышал. – Райт распахивает дверь. – Уноси отсюда свою задницу, Ройал-самозванец!

– Ройал-самозванец? Я самозванец? Это ты самозванец! У тебя нет чести. Ты ловко обставляешь свои делишки. Берешь деньги, теряешь улики. Ты хуже любого преступника, отправленного тобой за решетку. – Я выговариваю ему все это прямо в лицо, брызгая слюной.

Но Райт лишь смеется надо мной.

– А ты даже ничего не знаешь, да?

– Не знаю чего? Что ты козел? – Я толкаю его в плечи. Он пятится назад, улыбка исчезает с его лица. – Ты даже хуже, чем козел. Козлы бы оскорбились, узнав, что их сравнили с тобой. Тебе ничего не стоит поднять руку на ребенка! На свете нет никого хуже тебя. Даже заключенные захаркали бы тебе в спину.

Покраснев, Райт бросается на меня.

– Было бы у тебя столько же храбрости, не носи ты фамилию Ройал?

– Но я ее ношу, так что мы никогда не узнаем.

– Точно так же мы никогда не узнаем: то ли ты ублюдок Стива О’Халлорана, то ли отпрыск Каллума Ройала, верно?

Что?

Я пошатываюсь из стороны в сторону, но успеваю сохранить равновесие и не упасть лицом на деревянный пол.

Он усмехается.

– Но мы знаем, правда?

– Знаем что? – охрипшим голосом спрашиваю я.

– Что твоя мать-шлюха раздвинула ноги перед бизнес-партнером твоего фальшивого папочки.

Получив толчок в бок, я теряю равновесие и падаю на колени.

Я трясую головой и поднимаю глаза. Что за хрень он несет? Я не ублюдок Стива, я сын Каллума Ройала. *Я Ройал.*

– Даю тебе пять секунд на то, чтобы унес свою жалкую задницу с моей земли. Потом я вызываю полицию, – яростно шипит мне Райт.

Вдруг я каким-то непостижимым образом оказываюсь за порогом закрывающейся двери. Я таращусь на нее. Что сейчас произошло? Он правда только что сказал, что...

Тяжело дыша, я поднимаю кулак и стучу. Почему-то стук звучит так же, как хлопок дверцей машины.

– Какого черта, Истон?

Я изумленно разворачиваюсь. По идеально постриженной лужайке ко мне марширует Хартли. На подъездной дорожке стоит выдавший виды коричневый «вольво» – наверное, хлопок дверью этой развалюхи я сейчас и слышал.

– Чья это машина? – в недоумении спрашиваю я.

Сейчас мне все кажется полным бредом. В голове все смешалось. В организме слишком много алкоголя. А от заявления Райта меня до сих пор колотит и бросает в холодный пот.

Я не ублюдок Стива.

Нет.

– Это машина Хосе, – рывкает в ответ Хартли, приближаясь ко мне. Она хватается меня за руку мертвой хваткой. – Пойдем.

Я потираю затылок и пытаюсь сосредоточиться.

– Кто такой Хосе?

– Хозяин моей квартиры. А теперь отвали *на хрен* от двери и *иди за мной!*

У меня отвисает челюсть.

– Ты только что сказала «на хрен». Ты никогда не ругаешься. Почему ты ругаешься?

– *Потому что сейчас я готова убить тебя от злости!*

Я чуть не спотыкаюсь от ее крика и только тут замечаю, что ее лицо красное как свекла. Она колотит меня в плечо своими маленькими кулачками. Хартли страшна в гневе.

– Ты сердишься, – бормочу я.

– Я сержусь? Конечно, я сержусь! Я хочу *прибить* тебя! Как ты *посмел* приехать домой к моим родителям и... И что? – Ее испуганный взгляд останавливается на закрытой двери. – Пожалуйста, скажи, что ты еще с ними не разговаривал!

Я могу соврать. Точно могу. Мне необязательно рассказывать ей, что я угрожал ее отцу, он угрожал мне в ответ, что я попытался ударить его, а он сказал мне, что я никакой не Ройал, и захлопнул дверь у меня перед носом. Райта здесь нет, он не опровергнет мои слова. Я могу соврать.

Но я не вру, потому что слишком сбит с толку, слишком расстроен, чтобы придумывать историю для Хартли.

Я не ублюдок Стива.

Нет.

– Я пытался подкупить его.

Хартли открывает рот. Потом закрывает. Снова открывает. И снова закрывает. И дышит она так часто, как будто только что пробежала марафон.

– Ты пытался подкупить его. – Она в шоке умолкает. – Ты... пытался подкупить... помощника окружного прокурора.

– Эй, мы оба знаем, что он не прочь получить на лапу, – защищаюсь я.

Хартли смотрит на меня долго-долго. О черт! Она сейчас взорвется. Я уже вижу, что ее серые глаза превратились в грозовые тучи. Гром грянет в любую секунду.

Но, пока она подбирает слова, дверь открывается, и на пороге появляется мистер Райт вместе с Дилан. Девочка выглядит напуганной, но страх сменяется изумлением, когда она замечает свою старшую сестру.

Ее серые глаза расширяются.

– Хартли!

– Хорошенько взгляни на свою сестру! – гаркает Райт, показывая пальцем на Хартли. – Это из-за нее тебе придется уехать из дома!

Хартли вскрикивает.

Я бросаюсь к ее папаше-сволочи, но меня останавливает озадаченный голос Дилан.

– Хартли, – повторяет она, – что происходит?

– Дилан, иди сюда, – Хартли манит ее рукой к себе. – Никто тебя никуда не увезет. Поехали со мной, я...

– Ты не будешь ничего делать, Хартли, а возьмешь и уедешь. Ты больше не член нашей семьи. Дилан, возвращайся в дом и начинай собирать свои вещи. – Голос Райта звучит холодно и жестоко.

– Нет, пожалуйста, папочка, – умоляет его Хартли. – Прошу тебя, не делай этого! Я сделаю все, что ты захочешь. Все.

Она делает шаг вперед, но ее отец поднимает руку, приказывая ей остановиться.

– Иди в дом, Дилан, – командует он.

Взгляд Дилан лихорадочно скачет между Хартли и их отцом.

Я предпринимаю последнюю отчаянную попытку остановить это безумие.

– Эй, я же вам сказал, что заплачу любую цену, которую вы назначите, – обращаюсь я к мистеру Райту.

– Заткнись! – кричит Хартли. – Пожалуйста, заткнись.

Она поворачивается к своему отцу.

– *Прошу тебя!*

– Если с Дилан что-то случится, это будет на твоей совести. Тебе следовало хорошенько подумать, прежде чем открывать свой глупый рот! – Озвучив свою угрозу, мистер Райт хлопает дверью.

Этот глухой стук словно пуля летит в грудь Хартли. Рухнув на лужайку перед домом, она начинает плакать.

Я подбегаю к ней.

– Детка, прости. – Пьяный туман в голове стал рассеиваться, и на меня обрушивается вся тяжесть того, что произошло: Хартли, ее отец, ее сестра, я.

Стив.

– Зачем? Зачем ты сюда явился? – В глазах Хартли застыли слезы. Она дышит быстро и неглубоко.

– Я пытался помочь. – Я наклоняюсь ближе. – Скажи, что мне делать?

Она делает глубокий судорожный вдох.

– Ты пьян. Этот запах ни с чем не спутаешь. Значит, ты пришел сюда пьяный и выложил моему отцу все, чем я с тобой поделилась?

Горло сжимается от чувства вины и тревоги.

– Нет. То есть кое-что, но я не был пьян.

Хартли смотрит мне в глаза, видит мою ложь и медленно поднимается на ноги. Ее нижняя губа дрожит, когда она нетвердым, но серьезным

голосом, от которого у меня кровь стынет в жилах, произносит:

– Ты *пьян*. И ты нарушил свое обещание. Ты все испортил! Может, у тебя были добрые намерения, но ты сделал это только для того, чтобы облегчить себе совесть. Ты думал только о себе, и посмотри, что получилось! – Теперь Хартли уже плачет. Слезы ручьем катятся по ее лицу, цунами печали.

Внутри меня смятение борется с раскаянием. Мне не нравится то, что она говорит, и не нравятся чувства, которые вызывают ее слова. Я попытался поступить правильно. Разве я виноват в том, что ее отец – конченный мерзавец? Это моя вина, что он не взял деньги? Виноват ли я в том, что он наплел ужасную ложь о моей матери, об отце и о проклятом подонке, который точно мне *не* отец...

Теперь я начинаю сердиться.

– Я единственный, кто хоть что-то попытался сделать ради тебя! Это ты собиралась уехать и сбежать от всех проблем. Я хотя бы не побоялся встретиться с ним лицом к лицу. Ты должна спасибо мне сказать.

– Я должна говорить тебе спасибо?! – кричит Хартли. – *Спасибо* тебе? Ты издеваешься? В этой истории ты не белый рыцарь. Ты самый настоящий злодей!

– Кто? Я? – Я уже злюсь не на шутку.

– Да, ты. – Она пятится назад, спотыкаясь, ветер играет ее черными волосами. – Держись от меня подальше! Я никогда, никогда, слышишь, не буду больше разговаривать с тобой!

Ее слова звучат так, словно она уже поставила жирную точку. Охваченный паникой, я кричу ей вслед:

– Подожди, Хартли, да ладно тебе! Подожди!

Она игнорирует меня.

Я делаю шаг вперед, и хотя она повернулась ко мне спиной, такое ощущение, что шестое чувство подсказывает ей, что я пошевелился. Круто развернувшись, Хартли тычет пальцем в мою сторону.

– Не смей, – приказывает она. – Не смей идти за мной. Не приближайся ко мне. Вообще не двигайся!

Она снова разворачивается и чуть ли не накидывается на ржавую дверь уродливого «вольво», в котором приехала. Зеркало заднего вида даже не прикреплено к лобовому стеклу – я вижу через окно, как оно болтается под странным углом.

От вида этого раскуроченного автомобиля у меня сводит живот. Я мысленно рисую картину, как Хартли стучится в дверь своего соседа с первого этажа и умоляет его дать ей ненадолго его говенный автомобиль,

чтобы она могла остановить меня, засранца, и не позволить еще больше испортить ей жизнь.

Но она не все равно не успела. Как всегда, Истон Ройал уже облажался по полной.

Я беспомощно наблюдаю, как она выезжает задним ходом с подъездной дорожки. Мне хочется закричать Хартли, чтобы она вернулась, но вряд ли она уже сможет меня услышать. К тому же у этого «вольво» чертовски громкий двигатель. Как и визг шин другого автомобиля на дороге... Какого другого автомобиля?

Я несколько раз моргаю.

Может быть, это потому, что я пьян, но части пазла не сразу встают на свои места. Мой мозг фиксирует каждое событие по отдельности.

Мигающие фары.

Скрежет металла о металл.

Тело, лежащее на обочине.

Ноги становятся похожи на надутые шарики. Я бегу вперед и падаю на колени рядом с девушкой, и мое туманное сознание узнает в ней Лорен. Что она тут делает? Она здесь не живет.

Нет, все правильно. Она живет дальше по улице. Но сейчас она скрючилась над тротуаром, пытаюсь привести в чувство моего брата. Он лежит наполовину на боку, наполовину на животе, как будто приземлился на землю с большой высоты. Его белая футболка разорвана и пропитана кровью. На тротуаре тоже полно крови.

Так много крови...

Я ощущаю прилив тошноты, но умудряюсь подавить его.

Что-то больно вонзается в мои колени. Это стекло. Лобовое стекло. Лобовое стекло «ровера» разбилось вдребезги.

– Сойер, – зовет Лорен. – Сойер!

– Это Себастиан, – сдавленно говорю я. Мне ничего не стоит различить близнецов даже во сне, даже когда я пьян.

Лорен начинает рыдать еще сильнее.

Мой пульс колотится с бешеной скоростью, и я снова смотрю на «ровер», чтобы проверить, как там другой мой брат. Сойер лежит на руле, ремень врезался ему в шею, подушка безопасности надавила ему на лицо. Из его правого виска к подбородку сочится струйка крови.

Я поворачиваюсь к «вольво». Она почти не повреждена, если не считать того, что задняя дверь и бампер почти полностью вмяты внутрь. Сердце замирает, когда дверь со стороны водителя открывается.

Хартли, спотыкаясь, выбирается из машины. Лицо у нее такое же

белое, какой недавно была футболка Себа. Глаза широко открыты, но в них пустота. Она словно в ступоре.

Ее взгляд опускается на Себастиана и замирает на его пугающе недвижимой фигуре, окровавленном, смятом теле. Хартли смотрит и смотрит, как будто не может понять, что видит.

Наконец она открывает рот, и раздается отчаянный, сдавленный крик. И к крику примешиваются три душераздирающих слова, от которых у меня стынет кровь и слабеет все тело.

– *Я убила его.*

Оставайтесь на связи

Не переживайте. В саге о Ройалах будет еще одна книга – следующая часть серии будет издана совсем скоро. Ждать осталось недолго!

Подпишитесь на наши новости, чтобы узнавать о новых книгах, обложках и прочей информации, доступной только подписчикам! Мы же обещаем отправлять вам письма только с самым важным. Оставайтесь с нами на связи, ставьте «лайки» на странице Эрин Уатт в *Facebook*, читая новости и забавные тизеры!

Мы на FACEBOOK:

<https://www.facebook.com/authorerinwatt>

Мы на GOODREADS:

https://www.goodreads.com/author/show/14902188.Erin_Watt

Об авторе

Эрин Уатт – это псевдоним двух популярных писательниц, которых связали вместе любовь к хорошим книгам и страсть к писательству. У них одинаковое творческое воображение. Что они любят больше всего на свете (конечно, кроме своих семей и домашних животных)? Придумывать забавные – а порой и совершенно безумные – истории. Чего они боятся больше всего на свете? Рассориться.

Связаться с Эрин Уатт можно по электронному адресу:
authorerinwatt@gmail.com